

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1980

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1980

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

(К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»)

Прошло десять лет с начала издания в Баку всесоюзного научно-теоретического филологического журнала «Советская тюркология» — совместного органа Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

В последние десятилетия тюркологические разработки в нашей стране проводились особенно интенсивно и широким фронтом. К исследованию многочисленных тюркских языков и диалектов были привлечены десятки и сотни научных работников. Это способствовало углублению исследований и обогащению их новыми фактическими данными. Советские ученые успешно решили многие практические и теоретические вопросы тюркской филологии и накопили более чем полувековой опыт исследовательской работы. В тюркоязычных республиках и областях при активной помощи ведущих русских ученых сформировались собственные национальные научные кадры, способные ставить и решать проблемы и задачи общетюркологической значимости. Их усилиями был собран, систематизирован и частично обобщен огромный фактический материал по грамматикам и словарям, диалектам и говорам, языку и стилю письменных памятников и т. д. Для дальнейшего успешного развития тюркологии необходимо было объединить силы тюркологов, сплотить их ряды, обеспечить широкий и плодотворный обмен научными идеями, опытом работы и т. д. Всего этого можно было достичь лишь при наличии специального тюркологического периодического всесоюзного печатного органа. Именно таким органом и был призван стать всесоюзный журнал «Советская тюркология», начавший выходить с 1970 года в Баку.

«Советская тюркология» — это первый в нашей стране всесоюзный периодический тюркологический орган, создание которого фактически ознаменовало собой начало нового этапа в истории отечественной тюркологии, достигшей за годы Советской власти больших успехов.

Ленинская национальная политика КПСС, создавшая благоприятные возможности для невиданного развития и подлинного расцвета национальных культур народов нашей страны, благотворно сказалась также и на языковом строительстве. Советский Союз является родиной почти всех (свыше двадцати) тюркских народов (за исключением турецкого). Тюркские языки по числу говорящих на них (около сорока миллионов человек) занимают в СССР второе место после восточнославянских. Коренное население пяти союзных, шести автономных республик и двух автономных областей говорит на тюркских языках.

Издание первого в нашей стране всесоюзного тюркологического журнала было вполне обоснованно поручено филологам и журналистам Баку, известного своими славными тюркологическими и востоковедческими традициями. Именно здесь в 1920 году проходил Первый съезд народов Востока, а в 1926 году — Первый всесоюзный тюркологический съезд. Азербайджанские ученые одними из первых в Союзе добились весьма важных научных результатов в области филологии, имевших существенное значение и для тюркологии в целом.

Создание всесоюзного специального тюркологического органа свидетельствовало прежде всего о значительных успехах, достигнутых советскими учеными в этой области науки, и о том большом научном и политическом значении, которое придается партией и правительством развитию тюркологии в настоящее время.

Тюркология, как наука, на протяжении многих десятилетий развивалась в целом ряде стран. В нее внесли свою весомую лепту видные востоковеды Европы, Азии и Америки. Выдающихся общепризнанных успехов достигла тюркология в России. С течением времени значение этой науки все более возрастало. В разработку ее проблем включались все новые и новые поколения ученых. Огромный вклад в тюркологию внесли советские ученые. В этих условиях издание в нашей стране единственного в мире научно-теоретического периодического тюркологического органа — журнала «Советская тюркология» — сразу же выдвинуло советскую тюркологическую науку на передний край современной мировой тюркологии.

За истекшие десять лет вышло в свет 60 номеров журнала «Советская тюркология» общим объемом свыше 600 п. л. Традиционными для журнала стали такие рубрики, как «Структура и история языка», «Языковые связи», «Вопросы литературоведения и фольклористики», «Ономастика», «Дискуссии и обсуждения», «История отечественной тюркологии», «Сообщения и обзоры», «Рецензии», «Научная жизнь», «Personalia» и «Хроника». В статьях, сообщениях, рецензиях и других публикуемых в журнале материалах нашли свое отражение важнейшие результаты научных исследований в области тюркологии и основные события тюркологической жизни в стране и за рубежом.

За минувшее десятилетие в журнале «Советская тюркология» было напечатано около полутора тысяч публикаций нескольких сотен авторов — как советских, так и зарубежных, в том числе видных ученых-тюркологов Москвы, Ленинграда, Баку, Ташкента, Алматы, Ашхабада, Фрунзе, Казани, Уфы, Киева, Тарту, Новосибирска, и многих десятков других городов СССР (всего около шестидесяти), а также зарубежных стран — Болгарии, Польши, Венгрии, ГДР, Чехословакии, Румынии, ФРГ, Швеции, Норвегии, Японии, США.

На страницах журнала «Советская тюркология» увидели свет статьи, посвященные конкретным сравнительно-историческим разработкам по лексике различных тюркских языков. Большое место в журнале заняли вопросы сравнительно-исторической фонетики и грамматики тюркских языков, а также языка памятников древнетюркской письменности. Это в основном статьи по исторической фонетике и морфологии, по сравнительному, типологическому и ареальному изучению языковых явлений, исследованию отдельных грамматических категорий и лексических единиц. Ряд статей был посвящен исторической лексикологии и фразеологии, диалектографии и диалектологии, в том числе лингвогеографии, диалектологической лексикографии и исторической диалектологии, отдельным вопросам фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса современных тюркских языков. В нескольких статьях ос-

вещались актуальные вопросы орфографии и орфоэпии некоторых тюркских языков, неразработанные проблемы стилистики. Значительное внимание было уделено тюркизмам в иносистемных языках и проблемам ономастики.

С интересом были встречены читателями обзорные статьи видных советских и зарубежных тюркологов, посвященные вопросам истории, современного состояния и дальнейшего развития тюркской филологии в отдельных тюркоязычных республиках и зарубежных странах.

Специальные номера журнала посвящались развитию тюркской филологии в СССР за шестьдесят лет, сравнительно-историческому методу и его применению в области фонетики и грамматики тюркских языков, 900-летию «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни и «Дивана» Махмуда Кашгары.

Много места уделялось также синтаксической проблематике, в разработке которой, особенно в последние десятилетия, советские тюркологи получили интересные результаты. Было опубликовано значительное число статей теоретического характера по нерешенным вопросам бессоюзного сочинения и подчинения, типологии синтаксических конструкций, соотношения придаточного предложения и распространенного оборота, синтактико-стилистических фигур и т. д.

Целый ряд статей был посвящен жизни и научному наследию выдающихся представителей отечественной тюркологии.

На страницах журнала чаще других обсуждались фонологические проблемы. Дискутировались также проблемы эволюции синтаксических конструкций в плане предикативности и атрибутивности, некоторые семасиологические, этимологические и другие вопросы.

Меньше публиковалось в журнале статей о закономерностях формирования, развития и обогащения литературных языков, о социолингвистических и методических аспектах тюркско-русского двуязычия, о языковых нормах и функциональной стилистике тюркских литературных языков, по теории перевода и др.

Помещались в журнале материалы многочисленных всесоюзных тюркологических конференций, симпозиумов, чтений и семинаров, а также подробные информации о них.

Определенную роль журнал сыграл и в деле координации и кооперации тюркологических научных разработок. Журнал содействовал концентрации внимания ученых на важнейших направлениях тюркологии, способствовал ликвидации мелкотемья и дублирования в планах научно-исследовательских работ научных учреждений и высших учебных заведений тюркоязычных республик и областей по языкознанию и филологии в целом.

Благодаря журналу «Советская тюркология» наглядно выявились как наиболее интенсивно развивающиеся области тюркологической науки, так и те, которым уделяется сравнительно меньше внимания. К последним относится, например, тюркологическое литературоведение. Журнал испытывает постоянную нужду в подобных статьях. По-видимому, литературоведы тюркоязычных республик и областей, успешно разрабатывающие проблемы родной литературы, сталкиваются с определенными трудностями, препятствующими их переходу на более широкую стезю тюркологического литературоведения, и это не может не вызывать озабоченности соответствующих академических научных учреждений.

Большинство исследований языковедов тюркоязычных республик и областей, полученные ими научные результаты до последнего времени часто оставались неизвестными или малоизвестными тюркологиче-

ской общественности страны и всесоюзному читателю. С выходом «Советской тюркологии» это положение начало в корне меняться. Благодаря журналу многие национальные ученые получили реальную возможность выступить на страницах всесоюзной печати и таким образом творчески включиться в научный тюркологический процесс. Редакция журнала «Советская тюркология» вкладывает в подготовку к печати поступающих статей, в их научное и литературное редактирование огромный кропотливый труд, добиваясь того, чтобы они стали достоянием всесоюзного читателя и поступили в научный обиход.

Много внимания уделяется редакцией журнала «Советская тюркология» также рецензированию и аннотированию тюркологических работ, что имеет весьма важное значение для популяризации прежде всего республиканских изданий, особенно выходящих на национальных языках.

На рост популярности журнала «Советская тюркология» и значимость его публикаций весьма красноречиво указывают многочисленные ссылки на помещаемые в нем статьи, без которых в последнее время не обходится почти ни одно тюркологическое издание.

Говоря о журнале «Советская тюркология», нельзя не упомянуть и о значении такого важного аспекта его деятельности, как творческое сближение представителей гуманитарной интеллигенции различных национальностей, служащее в конечном итоге благородному делу укрепления дружбы народов нашей страны.

Думается, уместно здесь привести несколько строк из Решения, принятого VII Тюркологической конференцией в Ленинграде в 1975 году в связи с пятилетием журнала «Советская тюркология»:

«Журнал „Советская тюркология“ вносит заметный вклад в дело координации и кооперации тюркологических исследований в нашей стране, а также способствует общей консолидации советских тюркологов, обращению их к наиболее актуальным темам современной науки... Констатируя, что издание журнала „Советская тюркология“ стало новым стимулом развития тюркологических исследований в СССР, конференция отмечает также влияние журнала на развитие филологических дисциплин в тюркоязычных республиках и областях СССР... Редколлегия и редакция проводят большую работу по привлечению в журнал новых авторов и содействуют формированию молодых научных кадров».

Всесоюзная тюркологическая конференция в Алма-Ате в принятой в сентябре 1976 года Резолюции подчеркнула: «Большую роль призван сыграть всесоюзный журнал „Советская тюркология“ который неизменно и широко освещает новые достижения во всех отраслях нашей науки».

Отрадно сознавать, что журналу «Советская тюркология» тюркологами единодушно отводится столь значительная роль в научном тюркологическом процессе. Это не только убедительно указывает на признание заслуг журнала, но и ко многому обязывает его редколлегию и редакцию.

Журнал «Советская тюркология» должен в дальнейшем еще активнее и последовательнее содействовать успешному развитию научного процесса, сосредоточивая внимание советских ученых на нерешенных проблемах наиболее актуальных направлений тюркологической науки.

Следует обратить особое внимание на увеличение числа публикаций в журнале теоретических обобщающих статей, подытоживающих отдельные этапы в разработке наиболее важных и фундаментальных тюркологических проблем и ставящих задачи на будущее.

На страницах журнала «Советская тюркология» должны найти широкое освещение актуальные теоретические и практические проблемы современных тюркских языков: вопросы совершенствования норм орфографии и орфоэпии, обогащения словаря литературных языков и т. д.

Особое значение в настоящее время, в условиях бурного развития культур социалистических наций, приобрели вопросы культуры речи, которые тоже должны занять достойное место в журнале.

Шире предстоит развернуть на страницах журнала научные дискуссии и обсуждения по наиболее интересным и перспективным вопросам и проблемам, находящимся в стадии разработки и исследования.

Журналу «Советская тюркология» необходимо рецензировать и аннотировать практически все значительные издания тюркологического профиля, выходящие как в центре, так и на местах.

Широко и оперативно предстоит освещать в журнале «Советская тюркология» важнейшие события тюркологической научной жизни в стране и за рубежом.

Дальнейшее развитие получит практика привлечения в журнал молодых способных научных работников, специализирующихся в области тюркской национальной филологии, что, несомненно, будет содействовать подготовке и росту квалифицированных кадров тюркологов.

Журнал будет и впредь привлекать в качестве авторов статей и обзоров видных зарубежных тюркологов, тем самым способствуя налаживанию и укреплению научных связей и контактов.

Регулярно будут печататься в журнале «Советская тюркология» обзорные статьи и обстоятельные информации о тюркологических разработках, проводимых в различных тюркологических центрах, научных учреждениях и вузах.

Редколлегия и редакция журнала «Советская тюркология» приложат все силы, чтобы при постоянной и заинтересованной помощи авторского актива добиться дальнейшего повышения научного и идейного уровня журнала и тем самым содействовать успешному развитию советской тюркологической науки.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Д. С. СЕТАРОВ

ТЮРКИЗМЫ В РУССКИХ НАЗВАНИЯХ ЖИВОТНОГО МИРА

Дикие животные, в отличие от домашних, часто бывают распространены на относительно ограниченной территории и представляют собой так называемые эндемы. Поэтому их названия являются исконными только в тех языках, носители которых живут в местах обитания этих животных.

Как известно, территория прародины восточных славян была лесистой. Поэтому многие названия представителей степной фауны были заимствованы в русский язык из тюркских, так как тюркские племена с давних времен проживали в степной зоне. (Показательно, что большое число названий представителей морской и горной фауны в русском языке также заимствовано у соседних народов, на территории проживания которых эти животные были издавна распространены).

Наличие же в русском языке тюркских названий лесных животных, как полагает В. В. Докучаев, связано с тем, что «... в доисторическое время все речные долины наших степей, по крайней мере, долины, начало которых находится в лесной полосе России, были одеты смешанною лесною растительностью, вплоть до Черного и Азовского морей» (Докучаев, 1892, 68). Таким образом, обширные приречные леса в долинах рек и на берегах Черного и Азовского морей были естественными путями проникновения лесных животных в степную зону, заселенную тюркоязычными племенами, которые и давали им свои названия. В результате контактов русских с тюркскими народами некоторые из этих названий были заимствованы русским языком. Однако следует отметить, что многие подобные тюркизмы не вошли в общенародный язык, а сохранились лишь в отдельных диалектах русского языка.

АЕ, АЕВ, обл. (ниж., астр. 'медведь' < тат.). «На Каспийском море промышленники не смеют поминать медведя, опасаясь бури, а называют его аё, аю» (Даль, I, 6). «Табуистическое заимствование из крым.-тат., тат., кыпч., кирг., башк.» (Фасмер, I, 62). Ср. туркм., тур., азерб., гаг. ајі; крым.-тат., кум., ног., каз., ккалп. ајув; кирг., узб. диал., тат., алт. ајц; кбал. ајј 'медведь'.

Русская диалектная форма аю могла быть заимствована из многих тюркских языков. Однако наиболее вероятно заимствование из соседнего татарского — ају 'медведь'. Что касается форм аё, аёв, то полной аналогии им в тюркских языках нет. Ближе других к ним формы крым.-

тат., кум., ног., каз., ккалп. — ајув с билабиальным конечным *у*. По мнению Э. В. Севортяна, «основой русского диалектального *аёв* должна быть форма, подобная башкирской, которая звучит как ајуй, но с широким гласным» (Севортян, 1962, 11—21).

Некоторым тюркским языкам свойственно метафорическое значение слова ају, аналогичное русскому «медведь». Ср. русское «медведь» о неуклюжем, неповоротливом человеке, узб. диал. ајув 'неуклюжий, неповоротливый, несуразный, нескладный', азерб. ају 'грубый, неотесанный, невоспитанный человек'.

АКЖИЛАН, АКЗИЛАН 'змея' (< тат.); «обращена в баснословную белую рогатую змейку, которая служит на счастливого; царь-змея, князек-змея» (Даль, I, 8). «Из тур. ак (белый) + жилан (змея), в каз., тат. — то же» (Фасмер, I, 65).

Займствование тюркского названия змеи рядом русских говоров объясняется так называемым языковым табу, в основе которого лежит суеверие, что названная своим именем змея может явиться, как бы на зов. Заменяющие запретные слова имена очень часто заимствовались у соседних народов. Ср. кыпч., крым.-тат., ног., кум., башк. јулап, кирг. јулап, узб. йлоп, тув., хакасс. џулап 'змея'. Название змеи в тюркских языках является глагольным именем на *-ап* со значением носителя процесса и восходит к межтюркскому јул 'извиваться', 'ползать'; ср. кирг., каз. јул, хакасс. џул, як. сүл — в том же значении.

Аналогичное происхождение имеет название змеи во многих языках и других систем. Русское «змей», «змея» буквально значило «земляная, ползающая по земле», рус. диал. *полоз* 'змея' < ползать, диал. *полозить*, лат. *serpens* 'змея' < *serpo* 'ползать, пресмыкаться', нем. *Schlange* 'змея' < др.-герм. *slango* 'ползучий', англ. *snake* 'змея' < герм. *snakan* 'ползти'.

Мы уже говорили о том, что займствование тюркских названий змеи и медведя некоторыми русскими говорами связано с языковым табу на исконно русские названия. Что же касается самих русских названий («змея», «медведь»), то, по мнению многих исследователей, они также являются эвфемизмами, появившимися в результате табуирования других, первичных, наименований. Все имеющиеся этимологические словари русского языка и многочисленная учебно-методическая литература отражают эту традиционную точку зрения, восходящую к «теории табуирования» А. Мейе: «В славянских языках, как и в балтийских, германских и отчасти кельтских языках, нет древнего названия медведя, сохраненного большинством других индоевропейских языков. Оно было замещено различными словами (а в славянском языке словом медведь), обозначающими „едок меда“. Это следствие словарного запрета: следуя обычаю, хорошо известному у многих народов, охотники избегали называть своим именем зверей, которых они преследуют; народы севера Европы, финны, как и индоевропейские племена, обозначают медведя различными определениями»².

Однако ни у А. Мейе, ни у его последователей нет убедительных аргументов в пользу своей концепции. По нашему мнению, названия медведя и змеи в русском языке являются подлинными, данными этим животным по весьма характерному, «бросающемуся в глаза признаку». Это предположение находится в полном соответствии с известным высказыванием Л. Фейербаха о том, что в основе названия всегда лежит «отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, ко-

² А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 400.

торый я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности» (Ленин, т. 29, стр. 74).

В пользу нашего предположения можно привести следующие доводы. Мнимое табуирование подлинных названий медведя и змеи известно далеко не у всех индоевропейских народов. «Теория табуирования» причину этого не объясняет. С другой стороны, аналогичные, описательные наименования по «бросающемуся в глаза признаку», характерному, например, для змеи, имеются в иносистемных тюркских языках, где они являются первичными, подлинными, а не вторичными (эвфемизмами), выступающими взамен табуированных.

АККУЙРУК, КАРАКУЙРУК, обл. «В северной части Киргизской степи водятся стадами сайга белогузка (ак-куйрук), моргач, а в южной — черногузка (кара-куйрук)» (Даль, IV, 129 на сл. *сайга*).

В речи русских, проживающих в Средней Азии, и в местной печати эти названия получили широкое распространение: *аккуйрук* 'сайгак', *каракуйрук* 'джейран, кийик'. («Вдали от караванных троп попадались табуны газелей — каракуйруков», — из газеты).

Русские названия «белогузка» и «черногузка» являются точными кальками тюркских слов *аккуйрук* и *каракуйрук*.

АЛАКУРТ. «Паразитическое насекомое отряда блох, присасывающееся к животным и проводящее на них зиму» (БСЭ, 1969, I, 380). Насекомое распространено в Средней и Центральной Азии, в Монголии.

На первый взгляд, название насекомому дано по цвету, образовано аналогично слову *каракурт* и состоит из распространенного в тюркских языках слова *ala* 'разноцветный', 'пестрый' и слова *kurt* 'насекомое'. Однако такое название не соответствует обозначаемой реалии. Да и вряд ли насекомое, паразитирующее на домашних и диких животных, могло вызвать у человека положительные ассоциации и получить название «разноцветное, пестрое насекомое». Название действительно состоит из двух тюркских слов, но первый компонент *ala* имеет значение «накожная болезнь в виде белых пятен» (азерб.). Насекомое получило такое название в связи с тем, что оно поражает у животных кожный или волосяной покров и приводит к образованию бесшерстных участков кожи. Ср. кирг. *ala kurt* 'овечья блоха'.

АРГАЛИ, АРГАЛЕЙ. «Дикая камчатская овца, баран; дикий, степной, горный, каменный баран; аркар, архар» (Даль, I, 21); *аргали* (< монг.) «дикий горный баран с очень большими рогами, водится в Средней Азии» (Сл. ин. слов, 1954, 70). В передаче монгольского названия возможно тюркское посредство.

АРХАР, АРКАР, АРГАЛИ, КАЧКАР. «Дикий баран; распространен в горах Средней Азии и Казахстана, частично в Южной Сибири и Забайкалье» (БСЭ, 1970, II, 280); *аркар, архар, аргали* (Даль, I, 23). «Из каз., кирг., чаг. *aqqaq* 'горный дикий баран', др.-тюрк. *aqqaq*, чаг. также *aqhaq*» (Фасмер, I, 87). Ср. также узб., калп. *aqhaq*, тув. *aqqaq* 'горный баран'.

В древних тюркских языках слово *aqqaq* означало только самку и выступало в паре с другим словом, обозначающим самца: *qoqqaq, qisqaq* 'баран-производитель' (см. кочкар).

«*Aqqaq*, по-видимому, глагольное имя на -*q* со значением названия признака от **aqqa-*: ср. кирг. подражательный глагол *aqqaq* 'торчать в разные стороны', 'выситься', 'вздвигаться'; кирг. *aqqaqaj* 'выпятившийся', 'торчащий во все стороны': *aqqaqaj tujuuz aq buyu* фольк. 'белый олень с ветвистыми рогами'» (Юдахин, 1940, 47); (Севортян, 1974, 176). Ср. аналогичное образование названия птицы *ulaq* < *ula* 'выть' + аффикс -*q*, образующий причастия от основ глагола.

АТБАСАРКА. «Нестадное насекомое семейства настоящих саранчовых, опасный вредитель хлебов, хлопчатника и луговых злаков» (БСЭ, 1970, II, 369). Название, на наш взгляд, состоит из двух тюркских слов: от 'трава, растение, зелень' и *basar* 'набегающий', 'налетающий' и буквально означает «набегающий, налетающий на луга и растения».

БАБР, обл. (сиб.). «Тигр, полосатый, королевский, царский тигр. Ученые ошибочно называли бабром одного из барсов, а географы ... переименовали и переписали его в бобра» (Даль, I, 35); (СРНГ, II, 27; ССРЛЯ, 1950, I, 236). В русском языке известно с XVII века.

Э. Э. Баллион писал: «Не умею объяснить это слово и сильно сомневаюсь, чтобы оно было русское. Не происходит ли оно от монгольского *барр*, названия тигра у монголов» (Баллион, 30). «Бабр — ягуар, по мнению Горяева и Преображенского, заимствовано через тюрк. *babr* 'тигр', из перс. *babar* 'дикое животное из семейства кошачьих, за которыми охотятся из-за шкуры'» (Фасмер, I, 100). Ср. туркм. *babar* 'пантера', азерб. *bäbir*, тур. *bäbr* 'леопард, пантера', уйг. *bebergi* 'леопард', кум., чув., хакасс. *bäbir*, як. *bäbir* 'тигр'; алт. *bag*, тув. *rag* 'тигр' связаны с монгольским *bag*. У В. В. Радлова: чаг. *babär* 'леопард' < перс.; тур. *bäbr* 'леопард, пантера' < ар. (Радлов, IV, 1565, 1638).

БАБУК, обл., (южн.-сиб.). «Животное из отряда грызунов, земляной заяц, табарган, тушканчик» (Даль, I, 35); (СРНГ, II, 27—28).

«Горяев (Доп., I, 2) связывает с байбак и считает заимствованием из тюркского» (Фасмер, I, 100).

БАЙБАК, **БАБАК**, обл. (южн.) 'степной сурок'; 'сонный, плотный, малорослый человек'; 'неповоротливый, мешковатый человек, лентяй и соня'; «бездомок, бобыль; одинокий и холостой домосед» (Даль, I, 38); (СРНГ, II, 52); *байбак* 'степной грызун из рода сурков, осенью и зимою впадающий в спячку', перен. 'неповоротливый, ленивый человек' (ССРЛЯ, 1950, I, 244).

Широкое развитие переносного значения у слова *байбак* позволило М. Фасмеру предположить первичность значения «лентяй» и вторичность — «сурок». Исходя из этого явно, на наш взгляд, ошибочного предположения, этимолог выводит слово *байбак* из караимского *baid-bah*, *baibah* 'плохой' и тур.-перс. *bedbaht* 'несчастный человек' (Фасмер, I, 107).

Н. К. Дмитриев относил слово *байбак* к гипотетическим тюркизмам: «Ср. ккал. *balpak* 'коротконогий', а с другой стороны — каз. *байрак* 'кошмённые чулки, род валенок, доходящих до колен' (Будагов), тат.-тоб. *байрак* 'чулки шерстяные'» (Дмитриев, 43). Н. М. Шанский безоговорочно относит это название к тюркизмам и сопоставляет его с тат. и башк. *байбак* 'сурок' (Шанский, ИБ, 11—12).

По нашему мнению, тюрк. *байбак* генетически связано с каз. и кирг. *тайтак* 'косопалый, неуклюжий' (*тайтак козу* 'кривоногий ягненок'), ккалп. *balpak tuşkap* 'байбак' (букв. 'косопалая мышь'). В фонетическом отношении это вполне допустимо: согласные *b* и *m* в тюркских языках часто взаимозаменяются: *байрам*—*майрам* 'праздник', *бигип*—*тигип* 'нос', *кабан*—*камап* 'кабан', *buz*—*muz* 'лед'. Ср. у В. В. Радлова: *байтак* (сарт) 'косопалый' (Радлов, IV, 1431).

Значение «неповоротливый, ленивый человек» в русском языке является вторичным, возникшим на базе первичного значения: *байбак* — сурок «крупный, неуклюжий грызун, впадающий в спячку с ранней осени до поздней весны».

Слово *байбак* впервые отмечается в «Словаре ручной натуральной истории» 1788 года (т. I, 30): «байбак или сурок».

БАКТРИАН. «Двугорбый верблюд, млекопитающее рода верблюдов» (БСЭ, 1970, II, 550); *бактриан* (тюрк.) 'двугорбый верблюд' (Сл. ин. слов, 1964, 90). Животное именуется по названию местности Бактрия, Бактриана — «древняя область по среднему и верхнему течению Амударьи, охватывавшая территорию современных южных областей Узбекской и Таджикской ССР и северных областей Афганистана» (БСЭ, 1970, II, 550). Известно, что через Бактрию вели многие караванные дороги в Индию и Китай.

БАРС. «Хищный зверь кошачьего, львиного рода, чубарый тигр; барсовый — крапчатый, пятнистый, чубарый» (Даль, I, 51); барс — «хищный зверь из семейства кошачьих» (ССРЛЯ, 1950, I, 285). В памятниках русской письменности отмечается с XVI века.

«Слово, первоначально иранское, однако рано усвоенное тюрками; ср. еще у Махмуда Кашгарского в значении „тигр“» (Дмитриев, 38). Н. М. Шанский считает, что слово заимствовано древнерусским языком из тюркских языков (Шанский, I Б, 48). Ср. ног., ккалп., каз., кум. *bars*, кирг., уйг., туркм. *bars*, тур. *pars* 'барс'. В алт. *bar*, тув. *par* 'тигр' связаны с монгольским *bar* 'барс', заимствованным, по мнению А. М. Щербака, из тюркских языков (Щербак, 139). Видимо, эти формы восходят к эпохе алтайской языковой общности.

В ряде тюркских языков слово *bars* входит в состав сложного слова: др.-тюрк. *jolbars* 'тигрица', тат. *julbarys*, ног. *jolbarys*, туркм. *jolbars*, *julbars*, каз. *žolbarys*, кирг. *žolbars* 'тигр'. Дословно эти названия тигра означают «полосатый барс» [*jol(ak)*, *žol(ak)* 'полоса, полосатый']. Джекающая форма этого слова — «джульбарс» вошла в русский язык и стала употребляться в качестве клички собаки.

БАРСУК. «Хищное животное семейства куньих» (ССРЛЯ, 1950, I, 285); «барсук (от поросук, порсук, пороса, по сходству его); зверь, сходный по лапам с медведем, а по рылу, шерсти и стати со свиньей; обл. (тамб.) кабан, свиной самец» (Даль, I, 51).

Слово *барсук* всеми единодушно признается тюркизмом. «Заимствование из тур., каз., балкар., карач. *borsuk*, тат. *bursuk*, *barsuk*, чагат. *bursuk* — то же» (Фасмер, I, 128). Однако разногласия между учеными вызывает внутренняя форма слова, тот этимон, к которому специалисты сводят название животного. Н. М. Шанский, считая слово древнерусским заимствованием из татарского языка, предполагает, вслед за М. Фасмером, что «животное названо так по цвету шерсти: тюрк. *borsuk* букв. значит 'серый'» (Шанский, IБ, 48). Однако следует заметить, что форма *borsuk* со значением «серый» в тюркских языках не зафиксирована. Г. Рамстедт производит название животного от тюрк. **bog* 'сытый, жирный' (ср. кирг. *borsogoj* 'кругленький, толстенький') (Щербак). На наш взгляд, более убедительна этимология, выдвинутая С. С. Цельникер³ («Этимология», 1963, 120—123). Исследователь возводит *барсук* к тюрк. *bog*, *bir* 'пахнуть, вонять'. Ср. кирг. *borsu* 'вонять, издавать неприятный запах', туркм. *porşamak* 'вонять', *porruk* 'вонючка', крым.-тат. *borsuk* 'барсук' при *borsumak* 'становиться затхлым', башк. *birhyk* 'барсук' при *birhyu* 'преть, подопреть', диал. 'тухнуть, протухнуть (о мясе, яйцах)'. Животное могло получить такое название, ибо у большинства представителей куньих имеются анальные железы, издающие резкий запах.

Все названия животного в тюркских языках распределяются на две группы: с начальным *b* и с начальным *p*: др.-тюрк. *borsuq*, каз., ног. *borsuq*, тат. *bursyk*, башк. *birhyk* и тур., азерб. *porruk*, ккалп.

³ С. С. Цельникер. Некоторые дополнения к этимологии русск. *барсук*. — «Этимология», 1963, 120—123.

porsyk, кум. porsuk, чув. purăš, хакасс. porsyx. Несколько особняком в фонетическом отношении стоит название животного в туркменском языке: torsuk.

У русских и у других славян существовало в древности и свое наименование этого животного. В древнерусских памятниках оно зарегистрировано в виде *азвъ* или *язвъць* (Срезневский, III, 1644—1645), а в прошлом веке кое-где в народных говорах как *язвик*, *язвец*, *язва*: «Барсук или язвец живет в тех же уездах, где и медведь» (Зельницкий, 41).

Слово *барсук* в русских памятниках встречается с XV века.

БИЙ, обл. (южн.). «Тарантул, мизгирь, ядовитый земляной паук» (Даль, I, 90). Заимствование из тюркских языков: др.-тюрк. *bī* 'тарантул', кирг. *bōj* 'тарантул', 'мизгирь', каз. *būji*, уйг. *buj* 'тарантул', ног. *bij* 'паук', 'пчелиная матка', крым.-тат. *bij* 'паук', туркм. *bij* 'тарантул'. Вероятнее всего в южнорусские говоры слово проникло из крымско-татарского.

БИРЮК 'волк, волк-одиночка' (ССРЛЯ, 1950, I, 459); обл. (оренб., сиб., астр., ворон.) < тат. 'волк'; в симбирской местами называли так медведя, а в нижегородской — барсука; (астр., сарат., дон.) *бирюк* или *бирючок* «башмак, годовалый бычок (не телка)» (Даль, I, 88).

«Заимств. из тюрк. Ср. др.-тюрк. *bōgi*, чаг., хивин., туркм. *bōgi*, кыпч., каз. *bōgū*, уйг. *rōgi*, алт., тел., леб., койб. *rōgi*, тат., тоб. диалект тат. *būgi*» (Фасмер, I, 168).

У многих народов название волка запретно. Взамен его русские заимствовали слово «бирюк».

В 1769 году в сатирическом журнале Василия Тугова «Поденщик» было проведено сопоставление арабских, персидских, турецких и татарских слов с русскими. Некоторые из этих сопоставлений весьма удачны: «*бирю* — волк и *бирюком* во многих городах волка называют»⁴. «О связи между русским *бирюк* и одним из тюркских названий волка было известно еще во времена Будагова (Словарь, 278)» (Дмитриев, 21).

В русский язык слово *бирюк* проникло, по-видимому, в XIV—XV веках, однако еще в начале XIX века это слово в значении «волк» характеризовалось как заимствование, употребляемое русскими только в местах, прилегающих к территории тюркоязычных народов. В переносном же значении «угрюмый человек» слово *бирюк* в словарях приводилось без локальной пометы. Из южновеликорусских говоров слово *бирюк* 'волк' со временем проникает в литературную речь. Встречается оно, например, в повести Л. Н. Толстого «Казачья»: «Никто уже не живет там (в станицах), и только видны следы оленей, бирюков, зайцев и фазанов». В Большом академическом словаре русского литературного языка слово *бирюк* приводится без каких-либо ограничительных помет.

Татарское *būgi* 'волк' переоформилось в русском языке в *бирюк*, очевидно, под влиянием слов типа *барсук* (Шанский, I Б, 123). На оформление слова с гласным *i* могло оказать влияние лексико-семантическое сближение с тюркским словом *bīg* 'один'. Этим, должно быть, объясняется и возникновение переносного значения слова *бирюк* 'одинокый, угрюмый человек': «Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый» (И. С. Тургенев «Бирюк», примечание автора).

В современных русских народных говорах слово *бирюк* употребляется как в переносном значении, синонимичном слову «бука» (им часто пугают детей), так и в качестве бранного слова: «Грязный, порванный,

⁴ См.: С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. Т. I. СПб., 1904, стр. 278.

как бирюк, ходишь» (Оссовецкий, 55). Тюркским языкам, напротив, свойственно употребление названия волка в качестве положительного эпитета богатыря и личного мужского имени: кирг. *žoo böğüsü* 'храбрый, храбрец'.

То, что при помощи русских словообразовательных аффиксов от слова *бирюк* образованы новые лексемы (*бирюковатый, бирючий, бирючина, бирючок*), оно употребляется в переносном значении и входит в устойчивое словосочетание *смотреть бирюком* (иметь угрюмый вид) — позволяет считать его прочно вошедшим в словарный состав русского языка.

Интересно отметить, что некоторые исследователи (например, Г. Вамбери) название волка в тюркских языках (др.-тюрк., каз., ног., башк., туркм. *bögi*, кирг., тув. *böğü*, тат. *büge*, крым.-тат. *boğü*, хакасс. *püür*) также считают результатом замены табуированного названия волка. В тюркских языках сохранились и другие названия волка: др.-тюрк. *kurt*, туркм. *gurt*, крым.-тат. *qaşqut*, каз. *qasqut*, чув. *kaşkăg*. Башкиры, например, осмысливая этнический термин *башкорт*, считают волка своим тотемом. На тотемы же обычно накладывался словесный запрет — табу. В результате вместо названия волка *курт*, *корт* появляется другое обозначение зверя — *bögi*.

Этимологические словари большей частью указывают, что название волка *büge, bögi, böğü* не имеет тюркской этимологии и является передачей иранского *baīrak* 'ужасный, страшный', к которому, по всей вероятности, восходит также и осетинское *biräg, beräg* 'волк' (Фасмер, I, 168; Шанский, IБ, 123). На наш взгляд, предпочтительней этимология Г. Вамбери, выводящего название волка из тюркского *bög, bog* 'серый'. В семантико-фонетическом отношении это представляется вполне возможным, так как аналогичный процесс наблюдается и в русском языке: *серый* — обычное название волка.

А. Н. Кононов высказал предположение, что конечный -к в слове *бирюк* мог возникнуть и на тюркской почве как аффикс уменьшительности (Кононов, 1969, 536).

БУРУНДУК. «Сибирский зверек, маленькая, полосатая, земляная белка» (Даль, I, 144); «зверек из семейства беличьих с красивой пестрой шкуркой» (ССРЛЯ, 1950, I, 701); *борондук, борундук*, обл. (перм., арханг.) «животное бурундук» (СРНГ, III, 115, 120).

Э. Э. Баллион предполагал, что слово имеет звукоподражательный характер и «произошло от звуков *бруннд, бруннд*, которые этот зверек издает, предчувствуя дурную погоду, но окончание -ук как-то звучит не по-русски» (Баллион). М. Фасмер считал слово *бурундук* заимствованием марийского *uromdok* (Фасмер, I, 248). Н. М. Шанский в качестве источника указывает на татарское *burunduk* (Шанский, IБ, 235). Мы присоединяемся к мнению А. М. Щербака, который считает слово *бурундук* тюркизмом, ибо структура и этимологический состав его типично тюркские (от *burun* 'нос') (Щербак, 82—172). Ср. азерб., кирг. *burunduk*, тат. *boyundyk*, узб. *burunduk*, чув. *părăndăk*, як. *murunduk*.

Впервые в русских текстах слово *бурундук* встречается в Якутских актах 1645 года со значением «приспособление для тяги судна».

БУСЫЙ, обл. (сиб.). «Темно-голубо-серый, избуго-серый, буродымчатый, буро-пепельный» (Даль, I, 145 на сл. *бус*); *бусой, бусый*, обл. (новосиб., южн.-сиб., арханг., волог.) 'серый, пепельный, дымчатый'; (волог.) 'седой'; (волог., свердл.) 'белая в крапинку (о масти коров)'; *буска, буско* 'животное серой масти; кличка такого животного'; (волог.) о кошке; (том.) о лошади (СРНГ, III, 304—306).

Древнерусское *босый* (*босов*) — эпитет волка. В «Слове о полку Игореве» он встречается в следующем контексте: «А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростию, и белым гоголемъ на воду, вѣвръжеся на брзъзъ комонъ и скочи съ него босымъ влъкомъ». Большинство исследователей единодушны в признании прилагательного *босый* тюркизмом, но они расходятся в определении его значения. В. А. Гордлевский, основываясь на том, что у монгольских и тюркских племен, по свидетельству Г. Н. Потанина и В. В. Бартольда, существовал культ волка, признавал эпитет *босый* (волк) тюркским тотемом, в котором *босый* означало «священный», «таинственный», «наводящий благоговейный трепет» (Гордлевский, II, 482—504).

Однако, по нашему мнению, предпочтительней иная точка зрения: прилагательное *босый* связано с тюркским словом *boz*, *bos* со значением «серый», «сизый». Таким образом, встречающийся в памятниках древнерусской письменности тюркизм *босый* (волк) имеет значение «серый (волк)», весьма распространенный эпитет волка в русском языке.

Ср. казан. *buz-boz* 'серый, беловатый', тур., азерб., крым., чаг., тар., каз., хивин., туркм. *boz* 'серый, пепельного цвета'; (каз.) 'бледный'; тел., алт., леб. *pos* 'серый', 'сумерки, заря' (Радлов, IV, 1866, 1681—1682, 1287).

БЫРСЬ. «Зверь гиена, попадает за Кавказом и там зовется капкарой» (Даль, I, 149). Э. Э. Баллион считал, что «название решительно не русское, ибо ничего не выражает, но из какого языка заимствовано, не знаю. Не исковеркано ли оно из киргизского слова *барс*?» (Баллион, 32). М. Фасмер, ссылаясь на Ф. Е. Корша, предполагает связь этого слова с тюркским *барс* 'пантера', но замечает, что в таком случае остается неясным переход *а* в *ы* (Фасмер, I, 259).

ГУРАН, обл. (сиб.). «Дикий козел, самец козули. Дикий баран?» (Даль, I, 408). «Заимствование, возможно, через тюркское посредство (тел., алт. *guran* — то же) из монг. *guga*, калм. *gugu* — то же» (Фасмер, I, 476).

ДЖЕЙРАН (< кирг.) «южная сайга» (Даль, I, 434—435); «один из видов антилоп (газелей), в СССР встречается в Средней Азии, в Закавказье и в Казахстане» (Сл. ин. слов, 1964, 207); «небольшая антилопа» (ССРЛЯ, 1954, III, 764). «Из каз. *žigraŋ* 'вид южной сайги', алт. *jāgrān*, леб. *jigrān*, монг. *žegegen*, калм. *zēgrō* 'косуля, серна, антилопа'» (Фасмер, I, 510). Ср. также тат. *žāgrān*, каз., узб., *žajraŋ*, тур. *žejlan*, туркм. *žegen*, кирг. *žejren*, *žāarde*, тув. *сāāgen*.

«Все тюркские наименования джейрана легко свести к двум фонетическим разновидностям: *žejraŋ* и *žegen*, из которых первая восходит непосредственно к персидскому прототипу, а вторая, очевидно, к нему же, через посредство монгольского письменного *žegegen*» (Шербак).

В тюркских языках между названием животного и названием определенного цвета, возможно, имеется этимологическая связь: др.-тюрк. *jegrān* 'гнедой, рыжий', тат. *žigen* 'рыжая масть лошади', узб. *žiigen* 'рыжий', кирг. *žeerde* 'рыжий', 'газель, джейран'.

В русский язык слово заимствовано в середине XIX века и впервые было зафиксировано в Словаре В. И. Даля в 1863 году.

ДЖИГИТАЙ, обл. (сиб.) < кирг. «осляк» (Даль, I, 434); «дикая малорослая лошадь с головою, похожей на ослиную» (СРНГ, VIII, 44). По М. Фасмеру, заимствование из татарского *čigitai* — то же (I, 511). Ср. тел. *jigidāi*, тур. *čigātāi* «кулан (в Сибири и Месопотамии)»; тел. *čigittai* = *čigātāi* 'дикий осел, лошак' (Радлов, III, 2114).

ДЖУМБУРА, обл. (южн.-сиб.). «Животное из хомячей семьи, суслик, еврашка» (Даль, I, 434); (СРНГ, VIII, 45). «Заимствование из тюрк. *ž* (дж) или *č* (ч) диалекта и, вероятно, соответствует чаг. *jumga* 'крот', чув. *jätga* 'суслик' и т. д.» (Фасмер, I, 511). См. е м у р а н к а.

ДЗЕРЕН, обл. (сиб. < монг.). «Южная сайга, вид антилопы» (Даль, I, 435); (СРНГ, VIII, 46). «Из калм. *zēpn* 'антилопа, косуля'» (Фасмер, I, 511). Ср. алт. *jägän* 'дикая коза' (Радлов, III, 338). См. д ж е й р а н.

ЕВРАШКА, обл. (сиб.) «джумбура», (южн.) «суслик, животное из семьи хомяков» (Даль, I, 513). «Заимствование из тюрк.: ср. чаг. *jumga* 'крот', тел. *jumga*, монг. *žumga* (Фасмер, II, 6). См. е м у р а н к а.

ЕМУРАНКА, обл. (астр.) «земляной зайчик» (Даль, I, 519); «тушканчик», «суслик» (СРНГ, VIII, 538). «Из тат. *jömgän* 'суслик', чаг. *jümge* 'мышь, крыса', *jumga* 'крот', тел. *jumga* 'маленький степной зверек', леб. *jubyga* — то же» (Радлов, III, 465, 499—500 и сл., 583, 624); (Фасмер, II, 19). Ср. также тат., башк. *jomga*, туркм., уйг. *jumga*, узб. *jumgakazyk*, чув. *jätga*.

А. М. Щербак предполагает, что «тюрк. *jumga* и монг. *zuga*, бур.-монг. *zumga* происходят от одного слова, которое предположительно имело форму **d'umbağa*. Затем слог *ba* почти во всех тюркских языках выпал. Каково было первоначальное значение **d'umbağa* в тюрк. и монг. языках, пока неизвестно» (Щербак, 82—172).

Думается, тюркское *jomga*, возможно, этимологически связано с *jomgu* 'кругленький, полный'. См. д ж у м б у р а.

ЗИЛАН, обл. (казан., оренб.) < тат. «белая змея, сказочный змеинный чарек» (Даль, I, 681); *зилан* и *зилант* (ССРЛЯ, 1956, IV, 1224).

«Заимствование из тюрк.: ср. каз., тат. *žulan* 'змея'» (Радлов, IV, 125 и сл.); (Фасмер, II, 97). Следует отметить, что форму *žulan* имеют лишь некоторые народные говоры татарского языка, а в литературном это слово звучит *elan*. Ср. также крым., ком., алт., тел., леб., чул., кирг., уйг., тур., азерб. *julan* 'змея' (Радлов, III, 482). См. а к ж и л а н, а к з и л а н.

ИРБИС 'сибирский барс' < монг. (Даль, II, 47); «снежный барс» (ССРЛЯ, 1956, V, 426). «Из монг. *irbis* — то же, калм. *irws*, ср. также тел., леб. *irbis*, тоб. *ilbis* (Радлов, I, 1471, 1497)» (Фасмер, II, 137).

Монгольское название в русский язык вошло через тюркское посредство: др.-тюрк. *irbič*, *irbiz* 'рысь, леопард', кирг. *ilbirs*, узб. *ilvirs* 'ирбис, снежный барс', тув. *irviš* 'барс'.

Русское *ирбис* < тюрк. *irbiz* < монг. *irväs* 'леопард, пантера'.

КАБАРГА, I. «Козочка, безрогое сибирское животное из семьи оленей, от самца из подбрюшной сумочки получается мускус» (Даль, II, 70); «горное животное из сем. оленей с мускусным мешком в нижней части живота (у самцов)» (ССРЛЯ, 1956, V, 618). «Заимствование из тел., шор., саг. *taburğa* 'сибирская кабарга', тувин. *toŋurɣu* — то же (Радлов, III, 971, 1171)» (Фасмер, II, 149). Ср. также другие формы, приводимые В. В. Радловым: тел. *toŋorɣu*, *toburɣu* 'кабарга' (Радлов, III, 1232—1233); тел., кумд., леб., алт. *toɣu*=*taburɣu* 'выхухоль, кабарга' (Радлов, III, 1185); тел., шор., саг. *taburğa*=*taburɣu*; саян. *toŋurɣu*=*taburɣu* 'мускусное животное'; тел. *toɣu*=*taburɣu* 'кабарга' (Радлов, III, 1171, 1182).

Л. А. Кубанова считает, что русское *кабарга* является заимствованием алт. *toŋgo*, *taburğa* 'жвачное животное сем. оленей' (из алт. *taburğa* 'мускус') (Кубанова). Об этом же писал Ф. Е. Корш: «...Алт. *toɣa* 'выхухоль' — наше *кабарга* (общее между этими зверями — мускус)» (Корш, 8).

Однако следует подумать, нет ли этимологической связи между названием животного «кабарга» и др.-тюрк. *qabaq* 'вздуться, распухать', *qabaqan* 'волдырь, прыщ'; ср. тат. *qabaq* 'пухнуть', *qabaqçuk* 'волдырь, пузырь, бугорок (на коже)', тур. *qabaq* 'пузырь, опухоль', *qabaqak*, *qabaquk* 'надутый, пухлый, опухоль, чирей', кум. *qabaqan* 'мозолистый, покрытый волдырями', хакасс. *kör* (*köperge*) 'вздуться, вспухать, опухать, отекает'. Животное могло получить такое название по мускусному мешочку в задней части живота. В этом случае переход начального *k* в *t* произошел в самих тюркских языках. «Подобный переход мог иметь место, видимо, вследствие того, что звуки „т“ и „к“ в фонетической позиции начала слова перед одинаковыми гласными обладают общим взрывным характером» (Кубанова). Ср. каз., ног. *karbys*, кирг. *tarbyz* 'арбуз'.

КАБАРГА, II, обл. (ворон.). «Тошная, плохая скотина, одёр»; «козел, кобылка, грудная кость в птичьем остове» (Даль, II, 70). В Словаре В. И. Даля все значения кабарга I и кабарга II объединены в одном словообразовательном гнезде. В. И. Даль считал, по-видимому, что здесь произошло метафорическое переосмысление одного слова в другое (грудная кость, ребро > тошная скотина > олень). Однако этимологически и семантически это совершенно разные слова. «Согласно Рясенену, кабарга 'грудная кость птицы' заимств. из тюрк., ср. тур. *kabugya* 'ребро', туркм. *yarugya* — то же» (Фасмер, II, 149). «Тур., тат., алт., башк., Codex Sinaiticus и другие языки знают это слово (*kabugya*) в значении „ребро“». «Словарь иностранных слов» (изд. 1937 г.) объясняет это слово как алтайское» (Дмитриев, 24).

Переход *ы* в *а* на русской почве можно объяснить тем, что тюрк. *y* (*ы*) «не соответствует вполне русскому „ы“, а находится в ряду гласных „ы“, „а“, ближе к „а“... он звучит, как русский „а“ и „о“ в III предударном слоге, например, 'зъкрыват'» (Радлов, т. I, ч. I, стр. X).

КАПКАРА, КИБКАРА, обл. (кавк.). «Бырь, гиена крапчатая, чубарая» (Даль, 88, 106). «Возможно, из кар кага 'совершенно черный', которое встречается во всех тюркских языках (Радлов, II, 132). Хотя в отношении реалии не представляется возможным» (Фасмер, II, 186). Однако следует помнить, что расхождение в значениях для заимствованных слов весьма обычное явление.

КАРАГАН, КАРАГАНКА. «Особый вид степной лисы в южной Киргизской степи» (Даль, II, 90); караганка «подвид обыкновенной (красной) лисицы. Распространена в степях и полупустынях Казахстана. Зимняя окраска желтовато-серая или песчано-желтая» (БСЭ, 1973, XI, 377).

«Из тур. *kaqayap* 'степная лисица'» (Фасмер, II, 190). Ср. каз. *kaqayap* 'караганка' (Радлов, II, 151). Цветом шерсти караганка темнее обыкновенной лисицы и похожа на волка. Отсюда и ее название: тюрк. *kaqa* 'черный' + *yap* (морфологическое наращение).

КАРАКАЛ. «Хищное млекопитающее сем. кошачьих. Уши с кисточками на концах. Кисточки и наружная сторона ушей — черные. Встречается в Южной Туркмении, изредка в Узбекистане» (БСЭ, 1973, XI, 379). В Словаре В. И. Даля слово отсутствует. Нет его и в этимологических словарях русского языка. Словарь иностранных слов (1954) указывает на тюркский источник. А. Д. Михельсон это название также сводил к двум тюркским словам *kaqa kulak* 'черноухий' (Михельсон). Ср. туркм. *garagulak*, узб. *karakulak* 'степная рысь'. Свое название в тюркских языках животное получило по черным кисточкам на концах ушей.

КАРАКУРТ. «Ядовитый паук, распространенный в пустынях Средней Азии и в степях Крыма» (ССРЛЯ, 1956, V, 801). В словари русского языка слово вошло в начале XX века, поэтому в Словаре В. И. Даля оно отсутствует. Однако нет его и в этимологических словарях русского языка.

Название состоит из двух тюркских слов: *кага* 'черный' и *kurt* 'насекомое'. Процесс лексикализации словосочетания произошел уже в тюркских языках: тат. *koğakort*, узб. *koğakurt*, туркм. *garagurt*, азерб. *gağagurd*, уйг. *karikurt* — то же. Однако в киргизском и каракалпакском языках образование новой лексемы полностью еще не завершилось: *кага курт*.

КАРБЫШ. «Хомяк, полевое животное с защечными сумками» (Даль, II, 91); «название двух различных видов грызунов: суслика-песчанника и хомяка обыкновенного» (БСЭ, 1973, XI, 409).

Э. Э. Баллион писал, что «слово решительно не русского происхождения, оно звучит как-то по-татарски» (Баллион, 22). М. Фасмер уверенно указывает на тюркское происхождение: «тюрк. *karbyş* — то же» (Фасмер, II, 195).

КАЯКАН, обл. (вост.-сиб.). «Двухгодовалая козлуха» (Даль, II, 101). Е. Н. Шипова относит слово к тюркизмам и считает его образованием из кирг. *kijik*, *kiik* «все раздельнокопытные дикие животные, кроме свиньи» + аҥ 'зверь, дикое животное' (Юдахин, 1965, 385, 58); ср. ккалп. *kijik* 'дикая коза' (Шипова, 176).

КИЙИК. В речи русских, проживающих в Средней Азии, и в местной печати это тюркское название животного употребляется часто, что нашло отражение и в некоторых тюркско-русских словарях: туркм. *kejik* 'газель, кийик, джейран', кирг. *kijik* 'киик (все раздельнокопытные дикие животные, кроме свиньи)', узб. *kijik* 'киик, сайгак, олень'. Ср. также: тат. *kiek*, каз. *kiik* 'сайгак', ккалп. *kijik* 'дикая коза', хакасс. *kiik* 'косуля, дикая коза'; в др.-тюрк. *kejik* 'лань', 'олень', 'зверь вообще'.

КОЛОНОК. «Сибирский хорь» (Даль, II, 140); «хищный зверек сем. куньих» (БСЭ, 1973, XII, 453). Зверек распространен к востоку от Волги, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. По Э. Э. Баллиону, животное получило свое название от енисейских татар, у которых оно называется *кулон*, *холоң*, что значит «многопожирающий» (Баллион, 34). Такое название животное могло получить за то, что питается, главным образом, грызунами. «Из тунг. *xolongo*, *solongo*, *šolongo* 'хорек', монг. *solongo* — то же» (Фасмер, II 295). Ср. сар. *kulunak*, *kulunayuş*, кач., койб. *kulujak*, тоб. *kulunčak*, каз. *kulunšak* 'колонок'; тур. *kulunğa* 'горноста́й с красными глазами' (Радлов, II, 980—981, 1022). В современном хакасском языке *kolonok*, *xolonox* 'колонок'.

КОРСАК. «Род мелкой степной лисицы» (ССРЛЯ, 1956, V, 1476); *корсак*, *корсук* «вид небольшой лисы в северной половине киргизской степи» (Даль, II, 170). «Из каз., кирг., бар. *qarsaq* 'степная лисица' (Радлов, II, 206)» (Фасмер, II, 338). Название *qarsaq* 'степная лисица' имеется в словаре Махмуда Кашгари (XI в.). В киргизском языке *qarsaq* — общее название рыскающих зверей: волка, лисицы и т. п. и чаще употребляется в атрибутивном значении (*qarsaq tülkü* 'степная лисица, корсак'). В чувашском языке *qarsaq* обозначает зайца-русака; алт. *qorsaq* «клык, кривой или выставившийся зуб» (Вербицкий); хакасс. *хогъах* 'не имеющий передних зубов', хакасс. диал. *qarsaq* 'лапа, когти'; тат. *qarsaq* 'коротыш, низкорослый, карликовый', *qarsaq at* 'низкорослая лошадь'.

Н. А. Баскаков предполагает, что название животного семантически связано с образоподрожательными глаголами: кирг. *qorsoi* 'вести

себя надменно' и qorsondo 'грубо кричать, сопровождая крик угрожающими движениями' (Баскаков, 24). Ср. др.-тюрк. qars 'подражание треску, резкому звуку'.

В памятниках русской письменности слово *корсак* встречается в документах XVI века в значении названия меха: «царевичю Асмаху Фереца, сукно багрец червчат, на корсакех, завязки шолк зелен с золотом, кафтан камка кизыл-башская, шолк ал да зелен» [Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией, т. 2 (1598—1613 гг.). СПб., 1841 г.].

КУЕНЬ, обл. (ряз.), куян (оренб.) «ушкан, заяц < тат. (Даль, II, 212). «Заимствование (возможно, по мотивам табу; см. Зеленин, Табу I, 97) из тюрк.: ср. чаг., балкар. којап 'заяц', алт., тел. којоп, леб. köjöp, тат. кујап (см. Радлов, 2, 526, 1240)» (Фасмер, II, 401). Ср. также тат., башк. кујап, крым.-тат., каз. којап, кирг. којоп 'заяц'.

КУЛАН. «Онагр, дикий осел (в южной киргизской степи)» (Даль, II, 215); «дикий азиатский осел (тюрк.)» (Сл. ин. слов, 1954, 381), «непарнокопытное животное сем. лошадиных» (ССРЛЯ, 1956, V, 1811). «Из каз., тур., чаг., кирг. kulan — то же (Радлов, II, 974), монг. qula, калм. hulu 'дикая лошадь'» (Фасмер, II, 409). Ср. также др.-тюрк. qulan 'дикий азиатский осел', тат., башк. qolan, ног. qulan 'дикая лошадь', каз. qulan 'дикий осел, кулан'; «лошадь Пржевальского», туркм. gulap 'кулан, онагр', узб. qulon 'дикий осел'.

Этимологически название животного, думается, восходит к тюркскому qula: др.-тюрк. qula 'буланный', тат., башк. qola 'буланный', 'саврасый', ног., кирг. qula 'саврасый', тув. qula, хакасс. hula 'саврасый'.

С тюркским qula связано и название жеребца-сосунка: др.-тюрк. qulun, тат. qolun, башк. qolon, каз. qūlyn, ног. qulyn, узб., кирг. qulun, туркм. gulun, тур. qulun, тув. qulun, хакасс. hulun.

По мнению А. Н. Кононова, названия qulan, qulun образованы при помощи уменьшительных аффиксов *-(u)n*, *-n* от слов qul, qula «желтосерый, буланный, гнедой» (Кононов, 1963, 133—141).

МАМОНА, др.-рус. 'обезьяна' (Срезневский, II, 1902, 109). «Только др.-рус. ма м о н а, ма м о н ь, Афан. Никит. 15, 39. Из тур., араб. таї-тип 'обезьяна'» (Фасмер, II, 566). Ср. также азерб. тејтип, крым.-тат. тајтип, тат., каз. тајмыл 'обезьяна'.

Встречающееся в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина слово мамон, мамун обычно связывают с тюркско-арабским тајтип 'обезьяна'. Однако тавтология, которую мы находим у А. Никитина «мамуны и обезьяны», позволяет нам усомниться в правильности подобного перевода. По нашему мнению, автор «Хождения» под словом мамон, мамун имел в виду не обезьяну, а дикую кошку — манул. Это подтверждается также словами из этого же произведения: «А мамони ходят ночью и хватают кур, а живут в горах или в камнях», что полностью соответствует повадкам и образу жизни этого хищника. («Манул деятелен главным образом ночью, днем укрывается в норах или в скалах. Часто ловит птиц, вплоть до фазанов». См. Захидов и др., 229, 232).

МАНУЛ. «Хищное млекопитающее семейства кошачьих» (БСЭ, 1974, XV, 340); мамуль, мануль «вид дикой кошки в Даурии, каменная кошка» (Даль, II, 296). Название заимствовано через тюркское посредство из монгольского языка, в котором манул 'степная кошка'. («Туземцы степную кошку называют мануль». — А. А. Черкасов «Записки охотника Восточной Сибири»). Ср. др.-тюрк. ману 'степная кошка', тат. манул, ног. malim, кирг. madyl, molun, тув. ману — то же.

МАРАЛ, обл. (зап.-сиб.) «изюбр»; (вост.-сиб.) «настоящий благородный олень» (Даль, II, 299); «крупный олень с большими ветвистыми рогами у самцов, обитающий в Сибири и Средней Азии» (ССРЛЯ, 1957, VI, 620).

«Из монг. *taḡal* 'самка оленя', калм. *taḡlo* — то же, уйг., чаг., каз. *taḡal* — то же (Радлов, IV, 2025)» (Фасмер, II, 571). Ср. тат., ног., ккалп., узб. *taḡal* 'марал', туркм. *taḡal* 'лань', 'джейран (самка)', кирг. *taḡal* 'важенка (самка оленя или марала)', тур. *taḡal* 'серна', азерб. *taḡal* 'лань, олень', перен. 'милый, дорогой, красавец, красавица'.

Во многих тюркских языках слово *taḡal* означает только самку оленя, а самец называется *buḡu*, так что сочетание *buḡu-taḡal* служит общим названием оленей и маралов.

МИЗГИРЬ, обл. (сев.-вост.) «паук, тарантул» (Даль, II, 325); «русский тарантул, или мизгирь» (БСЭ, 1976, XXV, 274).

Н. К. Дмитриев гипотетически относит слово к тюркизмам: «По внешнему созвучию, это трудно объяснимое слово можно сопоставить с перс.-аз. *mišgār* 'медник'» (Дмитриев, 12, 42). Ученый и в дальнейшем относил это слово в своих работах к тюркизмам⁵. Однако эта гипотеза требует, как нам кажется, более убедительной аргументации. Встречающееся в татарском языке слово *мизгирь* 'мизгирь, тарантул', скорее всего, само является заимствованием, возможно возвратным, из русского языка.

НАР, биртуган (каз.), инер (туркм.) «гибрид одnogорбого верблюда с двугорбым» (БСЭ, 1974, XVII, 246); нар (у киргизов) «одnogорбый верблюд» (Даль, I, 178 на сл. верблюд). «Из кирг., чаг., узб., туркм. *naḡ* — то же» (Фасмер, III, 43). Ср. также узб. *naḡ* 'одnogорбый верблюд', 'верблюд-самец', *naḡ* 'самец'; тадж. *naḡ* 'самец' иран. *naḡša* 'молодой одnogорбый верблюд'; монг. *naḡ* (ан) 'солнце', 'солнечный', *naḡaḡ tāmtā* 'одnogорбый верблюд'.

НАРГУЧАН, обл. (сиб.). «Двухгодовалый лосиный или изюбриный теленок» (Даль, II, 460). Название легко распадается на два компонента: *нар* 'одnogорбый верблюд', 'самец' и *гучан*. Объяснение значения второго компонента вызывает определенные трудности. Возможно, он связан с таджикским *naḡbaša* 'детеныш животного' (ср. узб. *naḡbaša* 'верблюжонок'), или с монгольским числительным *γu* 'три' (ср. *γu naḡ* к, *γu naḡ* чик 'теленки по третьему году'; *γu naḡ* ан 'трехлетний теленок или жеребенок').

ПЕКЕЛЁК, обл. (новг.) «мотылек, бабочка (от пекать?)» (Даль, III, 27). «Согласно Буге (у Преобр., II, 32), из петельк от вост.-лит. *peteliške* — то же. Недостоверно. Окончание, возможно, подверглось влиянию слова мотылек» (Фасмер, III, 226).

Е. Н. Шипова считает, что «вероятнее всего, это тюркское заимствование. Ср. кирг. *körölök* 1) 'бабочка', 2) 'общее название бабочек мелких пород' (Юдахин, 1965, 426), *köbölök* (сев.) то же, что *körölök* (там же, 413); ср. также каз. *köbelek* 'бабочка, мотылек' (Бегалиев, 1942, 113)» (Шипова, 258).

РИШТА. «Паразитический круглый червь. На территории Средней Азии (Старая Бухара) был обычен до 30-х годов; ныне полностью ликвидирован» (БСЭ, 1975, XXII, 145); (ССРЛЯ, 1961, XII, 1346). Название заимствовано из таджикского, где *rišta* 'нить, нитка, пряжа'. Возможно тюркское посредство: тур. *rişte* < перс. 'нить, нитка', 'связь'.

⁵ Н. К. Дмитриев. Ударение в русских словах тюркского происхождения. — «Сборник статей по языкознанию», М., 1961.

САЙГА, САЙГАК. «Животное с хоботообразным носом и лировидными рогами, вид антилопы (тюрк.)» (ССРЛЯ, 1962, XIII, 55); сайга, сайгак 'вид антилопы' (Даль, IV, 129).

«Из чаг. *saıyak* 'серна' (Радлов, IV, 222)» (Фасмер, III, 545). «Каз. *saıyak* 'антилопа', тат. *saıya* и *saıyak* (то же)» (Дмитриев, 1958, 29). Ср. также ног., узб., тув. *saıyak* 'сайга, сайгак'. У В. В. Радлова отмечена форма *saı* 'серна'. Животное водится в степях и полупустынях, отсюда, должно быть, и его название: тюрк. *saı* 'пустынная равнина' + аффикс *-yak* (ДТС, 481). Тюркизм *saıyak* в русском языке употребляется с XVI века и, став терминологическим обозначением этого животного (*Saiga tatarica*), получил широкое распространение в русском языке. («Мелькнет ли серна меж кустами, проскочет ли во мгле сайгак» — А. С. Пушкин).

В значении самки в русском языке часто употребляется название *сайга*, а в значении самца — *сайгак*.

САРАНЧА. «Насекомое, похожее на кузнечика» (ССРЛЯ, 1962, XIII, 183—184); сарана, саранча «насекомое, похожее на кобылку, кузнечика» (Даль, IV, 138). «Займствование из тюрк. *saıynča* — то же, производного от *saıyū* 'желтый', *saıyūza* 'желтоватый'; ср. кыпч. *saıynčqa* (XIII в.) — то же» (Фасмер, III, 560). В Словаре Махмуда Кашгари *saıyūca* 'саранча, кобылка', тур. *saıyūca* 'оса', хакас. *saıyūsha* 'кобылка, стрекоза, кузнечик', тат. *saıanča* 'саранча'. Насекомое получило название по своему желтоватому цвету: тюрк. *saıyū*, *saıyū* 'желтый, бледный'.

СЛОН. «Крупное млекопитающее животное жарких стран» (ССРЛЯ, 1962, XIII, 1264—1266); (Даль, IV, 223 на сл. *слонить*). Впервые слово зафиксировано в древнерусских памятниках XV века, а его производные *слоновъ*, *слоновыи* и 'сделанный из слоновой кости, украшенный слоновой костью' в документах XII в. (см. Срезневский, III, 422—423).

Н. В. Горяев предполагал связь названия животного с названием острова Цейлон. Однако, как указал А. Преображенский, слово *слон* существовало задолго до появления названия *Цейлон*. Сам А. Преображенский считал наименование книжным образованием от глагола «слониться», так как слон спит, прислонясь к дереву (Преображенский, II, 324). М. Фасмер справедливо отмечает, что это объяснение носит скорее народноэтимологический характер, ибо для наблюдений над образом жизни экзотического животного у славян было слишком мало возможностей. Фонетически приемлемо, по мнению М. Фасмера, предположение о заимствовании из тюркского, где наряду с тур., тат. *arslan* 'лев' имеется также тур., азерб., карач., балкар., крым.-тат. *aslan* — то же. Относительно отпадения начального гласного ср. *лачуга*, *лошадь*, *лафа* (Фасмер, III, 674—675). Отпадение начального безударного *а* при заимствовании — обычное явление в русском языке, так как он вообще не характерен для исконно русских слов. Однако не совсем ясными остаются причины резкого изменения семантики слова, хотя подобные явления в языке и имеют место (например, др.-инд. название слона в славянских языках стало обозначением верблюда).

СОБОЛЬ. «Хищный зверек, из самых ценных сибирских мехов» (Даль, IV, 252); «ценный пушной зверек из семейства куньих» (БСЭ, 1976, XXIV, 8).

В памятниках древнерусской письменности слово впервые зафиксировано в 1091 году: «Аще кто дастъ имъ железо, ножь или секиру, даю соболи, коуницу, белку» («Летописец Переяславля Суздальского»). Слово *соболь* является общеславянским, однако оно явно неславян-

ского происхождения и точных параллелей в других индоевропейских языках не имеет. Во многие языки мира слово *соболь* проникло из русского. «Соболь общеупотребительное и всем известное название, но едва ли русского происхождения», — писал Э. Э. Баллион (1858, 34).

И. Г. Добродомов, вслед за Миклошичем, предполагает тюркское происхождение этого слова: «Существует предположение, что слово заимствовано из тюркских языков Поволжья — старого центра международной торговли мехами. Отсюда азерб. и тур. *samug*, перс. *sāmug* и араб. *sammūg*» (Добродомов, АКД). Ср. кыпч. *savsag*, тат., каз. *susag*, ккалп. *suusag*, азерб., тур. *samug*, туркм. *samug* 'соболь'.

СУРОК. «Небольшой грызун, живущий в норах и зимой впадающий в спячку» (ССРЛЯ, 1963, XIV, 1214—1215); «норный зверек», обл. (новор.) «свистун», (оренб.) «байбак», (сиб.) «табаган» (Даль, IV, 363).

«Считается заимствованием из тюрк.: ср. каз. *suug* 'сурок', чув. *sävāg* — то же» (Фасмер, III, 808). М. Фасмер допускает и звукоподражательное происхождение слова. Однако это не опровергает тюркское происхождение названия. Сурок получил свое название в тюркских языках по характерному для него свисту. (Ср. исконно русское его название «свистун»). В др.-тюрк. *soyug*, кирг. *suug*, узб. *suγug* 'сурок', в тат., башк. *suug* 'байбак', 'сурок'.

В русском языке название оформилось при помощи аффикса -ок.

СУСЛИК. Общеславянское наименование небольшого степного грызуна; суслик, сусол «животное из семьи хомяков» (Даль, IV, 364 на сл. *сусло*). Н. М. Шанский производит это слово посредством суффикса -икъ от общеславянского *сусль* — то же, образованного с помощью суффикса -ьль от той же основы звукоподражательного характера, что и ст.-сл. *сусати* 'шипеть' (КрЭС, 432). Некоторые звуковые и семантические несоответствия помешали М. Фасмеру сопоставить русское название с тюркскими словами: кыпч. *sausag* 'куница', чаг., каз., тат. *susag*, алт. *suzag*, монг. *suusag*, *sausag*, калм. *sūsḡo* (Фасмер, III, 809). Однако соотносимость тюркских форм с древнерусской и некоторыми славянскими очевидна: др.-рус. *сусоль* 'суслик', болг. *съсел*, *съсал*, *съсар*, чешск., слов. *sušel*, польск. *sušel* 'крыса'.

В словарях В. В. Радлова (IV, 845) и Л. З. Будагова (II) *süzäl*, *süzäläk*, *suzelik* 'суслик', у В. И. Вербицкого (Словарь, 1887) *suslak* 'бурундук'. В. В. Радлов и А. М. Щербак считают эти формы заимствованными из русского языка, М. Ряснен и И. Г. Добродомов — источником русского суслик (Добродомов, АКД).

В пользу тюркской этимологии, по нашему мнению, говорит и сходная с алтайским языком форма в турецком языке, не испытавшем русского влияния: алт. *süzäl*, тур. *susal* 'водное животное'. (Ср. также тат., каз., узб. *susag*, кирг. *suusog* 'куница'). «Вероятно, диалектное алтайское слово является весьма древним названием, которое перешло также и в славянские языки из какого-нибудь языка болгарского типа» (Добродомов, АКД).

СЫМ, обл. (сиб.). «Животное оленьего рода, изюбр, косуля» (Даль, IV, 375). «По-видимому, из тюрк. Менгес (устю) сравнивает с шор., саг., койб. *sün* 'марал', алт., тел., леб. *суун* — то же, уйг. *суун* — то же (Радлов, IV, 617, 621, 629)» (Фасмер, III, 817).

ТАБАРГАН, обл. (сиб.) «тушкан», (оренб.) «земляной заяц» (Даль, IV, 384). См. *табаган*.

ТАЛАЙ, ТОЛОЙ, ТОЛУИ, ТОЛАЙ, ТУЛАЙ, обл. (забайкал., алт.). «Вид степного, горного зайца < монг. *tuula*» (Даль, IV, 388, 412—413, 441); *толай* «заяц-толай, заяц-песчаник» (БСЭ, 1977, XXVI, 44);

(ССРЛЯ, 1963, XV, 538). «Заимствование из монгольского *taulai*, *tōlai* — то же, бурят. *tūlaij* 'голубоватый и серый степной заяц'. Не исключена возможность, что здесь имело место посредство тел. *tulai*, койб. *tolai* — то же (Радлов, III, 1192)» (Фасмер, IV, 70, 74).

«В степях, пустынях и горах Средней Азии, в Казахстане живут мелкие зайцы — толай, напоминающие видом и повадками русаков, но с еще более длинными ушами»⁶.

ТАРАКАН. «Насекомое, отдельные виды которого обитают в жилище человека» < тюрк. *taḡaqaṇ* (ССРЛЯ, 1963, XV, 111—112; Даль, IV, 390). В памятниках древнерусской письменности (с XV века) отмечается первоначально в виде *тороканъ*.

Н. К. Дмитриев относит таракан к тюркизмам, «которые требуют дополнительных материалов по существу» (Дмитриев, 12). По мнению И. И. Огиенко, это заимствование от татар (Огиенко, 34). «Ср. тат., тоб. *taḡa* 'таракан' (Радлов, III, 839), эти слова некоторые считают источником вост. слав. слов. По мнению Рясенена (*Z i s l Ph*, 20, 448), это слово происходит из чув. *taḡ-aqaṇ* 'беглец': тюрк. *tāz* 'убегать'» (Фасмер, IV, 20—21). Таким образом, название таракан М. Рясенен выводит из чувашского причастия на -*qaṇ*, образованного от глагола *taḡ* 'бежать, убежать'. (В других тюркских языках чувашскому глаголу *taḡ* соответствует *tāz* с тем же значением). Следовательно, тюркское по происхождению название таракан буквально означает «убегающий, скрывающийся». Близкую этимологию находим в Словаре Л. З. Будагова, который возводит название к тюркскому причастию на -*qaṇ* «от чагатайского корня *taḡka/taḡa* 'расползаться'» (Будагов, II, 721). [Ср. в алтайских диалектах *taḡa* 'расходиться, распространяться, рассеяться, размножаться' (Радлов, III, 837)]. И в этом случае буквальное значение названия таракан 'расползающийся во все стороны'.

О. Н. Трубачев приводит мнение Р. Якобсона, объясняющего слово таракан из уничижительного употребления тюркского слова *taḡkaṇ* 'сановник' (Фасмер, IV, 21). К почетному тюркскому титулу *taḡqaṇ*, *taḡxan* возводит название таракан и И. Г. Добродомов (Добродомов, 1970, 96—100).

Название *tarakan* имеется в ряде современных тюркских языков: тат., башк., ног., кирг., туркм., азерб., чув. По мнению некоторых исследователей, эти формы являются заимствованиями из русского языка. Однако в пользу исконности формы *taḡaqaṇ* в этих языках говорит его широкое распространение, употребление в устойчивых словосочетаниях и в переносном значении: тат. *igēn taḡakaṇu* (зоол.) 'кузька', *ṣuaḡ taḡakaṇ* 'божья коровка', *taḡakaṇ paṭṣasy* 'белый таракан', *букв.* 'царь тараканов', *kara taḡakaṇ bulu* 'оказаться третьим лишним', 'стать белой вороной', *kaḡa taḡakaṇ žimeṣe* 'чернослив', *taḡakaṇ žimeṣe* 'мелкий желтый изюм', *kün elge taḡakaṇ kerde* 'в душе червь сомнения'; башк. *aṣka taḡakaṇ bulup töṣöu* 'оказаться лишним', *букв.* 'упасть в суп тараканом'.

ТАРБАГАН. «Грызун из рода сурков, обитающий в Забайкалье, на Алтае, в Монголии и Северном Китае» < тюрк. (ССРЛЯ, 1963, XV, 123); обл. (вост.-сиб.) «байбак, степной, сибирский или русский», (юж.) «сурок, свистун», тарбаган или табарган (сиб.) «маленький земляной зайчик, бабук» (Даль, IV, 391).

«Заимствование из тюрк., ср. тел. *tarbaḡaṇ* — то же (Радлов, III, 872), калм. *tarwagaṇ* — то же» (Фасмер, IV, 23). Название *tarbaḡaṇ* имеется в тат., ног., каз., уйг., алт., хакасс., тув. языках. Л. А. Кубанова сводит его к тюркскому глагольному корню *tarbai-* кирг. *tarbaju* 'растопыривать', алт. *tarbaitar*, башк. *torbai* — то же; *tarbaḡaṇ* 'растопырив-

⁶ П. А. Мантейфель. Жизнь пушных зверей. М., 1948.

шийся', 'имеющий привычку ходить, переваливаясь с боку на бок, заплетая ногами' (Кубанова). Животное могло получить такое название по признаку косолапия.

ТЕК (стар. теке 'козел'), «дикий, каменный козел Алтая» (Даль, IV, 396). В большинстве тюркских языков это слово вообще обозначает козла или барана-производителя: др.-тюрк. *tekä* 'козел', тат. *täkä* 'название самцов мелкого рогатого скота', тур. *teke* 'козел', кирг. *teke* 'козел' (нехолощеный); 'козерог, горный козел'. Помимо киргизского, значение «дикий козел» имеют уйг., тел., ком., шор., леб. диалекты (Радлов, III, 1016, 1029).

Интересно отметить, что данное слово из тюркских языков проникло также в грузинский и, изменив значение (тюрк. *tekä* 'козел' > груз. *teka* 'войлок'), на протяжении столетий настолько прочно укоренилось в грузинском разговорном и литературном языке, что в словаре Сулхан-Саба Орбелиани «Картули лексикони» оно вообще не отделяется от грузинских слов. (См. Абуладзе).

ТУМАК 'помесь зайца-беляка с русаком', (спец.) «подкрашенный мех зайца» < тюрк. *tūmaq* «меховая шапка» (ССРЛЯ, 1963, XV, 1118—1119); «всякая помесь животных двух разных видов, особенно помесь от беляка и русака», «подкрашенный заяц, черный или под лису», «сибирский хорь»; обл. (сиб.) «ушастая шапка, малахай, треух» (Даль, IV, 442 на сл. *тума*).

М. Фасмер отмечает следующие значения слова *тума*: «метис», «подкрашенный заяц», «сибирский хорек», «малахай, шапка-ушанка», «полоумный». По его мнению, *тума* и *тума* слова иноязычные (Фасмер, IV, 119).

«Тума», происходя от совокупления русака с беляком, получил имя, обозначающее его происхождение: слово *тума* значит помесь» (С. Т. Аксаков «Записки ружейного охотника»). Слово является заимствованием из татарского языка, где *tūma* 'потомок' < *tu* 'рожать' + *ma*—аффикс, образующий существительные со значением предмета или результата действия (ср. *tüg* 'завязывать узлом' — *tügmä* 'застежка'). Конечный -к в слове *тума* является аффиксом уменьшительности. В. В. Радлов приводит также каз. *tūmuš* (от *tū* + *muš*) «лошадь, родившаяся от аргамака и киргизской матки» (Радлов, III, 1522). Ср. тат. *tūma* 'приплод, потомок', каз. *tūvma* 'родственник', як. *tūma* 'приправа, подмесь'.

Значения «подкрашенный мех зайца», «меховая шапка» являются вторичными: *тума* 'помесь животных' > 'помесь зайца-беляка с русаком' > 'подкрашенный мех зайца' > 'меховая шапка'.

ТУШКАНЧИК. «Грызун с длинными задними ногами и хвостом, обитающий в степях и пустынях» (ССРЛЯ, 1963, XV, 1180); *тушкан*, *тушканчик*, обл. (забайк.) «алагдай и карагана», (астрах.) «емуранчик, земляной, норный зайчик», (сиб.) «бабун» (Даль, IV, 446).

«Заимствование из чагат. *tauškan*, *taušhan* (Радлов, III, 776), тур., азерб. *taušan* — то же» (Фасмер, IV, 129). Слово *тушкан* восходит к тюркскому названию зайца: туркм. *toṣan*, ног., тур., крым.-тат. *tavšan*, узб. *toškan*, уйг. *toškan*, *tuškan*. (Ср. др.-тюрк. *tabušγan*, *tavušγan*, *tavišγan* 'заяц'). Л. А. Кубанова считает эти древнетюркские формы образованием от глагольного корня *tabuš*, *tavuš* 'бегать, прыгать'. Заимствование, по ее мнению, произошло из уйгурского языка, где отмечается упрощение древнетюркского сочетания: *avu* > *o* > *u* (Кубанова).

В русском языке тюркизм изменил свое исконное значение и стал обозначением другого грызуна. Значение «степной заяц» сохранилось в донских говорах русского языка (Миртов, 330).

Авторы «Краткого этимологического словаря русского языка» название *тушкан* соотносят с татарским *tuşkan* 'мышь', что менее убедительно (КрЭС, 457).

ТЫКЕН, обл. (сиб.) < тат. «козел, козлище» (Даль, IV, 447). «Займствование из тюрк., ср. тур., азерб., крым.-тат., чаг. *tākā*, каз. *tekā* 'козел' (Радлов, III, 1016 и сл.)» (Фасмер, IV, 131).

ТЫРТЫР, обл. (крым.) «вредная гусеница на виноградной лозе» (Даль, IV, 448); (ССРЛЯ, 1963, XV, 839). М. Фасмер указывает на гурецкий источник: *tyrtul* 'гусеница' (Фасмер, IV, 132). Кроме этого слова, Н. К. Дмитриев приводит турецкое *tyrtur* 'винный камень', 'зубной камень' (Дмитриев, 33). Однако турецкое и азербайджанское *tyrtul* 'гусеница' не могли быть источником русского диалектизма. Источником русского заимствования является крымско-татарский язык, в котором *tyrtur* 'гусеница, виноградный вредитель'.

ТЮЛЬКА, (тат.) «лиса, лисица» (Даль, IV, 451). Слово употребляется в русских уральских говорах. «Займствование из тюрк., ср. крым.-тат., кыпч., каз., алт., тел. *tülkü*, узб. *tulki*, тур. *tilki* — то же (Радлов, III, 1385, 1570, 1768)» (Фасмер, IV, 135).

В тюркских языках название лисы образовано путем метатезы от слова *tülki* 'волосатый, мохнатый, пушистый' (< *tük* 'шерсть'). Конечный гласный тюркского прототипа на русской почве был заменен гласным *а*, так как слово стало осознаваться как существительное женского рода.

УШКАН, обл. (арханг., сиб., оренб.) «заяц» (Даль, IV, 526 на сл. *ухо*). С пометой **областное** слово фиксируется словарями и современно-го русского литературного языка. М. Фасмер в одинаковой мере допускает как его образование от слов *ухо*, *ушко*, так и народноэтимологическое преобразование тюркского названия зайца *тушкан*. Последняя этимология нам представляется более убедительной.

ХАБАРГА, обл. (вост.-сиб.) < монг. «кабарга, мускусовая козуля» (Даль, IV, 540). В словаре В. В. Радлова *хабуга* (крым.) = *кабуга* (Радлов, II, 1695). См. *кабарга*.

ЧАЛОК 'полугодовалый песец', мезенск. (Фасмер, IV, 313). В русском языке слова *чалый*, *чалка* означают серую с примесью другого цвета масть животных, чаще лошадей. Эти слова генетически восходят к тюркскому *çal* 'седой, серый', относящемуся к числу «культурных слов» и примыкающему к большой группе монгольских слов, содержащих древний корень *ša-*: монг. письм. *šaγaγ* 'белый', *šaγuγ* 'снег', *šaγi* 'белеть', монг. *çal* 'седой', эвенк. *čalban* 'березка', *čalka* 'лебедь'. В тюркских языках это слово известно, начиная с Махмуда Кашгари, в форме *çal*, *cal* (Codex Cumanicus), *šal* со значением «серый, седой» (Дмитриев, 47). Слово известно большинству современных тюркских языков: тат. *šal* 'седина, проседь', азерб. *šal* 'серый, с примесью другой шерсти', 'седой, сивый, поседелый, с проседью', кирг. *šal* 'седой', хакасс. *šal* 'серый, седой'.

ЧЕКАЛ, ЧЕКАЛКА, обл. (сиб., оренб.) «земляной зайчик или мышь»; (кавк.) «зверь песьего рода, шакал» (Даль, IV, 586 на сл. *чека*).

Непосредственное заимствование из тюркских языков: тур. *čakał*, азерб. *čaggał* 'шакал'. «У нас, охотников, самым хитрым зверем считается шакал, попросту — *чекалка*» (И. Соколов-Микитов «От весны до весны»). В XIX веке русскими писателями наряду с формой *шакал* употреблялась также и *чакал*, *чекал*: «И быть добычею *чекалам* плотоядным» (А. С. Грибоедов «Грузинская ночь», 1827), «... Но кровью».

жаркою обрызганный чакал гостей бездомный прах разбросит по ущельям» (А. Одоевский, 1837). См. ш а к а л.

ЧЕЛОУЗ, обл. (урал.-казах.) «старый баран, старее трех зим» (Даль, IV, 589). «Вероятно, заимствование из тюрк. Ср. Радлов *šalauz* (каз.) *šalauz qoi* 'крупный и жирный баран' (IV, 961)» (Шипова, 1976, 384).

ЦОКОР 'грызун, ведущий подземный образ жизни'. В районах с бурятским и калмыцким населением имеется также узколокальное наименование, заимствованное русскими из этих языков: *зохор* 'медведка'. Цокоры и зохоры ведут подземный образ жизни и не имеют глаз. Отсюда и их названия. Ср. тур. *sokur*, ног. *sokur* 'слепой', 'слепыш', *sokur jutigap* 'крот', букв. 'слепой услик'.

ШАКАЛ 'хищное животное семейства собачьих'. < перс. *šayāl* (ССРЛЯ, 1965, XVII, 1242); *шакал* «чакалка, зверь» (Даль, IV, 619).

М. Фасмер полагает, что в русский язык это слово попало через нем. *Schakal* — то же или фр. *chacal* в XVIII веке, из нов.-перс. *šayāl* — то же. «Нет основания говорить о тюркском посредстве, потому что тур. *šakal* отклоняется в фонетическом отношении, вопреки Коршу и Преображенскому» (Фасмер, IV, 395—396). Однако ср. у В. В. Радлова *šayāl* (Радлов, IV, 937), тат., ног. *šakal*, ккалп. *šayal*, узб. *šaqal*, каз., туркм. *šagal* — то же.

В древнейших памятниках тюркской письменности слово *šakal* отсутствует. Нет его и в других алтайских языках. Это свидетельствует о неисконности слова в тюркских языках. Об этом же говорит и тот факт, что в современных тюркских языках, наряду со словом *šayāl*, *šakal*, имеются и другие названия этого хищника: тат. *čül bürese*, каз. *korkau*, узб. *čija buri*, туркм. *gyzylža gurt*, тув. *šöö börü*. Таким образом, русское ш а к а л < тюрк. *šakal* < перс. *šayāl* < санскр. *ṣṛgālas* 'шакал'.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Абуладзе	— Ц. А. Абуладзе. Тюркский лексический материал в словаре Сулхан-Саба «Картули лексикони». Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1964.
Баллион	— Э. Э. Баллион. Опыт исследования о русских названиях млекопитающих животных, водящихся в пределах Российской империи. Казань, 1858.
Баскаков	— Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. — «Советская этнография», 1969, № 4.
Будагов	— Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869; т. II. СПб., 1876.
БСЭ	— «Большая Советская Энциклопедия».
Вербицкий	— В. И. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1887.
Гордлевский	— В. А. Гордлевский. Что такое босый волк? — «Избранные сочинения», т. 2. М., 1961.
Горяев, СЭСРЯ, 1896	— Н. В. Горяев. Сравнительно-этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
Горяев, Доп. 1	— Н. В. Горяев. К сравнительному этимологическому словарю русского языка (изд. 1896). Дополнения и поправки. Тифлис, 1901.
Горяев, Доп. 2	— Н. В. Горяев. Этимологические объяснения наиболее трудных и загадочных слов в русском языке. К сравнительному этимологическому словарю русского языка. Новые дополнения и поправки. Тифлис, 1905.
Даль	— В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV. М., 1956.
Дмитриев	— Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. III. М., 1958.

- Добродомов, АКД* — И. Г. Добродомов. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1966.
- Добродомов, 1970* — И. Г. Добродомов. *Таракан* в этимологическом аспекте. — «Русская речь», 1970, № 6.
- Докучаев, 1892* — В. В. Докучаев. Наши степи прежде и теперь. СПб., 1892.
- ДТС* — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
- Захидов* — Т. З. Захидов и др. Природа и животный мир Средней Азии, т. 2. Ташкент, 1971.
- Зельницкий* — «Обозрение Калужской губернии в естественном ее состоянии». — «Уrania», первая четверть 1804.
- Кононов, 1963* — А. Н. Кононов. (Рецензия на книгу) «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961. — «Вопросы языкознания», 1963, № 2.
- Кононов, 1969* — А. Н. Кононов. Заметки (II) тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров». — «Известия АН СССР», 1969, т. 28, вып. 6.
- Корш* — Ф. Е. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». ИОРЯС, 1903, т. VIII, кн. IV.
- КрЭС* — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
- Кубанова* — Л. А. Кубанова. Тюркизмы в диалектной лексике русского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1968.
- Ленин* — В. И. Ленин. Полное собрание сочинений.
- Миртов* — А. В. Миртов. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.
- Михельсон* — А. Д. Михельсон. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., изд. 2, 1869.
- Огиенко* — И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.
- Оссовецкий* — «Словарь современного русского народного говора». Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Преображенский* — А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914.
- Радлов* — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I—IV. СПб., 1893—1911.
- Севортян, 1962* — Э. В. Севортян. О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера. — «Лексикографический сборник», вып. V. М., 1962.
- Севортян, 1974* — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
- Сл. ин. слов* — «Словарь иностранных слов». М., 1954, 1964.
- Срезневский* — И. И. Срезневский. Материалы для древнерусского словаря, тт. I—III. СПб., 1893—1912.
- СРНГ* — «Словарь русских народных говоров». Под ред. Ф. П. Филина. Вып. I—X. М., 1965—1974.
- ССРЛЯ* — «Словарь современного русского литературного языка», тт. I—XVII. М.—Л., 1950—1965.
- Фасмер* — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, тт. I—IV. М., 1964—1973.
- Шанский, I Б* — Н. М. Шанский. Этимологический словарь русского языка. М., 1965.
- Шилова* — Е. Н. Шилова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Шербак* — А. М. Шербак. Названия домашних и диких животных. — «История развития лексики тюркских языков». М., 1961.
- Юдахин* — К. К. Юдахин. «Киргизско-русский словарь». М., 1940.

В. Е. РАЙКОВА

К ПРОБЛЕМЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ АНЛАУТА СТАРЫХ РУСИЗМОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Невозможность консонантных сочетаний и употребления согласных *l* и *r* в анлауте в тюркских языках приводит к переоформлению в них начала русских заимствований. Образование протетических и эпентетических гласных и метатезы, выпадение одного из компонентов группы согласных — все эти явления неоднократно отмечались в тюркологических работах и многочисленных исследованиях, посвященных русским заимствованиям в тюркских языках¹. Тем не менее ряд вопросов, связанных с фонетическим переоформлением русизмов, остается невыясненным. Так, например, в одних случаях в русизмах развивается протетический гласный (русс. стакан > хак. *ыстакан*), в других — эпентетический (русс. среда > хак. *сйреде*), а в третьих случаях происходит перестановка звуков (русс. труба > хак. *турба*), а добавочный гласный не развивается и т. п. Лишь в единичных лингвистических работах авторы, не ограничиваясь только констатацией фактов, пытаются выявить причину возникновения всех этих явлений.

А. И. Васильев, например, считает, что появление протетических и эпентетических гласных зависит от качества сочетающихся согласных. «Разделительный гласный» развивается в начальном сочетании взрывного и невзрывного или в сочетании двух проточных согласных: пше-но > *пишено*, всадник > *бьсадник*. Если же компонентами консонантной группы являются проточный и взрывной согласные, то гласный появляется перед сочетанием: шкаф > *ышкап*, скопил > *ыскопил*. Гласный возникает и между сочетающимися проточным и сонорным согласными: сноп > *сыноп*, зная > *зынама*².

Однако Н. Д. Дьячковский на материале якутского языка предлагает более простое и универсальное объяснение: «Начальное сочетание согласных разделяется вставочным гласным в том случае, если оно чуждо якутскому языку. Такими являются, например, сочетания БЛ, ВЛ, ПЛ, БР, ВР, ПР и др.: план — *былаан*, власть — *былаас*, время — *бирьэмэ* и т. п. Если же начальное сочетание согласных встречается и в якутском

¹ См., например: W. Radloff. *Phonetik der Nördlichen Türk Sprachen*. Leipzig, 1882, стр. 93; М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 48; Э. М. Ахунзянов. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968, стр. 250—251; Б. И. Татаринцев. Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. Кызыл, 1974, стр. 91—93; Р. Н. Терегулова. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1957, стр. 51—52; Г. И. Хоролец. Фонетическое освоение русской лексики в киргизском языке. Фрунзе, 1953, стр. 120—138.

² См.: А. И. Васильев. Лингвистические основы обучения русскому произношению в тюркоязычных школах. Фрунзе, 1969, стр. 55.

языке, то оно сохраняется, но прибавляется протетический гласный: стол — *остуол*, склад — *ыскылаат*, станция — *ыстаансыйа*³.

Выводы из наблюдений над русизмами якутского языка не получили должного отражения в литературе о русских заимствованиях в тюркских языках.

Анализ русских заимствованных слов в хакасском языке подтверждает мысль, высказанную Н. Д. Дьячковским. Так как в настоящее время произношение новых русских заимствований в хакасском языке приближено к орфоэпическим нормам русского языка, сфера использования протетического и эпентетического гласного сузилась. В «Хакасско-русском словаре» представлены следующие слова с протетическим и эпентетическим гласным в анлауте: *кiрлес* 'крыльцо', *сiлее* 'шляп', *сiлеле* 'шляпа', *сынас* 'снасть, сбруя, инструмент', *iстене* 'стена', *кiмел* 'хмель'⁴. Этого материала явно недостаточно для соответствующих выводов, поэтому возникает необходимость в привлечении старых русских заимствований, то есть заимствований дописменного периода развития хакасского языка (вернее, ряда абаканских наречий), зафиксированных Н. Ф. Катановым, а также списков русских заимствованных слов, составленных В. Г. Карповым и Д. Ф. Патачаковой⁵.

Появление протетических гласных *и*, *у*, *ы* перед согласными *л* и *р* (*ирет* 'ряд, очередь', *ылахан* 'лохань', *орыс* 'русский') вполне объяснимо: в начале коренных хакасских слов согласные *л* и *р* не употребляются⁶. Наряду со словами, имеющими протезу гласного перед *л* и *р*, существуют слова с перестановкой согласного и последующего гласного: *урбаха* 'рубаха', *Улкабий* 'Лукавый' (собственное имя, записанное Н. Ф. Катановым). Подобная метатеза объясняется рядом причин: высокой частотностью употребления консонантного сочетания «сонорный + смычный» в интервокальной позиции; стремлением к сохранению количества слогов и общей длительности слова; более значительной, по сравнению с русским языком, лабиализацией согласных *л* и *р* под влиянием последующих гласных. Все это создает благоприятные условия для метатезы.

Сочетание двух согласных в начале слова не свойственно хакасскому языку, как и другим тюркским языкам. Поэтому в словах, начинающихся стечением двух согласных, развивается протетический или эпентетический гласный звук, качество которого (передний — непередний ряд, а в сагайском диалекте — лабиализованность — нелабиализованность) обусловлено действием закона сингармонизма. Сингармонистическая огласовка заимствованного слова определяется качеством ударного, иногда — первого предударного гласного русского языка или мягкостью — твердостью согласных звуков, например: *сiлеле* 'шляпа', *ыструс* (кач.), *уструс* (саг.) 'стружок'.

Почему же в одних случаях развивается протетический гласный, а в других — эпентетический? Чтобы ответить на этот вопрос, следует

³ Н. Д. Дьячковский. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке. Якутск, 1962, стр. 43. См. также: П. А. Слепцов. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). Якутск, 1964, стр. 97.

⁴ «Хакасско-русский словарь». Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1953. К последним двум словам даны также варианты *стена*, *хмель*.

⁵ Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. — Приложение к XXIII тому «Записок Императорской Академии Наук», № 8. СПб., 1893, стр. 41—64; Н. Ф. Катанов. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. — Отдельный оттиск из «Ученых Записок» Казанского Университета за 1897 г. Казань, 1897, стр. 9—17; В. Г. Карпов. Классификация заимствованных слов. — В сб.: «Вопросы хакасского языка и литературы». Абакан, 1955, стр. 44—54; Д. Ф. Патачакова. Освоение и орфографирование заимствованных слов. — Там же, стр. 65—87.

⁶ См.: Н. Ф. Катанов. Отчет о поездке..., стр. 17.

выявить все стечения согласных, употребляющихся в середине слова в хакасском языке, то есть в интервокальной позиции. Если то или иное сочетание согласных вообще не чуждо хакасскому языку и если оно возможно в интервокальной позиции, то гласный появляется перед сочетанием, так как создаются соответствующие для него условия — интервокальная позиция. В списках русских заимствований, составленных Н. Ф. Катановым, протетический гласный имеется в словах, начинающихся следующими сочетаниями согласных: *пт, ск, сп, ст, сх*. Все эти сочетания имеются в хакасском языке и употребляются лишь в середине слова, поскольку здесь комбинации двух согласных (кроме *рт, лт*, встречающихся в конце слова: *күгүрт* 'гром', *ирт* 'проходи', *харалт* 'сделай темным, почерни что-либо') возможны лишь в инлауте⁷. Примеры: *ыпторник* (кач.), *уптурник* (саг.) 'вторник', (согласный *п* — субститут согласного *в*, отсутствующего в фонетической системе хакасского языка), *ыскоп* 'скобка', *испирт* 'спирт', *ыстан* 'штаны', *ыстолба* 'столб', *ыстанкан* 'стакан', *ысхот* 'сход'.

Эпентетический гласный появляется в сочетаниях *кб, км, кн, кр, пл, пр, сб, см, сн, ср, ст*, которые не свойственны хакасскому языку, например: *кыбасна* 'квашня', *кймел* 'хмель' (*к* — субститут согласного *х* в слове с гласным переднего ряда), *кйрлес* 'крыльцо', *пылаха* 'плаха', *пырус* (кач.), *пурус* (саг.) 'брус'⁸, *сйбечи* 'свеча', *сйметен* 'сметана', *сынас* 'снасть, сбруя, инструмент', *сйреде* 'среда'.

Эпентетический гласный позволяет избежать некоторых сочетаний согласных в середине слова. К ним относятся:

1. Сочетание двух согласных с плавными *л* и *р* в качестве второго компонента звуко сочетания (во многих тюркских языках сочетание «шумный + сонант» недопустимо): *обырас* 'образ', *сабырас* 'саврасый', *сапылот* 'заплот', *упураба* 'управа'.

2. Сочетание трех согласных. В хакасском языке на стыке морфем встречается комбинация трех согласных «конечные сочетания основы *лт, рт* + глухой согласный аффикса», например, *тартпа* 'не тяни', *тартсын* 'пусть тянет', *тартхалах* 'еще не тянул'. Остальные же трехчленные консонантные группы (*лст, ндр, нск, рст, стр* и др.) расчленяются вставочным гласным: *періста* 'верста', *остырап* 'остров', причем этот гласный возникает между сонантом и двумя шумными согласными. Очевидно, это можно объяснить природой сонорного согласного: звуки *р, и*, в меньшей степени, *л*, сопровождаются более ярким гласным призвуком, нежели шумный согласный. Не случайно, в ряде языков они являются слогообразующими.

Е. Д. Поливанов и Н. С. Трубецкой предложили фонемную трактовку появления вставных гласных. По мнению Е. Д. Поливанова, «слыша чужое незнакомое слово (или вообще отрезок чужой речи, по своему объему способный быть схваченным слуховым вниманием), слушающий пытается найти в нем комплекс своих фонологических представлений, т. е. разложить на свои фонемы, и даже сообразно своим законам сочетаний фонем»⁹. Исходя из определения звука *р* в узбекском слове *рўғишоқ* 'варить' как многофонемного

⁷ См.: Д. И. Чанков. Согласные хакасского языка (Опыт экспериментального исследования). Абакан, 1957, стр. 97—98.

⁸ Вероятно, вопрос о фонетическом оформлении анлаута следует рассмотреть и на материале других тюркских языков с учетом особенностей анлаута в каждом конкретном языке. Такой особенностью для хакасского языка является абсолютно глухое начало слова, вследствие чего звонкий начальный согласный заимствованного слова заменяется глухим: *пазар* 'базар', *самук* 'замок', *корат* 'город'.

⁹ Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, стр. 236.

(в частности двухфонемного, ср.: $pi\dot{s}irmoq$, $pi > p$ в результате редукции гласного в первом предударном слоге), Н. С. Трубецкой считал, что узбек в иноязычном слове «слышит те же краткие узкие гласные между согласными и в исходе слова»¹⁰, то есть воспринимает первый компонент в стечении согласных как бифонемный звук «согласная фонема + гласная фонема», вследствие чего носители узбекского языка произносят гласные между согласными в начале и в конце заимствованного слова. Объясняется это также фонологическим представлением носителей тюркских языков «о невозможности сочетания двух согласных в анлауте, т. е. отсутствием общего фонетического представления слова с двумя начальными согласными»¹¹.

С другой стороны, эпентетический гласный — результат старательного произнесения консонантной группы, при котором согласные характеризуются большей экспирацией и оказываются более эксплозивными.

Нехарактерные для хакасского языка стечения согласных устраняются наряду с протезой и эпентезой гласного и путем метатезы, а также вследствие выпадения одного из элементов, обычно первого. Метатеза в словах *пиркасик* 'приказчик', *турба* 'труба', *обырчи* 'обруч', *отырба* 'отруби' позволяет сохранить общую длительность слова и количество слогов в нем, ведет к появлению типичных для хакасского языка сочетаний согласных «сонорный + шумный».

Как правило, выпадает первый согласный сочетания, если он не входит в систему фонем заимствующего языка или находится в позиции, не свойственной этому языку. Например, в словах *Владимир* 'Владимир' (здесь *в* утрачен перед согласным *л*, оказавшимся в начале слова, поэтому закономерно развивается протетический гласный), *полна* 'вполне' выпавшим является согласный *в*, а в слове *тороба* 'здорово, здравствуй' — согласный *з*.

При рассмотрении вопроса о фонетическом оформлении анлаута старых русизмов следует помнить и о том, что часто заимствовались слова не литературного языка, а их просторечные варианты или фонетические диалектизмы. Например, слово *патэрэ* 'квартира' в хакасском языке и *пэтэр* — в казахском восходят к просторечному «фатера». Согласный *ф*, отсутствующий в тюркских языках, замещается артикуляционно близким звуком *п*¹².

Таким образом, появление протетических и эпентетических гласных — основной способ устранения необычного для хакасского языка стечения согласных. Причиной возникновения протетических гласных, с одной стороны, эпентетических — с другой, является наличие или отсутствие определенных сочетаний согласных в заимствующем языке, а также место этого сочетания в слове.

Отсутствие сочетаний согласных в исходе слова в тюркских языках ведет к изменению и ауслаута русизмов. Однако вопрос о фонетической трансформации конца русского заимствованного слова не может быть решен в рамках одной фонетики и требует специального рассмотрения с учетом морфологической структуры слова.

¹⁰ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 71.

¹¹ Е. Д. Поливанов. Указ. раб., стр. 240.

¹² И. Г. Добродомов. К истории казахского слова *пэтэр* 'квартира'. — В сб.: «Этимологические исследования по русскому языку». Вып. IV. М., 1963, стр. 16—20.

О Н О М А С Т И К А

Г. Ф. САТТАРОВ

ЭТНОТОПОНИМЫ ТАТАРИИ

Общеизвестна связь топонимии и антропонимии той или иной территории с родоплеменными названиями народов, обитавших на ней.

Топонимы, образованные из этнонимов, представляют особую группу географических названий, проливающих определенный свет на проблемы этногенеза и этнической истории населения соответствующего региона. На значение топонимических данных в изучении истории и этнического состава населения обратил внимание еще Ф. Энгельс в работе «Франкский диалект» (46, 536—543).

Процесс формирования и исторического развития татарского этноса проходил в условиях тесного генетического и культурного контактов с соседними и другими народами. Разнообразие межэтнических взаимоотношений и взаимовлияний нашло свое отражение и в топонимии, особенно в этнотопонимии поволжских татар.

Изучение этнотопонимов Татарии имеет важное значение для исследования истории и этнокультурных связей татарского народа, а также истории татарского языка.

В топонимии современной Татарской АССР нашли отражение языковые пласты многих племен и народностей, обитавших здесь в древние времена: финно-угорских, индо-иранских, тюркских, славянских и др. Таким образом, на территории Татарии сконцентрировались топонимы и этнотопонимы, относящиеся к разным языковым семьям и связанные с названиями разноразличных племен и народностей, отложившиеся в результате многоярусного межъязыкового контактирования. Как справедливо отмечает Л. И. Баранникова, «...Вопросы языкового контактирования, всегда являющегося результатом этнического контактирования, входят как часть в большую общую проблему взаимоотношения языка и общества» (3, 18).

Области Среднего Поволжья и Прикамья многими археологами, историками и лингвистами рассматриваются как наиболее вероятная территория формирования и развития финно-угорской общности. Большинство исследователей полагает, что до III—IV веков нашей эры население Волго-Камского края составляли преимущественно финноязычные (ананьинцы, их предки и потомки) и ираноязычные (савроматы, их предки и потомки) племена.

Археологические и исторические данные указывают на то, что наиболее древний пласт топонимии Татарии составляют топонимы и этнотопонимы финноязычного и ираноязычного происхождения.

Этнотопонимы, связанные с названиями финно-угорских племен, народностей и народов, рассеяны по всей территории Татарии. Имеется

даже ряд татарских населенных пунктов и микротопонимов, наименования которых восходят к различным финно-угорским этнонимам.

К VI—VII векам относятся прослеживаемые контакты мордовских племен с тюркскими племенами (42, 153). В конце VII—VIII веков на территории Среднего Поволжья появляются тюркоязычные булгары, создавшие здесь на рубеже IX—X веков раннефеодальное государство — первое известное нам государственное образование в истории народов Волго-Камья. Тесное общение волжских тюрков с территориально близкими мордовскими племенами способствовало их культурному взаимовлиянию (25, 51—52) и запечатлелось в этнотопонимах региона.

Этноним *мушсы* (*мокша* — этническая ветвь мордвы) дал название татарским деревням (д. *Мушсы*) в Арском и Дрожжановском районах ТАССР. В Аксубаевском районе есть русско-чувашское село *Старое Мокшино* (по-татарски *Иске Мушсы*). В исторических документах зафиксировано существование в Заказанье в период Казанского ханства татарской деревни *Мушка* (Мокша) (45, 287), основанной, по всей вероятности, мокшами во времена Булгарского государства, а, возможно, и ранее. На это указывает, например, ежегодно проводившийся несколькими соседними (некогда родственными) деревнями древнейший народный праздник *джиен*, носящий также название *Мушсы тау* (35, 199). Ср.: *Биек тау, Казан тау, Кала тау, Кара тау* и т. д. — наименования *джиенов* Заказанья (35, 199). В Лаишевском уезде были деревни *Мордовы-Челны* (по-татарски *Мушсы аул*) и *Мордово Новое*. Их первые поселенцы — мордва-мокшсы (*Мушсы аул*) — были впоследствии вытеснены в Чистопольский уезд (16, 76).

Этноним *мушсы* (*мокша*) входит также в состав нескольких микротопонимов, находящихся в разных районах Татарии: *Мушсы болыны* (Мокшинский луг) — д. Яушик Лаишевского р-на, *Мушсы зираты* (Мокшинское кладбище), *Мушсы чокыры* (Мокшинский овраг) — д. Маметьево Альметьевского р-на, *Мушсы таллыгы* (Мокшинский тальник) — д. Средний Юртукул Куйбышевского р-на, *Мушсы юлы* (Мокшинская дорога) — д. Мочалей Дрожжановского р-на, *Мушсы чыгышы* (Мокшинский родник) — д. Ишим Камско-Устьинского р-на, *Мушсы эрамәсе* (Мокшинская урема) — д. Кама-Исмагилово Альметьевского р-на, *Мушсы тугае* (Мокшинская пойма) — д. Куяк Высокогорского р-на, д. Верхний Нурлат Октябрьского р-на и т. д. Понятно, что не все из указанных микротопонимов имеют древнее происхождение. Некоторые из них возникли только на рубеже XVII—XVIII веков в связи с переселением части населения мордвы-мокшсы в Закамье.

Этноним *каратай* (название этнической группы мордвы, проживающей в основном в Камско-Устьинском районе ТАССР, язык которой относится к каратаевскому подговору нагорной группы говоров среднего диалекта татарского языка) встречается в названиях нескольких населенных пунктов и небольших рек Татарии. В Камско-Устьинском районе в селах *Мордовский Каратай* и *Заовражный Каратай* живут мордва-каратаи. А в деревнях *Каратай* Арского, *Каратай* и *Мумин-Каратай* Лениногорского районов живут татары.

В Камско-Устьинском и Лениногорском районах протекают реки *Олы Каратай* (Большой Каратай) и *Кече Каратай* (Малый Каратай). Происхождение самого этнонима *каратай*, так же как и этнонима *карачай* (название тюркской народности Северного Кавказа), вероятно, связано с гидронимом *Каратай* ~ *Карачай* ~ *Карашай* 'Черная река'. В. А. Никонов отмечает, что «карачаевцы названы по местности на р. Карачай (из тюрк. *кара* 'черная' и *чай* 'вода')» (26, 178). В Кушна-

ренковском районе БАССР под названием *Карачай-Елга* известны речка и село.

Древний этноним марийского народа *чирмеш* (черемис) до сих пор сохранился в топонимии Татарии — в названиях сел и рек.

В числе селений Казанского ханства на Зюрейской дороге (Заказанье) были *Черемыш* (татарский), *Черемыш-Апакаево*, *Черемышево* (на речке Нурме и Ушне). По данным первого топонимиста Казанского края И. А. Износкова, село *Черемыш-Апакаево* называлось: *Черемышево Поганое*, *Малое Черемышево*, *Апакаево*, по-татарски *Апакай Чирмеш*, *Чирмеш иле*. «Поганой деревня называется, вероятно, потому, — пишет И. А. Износков, — что русские живут в ней вместе с татарами магометанами. Последнее татарское название деревни означает: Черемисская деревня» (16, 63). В отношении названия русского села *Черемышево* И. А. Износков отмечает: «По названию села можно предполагать, что первоначальными обитателями в нем были черемисы. В Козьмодемьянском уезде есть черемисское село *Черемышево*» (16, 62).

Местные татары татарско-русского села *Черемыш-Апакаево* (ныне село Ленино-Кокушкино) и в настоящее время называют себя *Апакай* (от древнего личного имени *Аппаккай* 'Белый-пребелый' > Апакай). Русскую деревню *Черемышево* татары называют *Чирмеш*, что соответствует древнему этнониму предков марийцев *чирмеш* (черемис).

Проживание черемисов в начале нашей эры в Нагорной стороне подтверждается археологическими (В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков и др.), историческими (К. Насыри, Х. Г. Гимади, В. Д. Дмитриев и др.) и топонимическими (Л. П. Сергеев, Г. Ф. Саттаров) исследованиями.

Около татарской деревни Полевая Буя Апастовского района озеро носит название *Чирмеш күле* (Черемисское озеро). В деревне Малые Ширданы Зеленодольского района родники называются *Чирмеш кизләве* (Черемисский родник) и *Чирмеш суы* (Черемисская вода). Около татарского села Молвино Зеленодольского района есть озеро *Кукмар күле*¹ (Кукморское озеро), а в Больших Ачасырах — речка *Кушнаңгар*. Этимологию этих гидронимов можно объяснить на основе марийского языка. По-марийски название *Кукмор* означает: 1) *кок* 'два' + *мар* (*мари* — самоназвание марийцев) — 'два марийца' или 2) *кугу* 'большой' + *мар* 'мари', то есть 'большой мариец'. По объяснению марийского языковеда Ф. И. Гордеева, первый компонент топонима *Кукмар* (*кук* + *мари*) восходит к иранским языкам и означает 'гора'. Ср. мунд. *кишука* 'камень, скала, гора', перс. *kih*, осет. *hah* 'гора' (9, 188). Марийский историк Г. А. Сепеев считает, что этноним *кукмарий* — это древнее родоплеменное название марийского народа. Он пишет, что в XVII веке было несколько названий марийских волостей, содержащих этноним *кукмарий*: *Бет-Кукмора*, *Пинжач-Кукмор* — по Галицкой дороге; *Кукмора*, *Илеть-Кукморы*, *Немды-Кукморы* — по Алатской; *Ошторма-Кукмора* — по Арской дороге Казанского уезда (31, 184). Название *Кушнаңгар* является также сложным словом, первая часть которого *Куш* (Кушан) в татарском языке употребляется в значении «спаренная», «слитная» (34, 300), а вторая — *аңгар* (энер) в общемарийском языке означает «река», «речка» (30, 659).

Как показывают примеры, марийские топонимы распространены на весьма обширной территории Татарии, что свидетельствует об обитании в этих местах древнемарийских племен.

¹ В селе Молвино встречается семейно-родовое прозвище древнемарийского происхождения *Папа*. В горномарийском диалекте слово *папа* означает «бабушка» (30, стр. 408).

Удмуртский языковед Т. И. Тепляшина пишет, «что географические наименования с элементом *пор* оставили угорские племена, что манси считают себя народностью, сложившейся из двух родов: „пор и моксь”», и заключает, «что территория, на которой встречаются топонимы с основой *пор*, некогда была заселена мансийскими родовыми ячейками» (36, 263). Далее она отмечает, что в настоящее время слово *пор* удмуртами употребляется в качестве этнонима марийцев (36, 263).

В Марийской АССР есть Параньгинский район и село Параньга (райцентр). Название *Параньга*, по всей вероятности, состоит из этнонима *пор* ~ *пар* 'мариец', 'марийский' и заимствованного из древнебулгарского в марийский язык географического номенклатурного термина *ангар* ~ *энгер* 'река, речка, поток, овраг' (ср. р. *Ангара* в Сибири) (19, 298), *аньга(р)*, что в целом означает «Поровская речка», то есть «марийская речка». Ср. починок *Пор Илга* 'Поровская речка' по речке Барангуш (20, 275). В Параньгинском районе в основном живут казанские татары. Под влиянием народной этимологии этноним *Параньга* преобразовался в близкое по звучанию татарское слово *Барэңге* 'картофель'. На этой же почве возникли татарские этнолингвистические термины *барэңге татарлары* 'параньгинские татары' и *барэңге сөйләше* 'параньгинский говор'. В Параньгинском районе есть татарская деревня *Портанур*. Ойконим *Портанур*, по всей вероятности, состоит из этнонима *портя* 'марийское' + марийский географический номенклатурный термин *нур* 'поле'.

В топонимии Татарии имеются также ойконимы, связанные с этнонимом *пор*. Например, в Кукморском районе есть татарская деревня *Поршур* (Т. И. Тепляшина говорит о двух удмуртских деревнях в Глазовском и Можгинском районах Удмуртии с названием *Поршур* 'поровская река', 'река поров'), в Балтасинском районе — удмуртская деревня *Пор-Кушкет*, на территории г. Зеленодольска — железнодорожная станция *Паратск*, наименование которого состоит из слов *пор* ~ *пар* — этноним + *ат* ~ *ото* — по-марийски 'роща' + *ск* — русский суффикс, что в совокупности означает «поровская роща», «роща поров». В Казанском уезде на территории нынешнего г. Зеленодольска были марийская деревня *Параты Старые* (она же: *Параты Большие*, *Параты Черемисские*) и русское село *Параты Новые* (оно же: *Параты Русские*) (15, 12).

Таким образом, географические названия, включающие в свой состав финно-угорское родоплеменное наименование *пор*, встречаются, как это отмечает Т. И. Тепляшина (36, 262), не только на севере Удмуртии (в бассейне р. Чепцы) и в северо-западном Приуралье, а гораздо южнее, то есть на северо-западной территории Татарии.

Т. И. Тепляшина пишет, что в удмуртских деревнях, в названия которых входит компонент *пор*, живут удмурты (кроме селения Малый Дасос, где проживают бессермяне) (36, 264). Как свидетельствуют приведенные примеры, в населенных пунктах Татарии, носящих названия, включающие этноним *пор*, жили и живут не только удмурты, но и татары, черемисы (марийцы) и русские.

Казанские татары и поныне удмуртов называют *арами*. По мнению В. А. Кельмакова, удмурты получили название *ар* от булгарских племен, по-видимому, в конце VII века (18, 191).

В топонимии Татарии имеются несколько ойконимов и ряд микро-топонимов, происхождение которых связано с этнонимом *ар*: татарские села *Арбаш* (в Балтасинском районе), *Югары Арбаш* — Верхний Арбаш: *Түбән Арбаш* — Нижний Арбаш (в Кукморском районе) и т. д.

Название деревни *Арбаш* И. А. Износков производит от татарских слов *ар* 'вотак (удмурт)' и *баш* 'начало, голова'. «Арбаш — деревня, после которой начинаются селения вотяков и, действительно, — добавляет он, — за этой деревней в Казанском уезде расположены вотяцкие селения» (15, 3).

В микропонимии татарских сел и деревень Заказанья наряду с микропонимами, связанными с этнонимом *чирмеш* (черемис) (например, *Чирмеш зираты* 'Черемисское кладбище' — деревень Нурмабаш, Чапшар, Килеево Балтасинского р-на; с. Измя Сабинского р-на; с. Большой Менгер Арского р-на; *Чирмеш аланы* 'Черемисская поляна', *Чирмеш сазы* 'Черемисское болото' д. Пускань Балтасинского р-на; *Чирмеш тавы* 'Черемисская гора', *Чирмеш басуы* 'Черемисское поле', *Чирмеш тутәлләре* 'Черемисские гряды' — название поля, *Чирмеш юлы* 'Черемисская дорога', *Чирмеш елгасы* 'Черемисская река' д. Янгул Балтасинского р-на и т. д.), встречаются также микропонимы, связанные с этнонимом *ар* (например: *Ар тавы* 'Арская гора' д. Явлаштау Сабинского р-на; *Ар урамы* 'Арская улица' д. Янгул Балтасинского р-на; *Ар мазары* 'Арское кладбище' д. Вахитово Кукморского р-на; *Ар үзәнлеге* 'Арская долина', *Ар елгасы* 'Арская речка' д. Кушкетбаш Балтасинского р-на; *Ар болыннары* 'Арские луга' д. Поршур Кукморского р-на; *Арлар урамы* 'Улица аров' д. Татарский Дымский Бугульминского р-на и т. д.).

В Закамье, и особенно в Заказанье, названия ряда татарских сел и деревень происходят от удмуртских родовых наименований (от воршудных имен). Например, с. *Дурга* 'навозный жук' (Балтасинский р-н), села *Верхние Кибя-кози*, *Большие Кибя-кози* и *Малые Кибя-кози* (Сабинский р-н), где топокомпонент *Кибя*, по всей вероятности, связан с удмуртским родовым наименованием *Кибья* 'жук' (6, 171), д. *Чабья* 'пшеница' (Нижекамский р-н), д. *Чабья Чури* (Сабинский р-н), *Новая Чабья* (Кукморский р-н), д. *Старая Чабья* (Мамадышский р-н), с. *Чепья* 'птенчик, цыпленок', д. *Иске Чепья* 'Старая Ципья' (Балтасинский р-н), с. *Курья* 'залив', 'завод', то есть «род удмуртов вблизи залива» — по объяснению С. К. Бушмакина (Мензелинский р-н). Название нескольких населенных пунктов ТАССР связано с удмуртским именем *Уча* 'соловей': д. *Түбән Уча* — Нижняя Уча, д. *Яңа Уча* — Новая Уча в Мамадышском р-не, с. *Учалы* (*уча* 'соловей' + *лы* — аффикс наличия) в Азнакаевском р-не, с. *Учы* (*учы* 'соловей') в Актанышском р-не. В Башкирии есть *Учалинский* район и районный центр — город *Учалы*. Удмуртским воршудным именем *Зячча* названа речка *Зыйча* (по-русски *Зыча*) — правый приток р. Зай и татарско-русское село *Зыйчабаш* (*Зыйча* — удмуртское воршудное имя — название речки + *баш* 'начало', 'голова', 'исток') в Заинском р-не. Естественно, что в Агрызском районе ТАССР, вклинившемся более чем на 100 км на территорию Удмуртии, имеются татарские населенные пункты, носящие удмуртские воршудные имена: с. *Баржы* (*Варзи* — удмуртское воршудное имя), с. *Баржы-Омга* (*Варзи* и *Омга* — удмуртские воршудные имена²), д. *Югары Баржы* — Верхние Варзи, *Иж-Бубый* — Иж Бобья (*Бобья* — удмуртское воршудное имя).

С. К. Бушмакин воршудные имена считает микроэтнонимами удмуртов. «Родовое имя, а вместе с ним и сознание своей родовой принадлежности, — пишет он, — у удмуртов передавалось из поколения в поколение в форме собственного имени замужней женщины (женщина у

² Названия сел, сочетающие два удмуртских воршудных наименования, М. Г. Атаманов объясняет тем, что отдельные члены некоторых ослабевших родов при переселении на далекие от родных мест территории чаще всего объединялись в один род и при этом сохраняли названия обоих родов (см.: М. Г. Атаманов. Этнонимы удмуртов в топонимии. Автореф. канд. дисс. Тарту, 1978, стр. 9).

удмуртов имела личное имя лишь до замужества, а после замужества ее называли родовым, воршудным именем), а также специального языческого культа родового (семейного) божества воршуда» (6, 168—169). Историк И. Н. Смирнов замечает, что, где бы ни поселялись удмурты, они «всегда садятся группами, связанными между собой более или менее близким родством» (32, 27). Даже при миграции на сравнительно большие расстояния удмурты сохраняли верность своей родовой принадлежности: строили *куа* (шалаш) по названию своего родового божества воршуда, селения они также продолжали называть именем своего рода (6, 169). Таким образом, первооснователями перечисленных выше татарских сел и деревень являлись в основном удмурты названных родов (воршудов), которые со временем полностью ассимилировались в татарской среде.

В топонимии Татарии этнотопонимы, связанные с названиями индоиранских племен и народностей, почти не сохранились. В XV—XIX веках в Казани лишь один глубокий протяженный овраг вблизи Кремля носил название, связанное с этнонимом *таджик* (таджик): *Таджик чокыры* 'Тезицкий овраг'.

Из Средней Азии таджики и узбеки приезжали в Казань с торговыми целями и жили они в «Тезицком дворе» около оврага, получившего потом название *Таджик чокыры* 'Тезицкий овраг'. В одном историческом документе от 19 октября 1677 года говорится, что многие «тезики», приехавшие в Казань, женились на слободских татарках и, оставшись жить в Казани, продолжали заниматься торговлей, но царской казне никаких податей не платили (37, 10). Как видно, в этнос слободских татар г. Казани входили также таджики и узбеки.

В «Истории Татарской АССР» отмечаются три этапа проникновения древнетюркских племен на территорию Волго-Камья: I этап — тюркизация края, связанная с проникновением в III—IV веках гуннских племен; II этап — проникновение в VI—VII веках тюркских племен, говоривших на печенежско-огузском диалекте Великого тюркского каганата³; III этап — с проникновением с конца VII — начала VIII века булгарских племен (17, 35—36).

Отсутствие археологических и других данных пока не позволяет безоговорочно утверждать, что название татарского села *Кун* (расположенного около речки *Кун*) Пестречинского района ТАССР восходит к этнониму *кун* ~ *һун* ~ *гун* (гунн). Однако здесь следует отметить весьма существенный факт: в древнетюркском языке слово *kün* (el *kün*) употреблялось в значении «народ, люди» (11, 326), что вполне могло преобразоваться в наименование древнетюркских племен, то есть в этноним *kün*: *кун* > *һун* > *гун*⁴, откуда происходит и русское написание *гунн*.

Наличие ряда этнотопонимов позволяет предположить, что некоторые тюркские племена Великого тюркского каганата, проникшие на

³ О гидронимах и топонимах ТАССР, связанных с языками народов Великого тюркского каганата, см. нашу работу: «Топонимия края и некоторые вопросы этногенеза казанских татар». — В сб.: «Татар тел белеме мәсьәләләре», III китап. Казан, 1969. В древнетюркском памятнике Моюн-Чора зафиксировано название реки *Ябаш*, в русской транскрипции — *Ябаш* (см.: Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971, стр. 358). Необходимо отметить, что в Арском районе ТАССР аналогичное название носят речка *Ябаш* (*Ябаш*) и татарская деревня *Ябаш* (*Яваш-Варангуш*).

⁴ Здесь следует отметить и то, что названия речки *Апса* (берет начало у подножья горы) и татарской деревни *Апсабаш* (в Высокогорском районе ТАССР), по всей вероятности, являющиеся древними реликтами языка алтайской общности, занесенными древнетюркскими (гуннскими) племенами. Об этом свидетельствует наличие топонима *Апса* в тунгусском языке в значении «гора, похожая на ящик» (см.: Г. М. Василевич. Топонимы тунгусского происхождения. — В сб.: «Этнография имен». М., 1971, стр. 162).

территорию Волго-Камья в VI—VII веках (второй этап тюркизации этого края), оставили в топонимии ТАССР свои следы. Такими этно-топонимами, на наш взгляд, являются географические названия, связанные с наименованиями древнетюркских племен: *төркәш* (тюргеш), *алат* и *кәче*.

В Кукморском районе ТАССР есть татарское село *Төркәш* (по-русски Туркаш), название которого полностью соответствует этнониму древнетюркского племени *төркәш ~ төргәш* (тюргеш). С. Е. Малов пишет, что *türgäš (türgiš)* — племя западных тюрков, название которого встречается в памятниках, написанных в честь Кюль-Тегина, Тоньюкука и др.⁵ В «Древнетюркском словаре» слову *türgiš* дается следующее объяснение: «Тюркский этноним, с указанием нескольких древнетюркских источников, в тексте которых имеет место данное наименование» (11, 599). Г. В. Юсупов указывает, что топоним *Туркаш* имеется и в Башкирии. Он также относит его к древнему этнониму *тюргеш*, носители которого входили в объединение дулу Западно-тюркского каганата (49, 230). Как известно, в это же племенное объединение входили также болгары Приазовья.

В Высокогорском районе ТАССР находятся татарско-русская деревня *Средние Алаты* и русские села *Алат* и *Малые Алаты*. В период Казанского ханства и позже одна из дорог, ведущая из Казани в Заказанье, называлась «Алатской дорогой». Существование вышеуказанных (тогда татарских) населенных пунктов на Алатской дороге в Казанском ханстве известно по историческим источникам (45, 284).

Происхождение топонимов Заказанья *Алат*, *Алаты* и *Алатская дорога*, по всей вероятности, связано с древнетюркским этнонимом *алат*, который впоследствии принял формы *алан*, *алачин*. Первые сведения об алатах (аланах) появляются в китайских источниках с IV века нашей эры. Какая-то часть алатов в VIII веке и позднее оказалась втянутой в сферу огузо-туркменских, печенежских, болгарских и кыпчакских этнических связей (14, 116).

Ойконимы *Кәче* (*Кәче иле*) в Арском районе и *Кәчи* (Качеево) на правобережье Волги (в Алексеевском районе), возможно, связаны с этнонимом, известным у западносибирских тюрков — *качинцев* [качинских татар — предков хакасов (хаас), живших некогда на берегах реки Кача в Западной Сибири]. Современных качинцев (хаас) считают отореченными в древности самодийцами (5, 10). Здесь следует отметить, что в самодийском языке слово *бю ~ ба* или *бу* означало «вода». Л. Р. Кызласов отмечает, что данное слово входит в состав названий рек: *Холба*, *Тайба*, *Колба*, *Салба*, *Туба*, *Анбу*, *Аба* и т. д. (22, 95).

Некоторые названия рек Среднего Поволжья оформились с гидроморфантам *ма*, фонетическим вариантом самодийского *ба* 'вода'. Например, в Заказанье есть реки и речки с названиями: *Өмбә ~ Өнбә*, *Кулма*, *Тойма*, *Шушма*, *Ушма* (*Ушнә*), *Нурма*, *Бужа* (*бу* — самод. 'вода', 'река' + *жа ~ ча ~ са* — на древнетюркском языке — то же) и т. д. На основании этих топонимических примеров можно говорить о присутствии в Заказанье в начале нашей эры самодийско-тюркских племен *кәчи* (качинцев) — предков хаас (хакасов).

В предисловии «Дивану луғат-ит-тюрк» Махмуд Кашгари приводит данные о расселении тюркских племен и распространении их языков в XI веке, приложив соответствующую карту. «Тюрки, — писал он, — составляют двадцать основных племен. Ближайшее к Руму племя печенег, затем кыпчак, огуз, ямак (йәмәк), башкир, басмылы, кай, ябаку, татар и затем идет киргиз...» (24, 64—66).

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 435.

Т. М. Гарипов пишет, что несколько загадочным представляется в «Диване» народ *йәмәк* (ямак). Учитывая зафиксированное сходство их языка с башкирским, он высказывает предположение, что ямаки — это кыпчакские прашуры казанских татар, появившиеся на Волге до монгольского нашествия. «Между прочим, — пишет он, — в Предуралье и поныне распространены топонимы и антропонимы с основой *йәмәк*: русская фамилия одного из башкирских тарханов XVIII века была Емяков, в татарских говорах выражение *йамак майы* означает „горчица“» (7, 48). К этим примерам можно еще прибавить названия татарских деревень *Жәмәк* (Ямаково) Мензелинского района и *Жәмәки* Камско-Устьинского района ТАССР.

Булгарский пласт в топонимии Татарии является сравнительно древним, отложившимся во времена Булгарского царства и Казанского ханства, то есть приблизительно в VII—XV веках.

Булгарское государство было многоплеменным. Как показывает само название государства и его столицы Булгар, в нем господствующее положение занимали булгары, в состав которых, в свою очередь, входили несколько племен и этнических групп: *булгар*, *берсула*, *сувар*, *эсегель*, *нукрат* ~ *нухрат* (серебряные булгары), *баранджар* (беренджер), *бияр* (бияр), *сабакуль*, *челмат*, *темтюзи* (темти), *торьцьких* (тюрки). Башкирский историк А. Н. Усманов пишет также о том, что у башкир было племя *торки-төркэй* (38, 53) и др. Поэтому вполне естественно, что в топонимии Татарии сохранилось значительное количество этнотопонимов, связанных с названиями волжско-камских булгарских племен: *булгар* (например, г. *Великий Булгар*, татарские села *Болгар Кривой* — *Олы Болгаер*, *Кече Болгаер* Апастовского района ТАССР и др.), *нократ* ~ *нухрат* (*Нократ иделе* — река Вятка; *Старые Нохраты*, *Новые Нохраты* — русские деревни в Алькеевском р-не, *Нократ чиймәсе* — Нукратский родник в селе Наласа Арского р-на, село *Нухрат* в Кировской области и др.), *баранджар* (речка Баран; *Арбузов-Баран*, *Николаев-Баран* — русские, *Красный Баран* — татарско-русское села Алькеевского р-на), *берсул* (по-татарски *бөрсет*, например, речка *Берсут* — приток Камы, татарские деревни *Берсут-Сукачи*, *Сухой Берсут*, *Берсут-Илга*, *Малый Берсут* и русское село *Берсут* Мамадышского р-на), *саба* (речка *Саба* — Сабинка, татарские села: *Байлар Сабасы* — Богатые Сабы, *Сабабаш*, *Урта Саба* — Средние Сабы, *Чәпки Саба* — Чапки Сабы Сабинского р-на), *темтюзи* ~ *тәмти* (татарские села *Тямти*, *Төрөк Тәмте* — Трюк Тямти и *Тямти-Метески* в Сабинском р-не, русско-татарское село *Тәмте* — по-русски Теньки в Камско-Устьинском р-не), *торьцькие* — *төркэй* [татарские села *Төрөкләр* — Туруклар Арского р-на, *Төрөк Тәмте* — Трюк Тямти (в последнем сочетаются два булгарских этнонима: *төрөк* — торьцький и *тәмте* — темтюзи) в Сабинском р-не, села *Мари-Турек* в Марийской АССР и *Русский Турек* в Кировской области], *бияр* ~ *бүляр* (булгарский город *Бияр* и русско-татарское село *Бияр* в Алексеевском р-не, деревни *Татар Бүләр* и *Мари Бүләр* в Муслумовском р-не). По своему происхождению топокомпонент *бүләр* в ойконимах *Татар Бүләр* и *Мари Бүләр*, вероятнее всего, восходит к названию башкирского племени *бүләр* (буляр).

Кроме булгар, на территории Булгарского государства обосновались и другие народности, а именно: *буртасы*, *мордва*, *ары* (удмурты), *черемисы* (марийцы), *пермяки*, отчасти *башкиры* и *печенеги* (17, 38—39). Буртасы, башкиры и печенеги были тюркоязычными.

Самое раннее упоминание о буртасах встречается у Ибн-эль-Кальби, автора конца VIII — начала IX века, у которого они именуются *бурджасами*. Арабский ученый X века Масуди отмечает, что «Буртас

есть собственное имя тюркского народа., который жил на этой реке (Буртас) и дал ей свое имя... Их страна хорошо возделывается и лежит между хазарами и царством болгар., (буртасы) составляют часть хазарского царства» (33, 89). «Обитание буртасов, — пишут Б. Д. Греков и Н. Ф. Калинин, — в Саратовской, Ульяновской, Пензенской, Тамбовской областях, в Мордовской АССР, в западных частях Татарии подтверждается сохранившимися там названиями селений, урочищ, реки Буртас в Бассейне р. Мокши» (10, 113). В Камско-Устьинском районе ТАССР есть татарские села *Олы Бортас* (Большие Буртасы) и *Кече Бортас* (Малые Буртасы), а в Апастовском районе — *Имянле Бортас*.

А. И. Попов пишет, что «буртасы в результате всех событий своей истории после X в. оказались, действительно, на Северном Кавказе, включившись здесь в конце XIII столетия в Ногайскую орду, объединившую многие тюркские группы. Именно отсюда буртасы в составе дружин ногайских князей и мурз попали в Мордовский и Мещерский края как случайные пришельцы XVI—XVII вв., а не как коренные обитатели этого края. Становится очевидным, что довольно многочисленные там географические имена *Буртас*, *Буртасы* и т. п. возникли не ранее XVI—XVII столетий и возникли именно потому, что выделяли чуждых пришельцев-буртасов из общей массы коренного местного населения — мокшан, эрзян и мещеры» (28, 118—119).

В Татарии есть татарские населенные пункты: *Апас* (село Апастово — центр Апастовского района), *Апач* (деревни в Сармановском и Актанышском районах) и *Апаз* (село в Арском районе). В Казанском ханстве на Ногайской дороге вблизи деревни Тоймы было село *Агач*⁶ — *Аган* — *Опач* (45, 284). По историческим источникам известно, что у хазар имелся род *аваз* или *абас* (8, таблица хазарских племен), а у печенегов — *абас* (39, 1). У печенегов в обиходе было также и личное имя *Абас* (39, 2). С названиями вышеупомянутых родов хазаров и печенегов общим у каракалпаков является современное название рода *абас*, входящего вместе с родом *токай* в родовое объединение *тараклы кыйат* племени *кыйат* (4, 226—227). Среди древнечувашских и булгаро-татарских языческих имен имелись имена *Абачь* и *Апась* (23, 24, 28). Исходя из этих данных, можно выдвинуть две версии относительно происхождения названий указанных татарских населенных пунктов: 1) от родоплеменных наименований *абаз* (абас) хазаров или *абас* печенегов, а возможно, и тех, и других; 2) от булгаро-чувашско-татарского и печенежского личного имени *Абач*, *Апас*, *Абас*.

В Арском районе ТАССР есть татарские села *Иске Масра* (Старая Масра) и *Югары Масра* (Верхняя Масра). Топокомпонент *Масра* происходит от арабского наименования Египта — *Misr* (по-татарски *Мысыр*). Итак, *Мисра* ~ *Масра* означает «египетский», «египтянин», то есть «арабский», «араб». Согласно высказываниям старожилов, деревню *Старая Масра* обосновали арабы из Мисыра (Египта), приглашенные еще в булгарские времена для совершения обряда обрезания мальчиков. «В деревне Масра Верхняя или Новая Масра проживает много татар, занимающихся исполнением обряда обрезания во всех окрестных магометанских деревнях» — пишет И. А. Износков (15, 6).

Этно- и микротопонимы, связанные с этнонимом *чуваш*, — названием одного из древнетюркских народов Среднего Поволжья, существует не только на граничащей с Чувашской АССР Нагорной стороне ТАССР [например, с. *Чуваш Шайморзасы* — Чувашское Шаймузино

⁶ В. А. Никонов фамилию Агачев зафиксировал в Татарской АССР (см.: В. А. Никонов. Опыт словаря русских фамилий, II. — В сб.: «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 215).

в Дрожжановском р-не; деревни *Чуваш Биморзасы* — Чувашское Пимурзино, *Чуваш Аксуы* — Беловоложка Чувашская в Буинском р-не; этномикротопонимы: *Чуваш башы* — букв. 'Чувашская голова, часть' — название улицы с. Адав-Тулумбаево Буинского р-на; *Чуваш болыны* — Чувашские дуга с. Старое Шаймурзино Дрожжановского р-на и с. Бюрганы Буинского р-на; *Шаваш (Чуваш) чокры* — Чувашский овраг с. Большие Ачасыры Зеленодольского р-на; *Чуваш мазары* — Чувашское кладбище с. Тябердино Апастовского р-на и т. д.], но и около Казани (например, этномикротопонимы: *Чувашская гора* около пос. Васильево Зеленодольского р-на; *Чуваш күле* — Чувашское озеро с. Айбаш Высокогорского р-на и т. д.), а также в Закамье (например, села *Чуваш Кичүе* — Чувашский Брод в Алькеевском р-не; *Чувашский Елтан* в Чистопольском р-не; этномикротопонимы; *Чуваш каберлеге* — Чувашское кладбище с. Сулеево Альметьевского р-на; *Чуваш мазары арты* — букв. 'Поле за чувашским кладбищем' с. Средний Юрткуль Куйбышевского р-на; *Чуваш урамы* — Чувашская улица в деревнях Ташбилге и Нижний Биктимер, *Чуваш кизләве* — Чувашский ключ с. Старые Челны Алькеевского р-на и т. д.).

Топонимические чувашизмы в Закамье ТАССР напластовались гораздо позднее, начиная лишь со второй половины XVII века, что связано в основном с переселением в 1652—1656 годах в Закамье большого количества чувашских крестьян [наряду с крестьянами русской, татарской (мишарской), мордовской, марийской и удмуртской национальностей] для постройки Закамской укрепленной линии.

А. Х. Халиков, Р. Г. Кузеев, Р. Г. Фахрутдинов и некоторые другие ученые отмечают наличие татарского компонента в башкирском этносе⁷. Однако следует учитывать, что в средние века и даже позднее татарско-башкирские этнические связи были обоюдными, двусторонними.

Исходя из исторических, топонимических и лингвистических фактов, можно с уверенностью утверждать, что башкирский компонент участвовал в этническом формировании казанских татар вообще и татар, представителей мензелинского говора татарского языка, в особенности.

Выше указывалось, что в состав населения Волжской Булгарии входили отчасти и башкирские племена. А. Х. Халиков, ссылаясь на сведения Ибн Фадлана, Эль Балхи и Истахри, пишет, что башджортские племена жили к югу и юго-востоку от булгар, и эти племена в IX—X веках поддерживали еще самые тесные отношения с Булгарией и, очевидно, нередко проникали в ее центральные районы (43, 35).

О подвластности западных и, возможно, других башкир Казанскому ханству свидетельствует сообщение Никоновской летописи 1469 года. Очевидец присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству, князь А. Курбский в числе языков Казанского ханства, кроме татарского, мордовского, чувашского, черемисского и вотяцкого, называет и башкирский. В период Казанского ханства в юго-восточном Закамье в бассейнах рек Зай, Ик и Белая находились кочевья башкир (17, 71).

Проживание башкирских родов и племен на территории современной Татарской АССР в средние века подтверждается также наличием соответствующих этнотопонимов и топонимов в ТАССР.

На территории Татарии известен ряд этнотопонимов, связанных с названиями башкирских племен: *байлар* и его роды *салагуш*, *калмаш* и

⁷ См. сб.: «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969; Сб.: «Археология и этнография Башкирии. Материалы научной сессии по этногенезу башкир, май 1969», т. IV. Уфа, 1971.

сураш (например, татарские села и деревни: *Байлар* в Альметьевском и Бавлинском р-нах; *Иске Байлар* — Старый Байлар, *Яңа Байлар* — Новый Байлар, *Югары Байлар* — Верхний Байлар, *Тау асты Байлар* — Подгорный Байлар в Мензелинском р-не; *Салагыш* в Агрызском р-не; *Калмаш* в Челнинском и Актанышском р-нах; *Чураш* в Сармановском р-не); *буляр* и его роды *мышыга* (например, деревня *Татарское Булярово* и село *Мари-Буляр* в Муслюмовском р-не; татарская деревня *Мушук* в Агрызском р-не; село *Татарская Мушуга* и *Русская Мушуга* в Мензелинском р-не); *тамын* и его роды *куян* и *мясагут* (например, татарские села и деревни: *Тамыян* в Муслюмовском р-не; *Куян* и *Куяново* в Актанышском, Мензелинском и Елабужском р-нах ТАССР и в Параньгинском р-не Марийской АССР, *Масягутово* в Азнакаевском р-не); *табын* и его роды *кара-табын*, *юмран*, *дуван*, *таз*, *балыксы*, *суюндук* (например, татарские деревни *Югары Табын* — Верхний Табын, *Түбән Табын* — Нижний Табын и речка *Табынка* в Муслюмовском р-не; татарское село *Карадуган* в Балтасинском р-не); в исторических документах *Карадуван*, *Карадован* (45, 286); татарская деревня *Яңа Дуван* — Новое Дуваново, чувашское село *Иске Дуван* — Старое Дуваново и поселок *Русское Дуваново* в Дрожжановском р-не; татарское село *Иске Юмралы* — Старый Юмралы в Апастовском р-не. Нам думается, что комоним *Юмралы* происходит от башкирского этнонима *юмран* + *лы* (аффикс наличия): *юмранлы* 'юмралинский'. Это подтверждает также находящаяся всего в километре от Старого Юмралы татарская деревня *Карабай*, название которой связано с широкораспространенным и частоупотребительным башкирским личным именем *Карабай*; татарские деревни *Иске Тазлар* — Старый Тазлар и *Яңа Тазлар* — Новый Тазлар в Арском районе. Татарскую деревню *Мөгезле-Елга* Альметьевского р-на местные жители называют *Тазлар*, подчеркивая ее связь с башкирским этнонимом *тазлар*. В Казанском ханстве, на Ногайской дороге была деревня *Балыкча* (45, 284). В Апастовском р-не есть татарские села *Шәм⁸ Балыкчы* и *Болын Балыкчы*. Вполне возможно, что названия этих деревень происходят от башкирского этнонима *балыкчы*.

В Азнакаевском р-не находится татарская деревня *Сөөндек* — Суюндук. К названиям племен и их родов восходит целый ряд топонимических наименований. К ним относятся: *еней* и его роды *бугазы*, *тугыз* и *комбар* [русско-татарская деревня Еней — Еновка в Бавлинском р-не; татарское село Митряево Азнакаевского р-на жители соседних населенных пунктов называют *Жунэй* (Еней); односельчане половину деревни Ахуново Актанышского р-на называют *Енэй ягы* (Енейская сторона), другую половину — *Усаба ягы* (Сторона Особа); татарские населенные пункты *Яңа Богады* — Новые Богады, *Иске Богады* — Старые Богады в Актанышском р-не, в которых топокомпонент *богады* происходит от башкирского этнонима *бугызы* (чередование звуков *з* ~ *д* свойственно мензелинскому говору татарского языка и диалектам башкирского языка), татарское село *Тугыз* в Мамадышском р-не, местность *Тугыз буе* в Агрызском р-не, город и железнодорожная станция *Камбарка* в Удмуртской АССР]; роды *кадыкай* и *тенкэй* племени *киргиз* (речка *Кады*, татарское село *Кадыбаш* в Агрызском р-не, *Иске Тенэкэй* — Старое Тнякеево в Актанышском р-не); роды *карга* и *сатлыган* племени *каршин* (татарские села *Каргалы* в Апастовском, Мамадышском и Чистополь-

⁸ Слово *шам* (*шәм*) в азербайджанском и турецком языках означает «сосна» (см.: «Азербайджанско-русский словарь». Баку, 1962, стр. 237; «Русско-турецкий словарь». М., 1964, стр. 276). Название деревни *Карашәм* Зеленодольского р-на ТАССР, по всей вероятности, означает *кара* 'черная' + *шәм* (шам) 'сосна'.

ском р-нах. Комоним *Каргалы*, как нам кажется, происходит от башкирского или общекыпчакского этнонима *карга* 'ворона' + *лы* — аффикс наличия: *каргалы* 'каргалинский', татарская деревня *Сатлыган* в Рыбно-Слободском р-не); роды *туркмен* и *карагай* племени *кыпчак* (татарские деревни *Туркмен* в Азнакаевском р-не, *Карагай* в Лениногорском р-не), племени *уней* (деревня *Татарский Убей*, чувашские населенные пункты *Старый Убей*, *Новый* и *Малый Убей* в Дрожжановском р-не); роды *мин*, *уршак* и *кубоу* племени *мин* (татарская деревня *Меңнәр* — Миннярово в Актанышском р-не, татарские села *Олы Урсак* — Большое Русаково и *Кече Урсак* — Малое Русаково в Апастовском р-не). В Уфимском р-не Башкирии есть татарская деревня *Уршак*, где топокомпонент *урсак*, по всей вероятности, происходит от названия рода *уршак* или *урсак* племени *мин*. В свою очередь этноним *урсак* или *уршак* восходит к антропониму *Уразак* (*ураз* 'счастье' + *ак* — уменьшительно-ласкательный аффикс). Отсюда *Уразак* > *Урзак* > *Урсак* > *Уршак*. К приведенному выше перечню следует добавить еще татарскую деревню *Кувады* (*кува* + аффикс наличия *-ды* ~ *-лы*, то есть 'кубалинский') в Тукаевском р-не, роды *маскара* (относится к катaysкой группе башкир), *айыу* (относится к племени *усерган*) и *байсары* (татарские села *Маскара*⁹ в Кукморском р-не, *Аю* в Мензелинском р-не, *Иске Байсар* — Старое Байсарово и *Яңа Байсар* — Новое Байсарово в Актанышском р-не); а, возможно, также роды *казанчи* племени *танып* (татарское село *Казанчи-Бигеней* в Сабинском р-не), роды *байулы* (райцентр Баулы) и т. д.

Племена *буляр* (*мышыга*, *кадыр*), *байлар* (*сураш*, *салагуш*, *калмаш*), *юрми* и *ирэктэ* входили в икскую группу башкир. В нижнебельскую группу входили племена: *еней* (*бугазы*, *тугуз*, *комбар*), *гэрэ* (*урман-гэрэ*, *иль-гэрэ*), *киргиз* (*тенкай*, *кадыкай*), *елан* (*эске-елан*, *идель-елан*, *кыр-елан*), *ельдяк* (*кыр-ельдяк*, *буре-ельдяк*, *уфа-ельдяк*), *канлы* (*идель-канлы*, *юрактау*, *актау*, *сындаш*), *дуваней* (*йылкысы*), *каршин* (*кадрей*, *карга*, *сатлыган*), *таз* и *уваныш*.

Икские и нижнебельские башкиры вместе составляют северо-западную этнографическую группу (21, 27). Икские башкиры заселяли долину реки Ика от ее истоков до устья рек Степной Зай, Шешма и других, а нижнебельские — локализовались в долине реки Белой по обоим ее берегам. Как видно из приведенных примеров, на северо-восточной и юго-восточной территории современной ТАССР наиболее распространены этнонимы, связанные с икскими и нижнебельскими башкирскими родоплеменными названиями.

Племена *байлар*, *еней*, *буляр* и *юрми* считаются древнебашкирскими, их происхождение связано с волжско-булгарской и угорской (мадьярской) средой эпохи активных булгаро-тюркских этнических контактов (VIII—IX века). В северо-западной Башкирии наиболее четко прослеживается большая роль завершающих этапов башкирского этногенеза (XIII—XV века), собственно кыпчакской миграции (*канлы*, *гэрэ*, *елан*, *киргиз*, *каршин*, *ельдяк*, возможно, *казанчи*), а также миграционных потоков кыпчакизированных племен тюрко-монгольского происхождения катaysкой и табынской групп (*балыксы*, *дуван*, *таз*, *уран*, *ирэктэ*). Этническая история табынских родов *кесе*, *кальсер*, *юмран* восходит к древнетюркскому миру Центральной Азии и Алтая. По происхождению племя *уней* является финно-угорским, а *тамьян* — центральноазиатским или монгольским. Племена *кыпчак*, *катай*, *киргиз*, *табын* и *мин* появились в Башкирии в период кыпчакской миграции в XIII—XIV веках. «Эти пле-

⁹ Этноним *маскара*, вероятно, состоит из компонентов: *маска* по-марийски «медведь» + *ра* (*ру*) по-тюркски «род» — то есть «медвежий род».

мена, — пишет Р. Г. Кузеев, — являются участниками грандиозного по масштабам процесса этногенеза тюркских народов, который почти одно тысячелетие протекал на огромной территории от Алтая до Черного моря. Кыпчакский этап по существу был заключительным аккордом этого процесса, приведшим в конечном счете (с углублением социально-экономического развития и коренными изменениями в XV—XVI вв. политической ситуации в Дешт-и-Кыпчаке) к завершению формирования ряда народностей» (21, 41).

Татарский разговорный язык образовался в результате взаимодействия булгарских и кыпчакских племенных языков. Дальнейшее развитие он получил в период Золотой Орды, локализуясь, главным образом, в пределах Среднего Поволжья. Окончательно татарский разговорный язык сформировался после распада Золотой Орды в период Казанского ханства и после присоединения его к России (4, 288; 40, 27—43; 13, 187—188). Историки и антропологи также отмечают существенную роль тесных булгаро-кыпчакских отношений в образовании татарского народа (44, 95; 48, 47; 1, 249).

В дополнение к сказанному следует отметить, что некоторые из указанных выше этнопонимов Заказанья и Нагорной стороны ТАССР могли возникнуть на основе кыпчакской миграции в Среднее Поволжье в XI—XVI веках и непосредственно восходить к общекыпчакским родоплеменным наименованиям. Известно и то, что в период Казанского ханства в состав татар входили роды: *ширин*, *барын*, *аргын* и *кыпчак*. В «Шертной грамоте» от 28 декабря 1508 года Василия III по случаю пожалования бывшему казанскому хану Абдул-Латифу города Юрьева на правах удела говорилось: «Таже ми от вас татар не принимати, и вам от меня людей не принимати опричь Шириново роду и Барынова и Аргинова и Кыпчакова» (17, 84). Возможно, что название русской деревни *Аргуновка* Бугульминского района ТАССР происходит от этнонима *аргын* (*аргун*). Во времена Казанского ханства в Заказанье на Зюрейской дороге одна пустошь носила название *Копшак* (45, 286).

У поволжских татар, в связи с их давним переходом к оседлому образу жизни, родоплеменные названия не сохранились. Поэтому этнопонимы, находящиеся на территории Татарии, приобретают особо важное значение в деле выявления родоплеменных наименований далеких предков поволжских татар и исследования этнических компонентов татарского народа. Параллелизмы и соответствия ряда этнопонимов Татарии (в широком понимании — Волго-Камья) с родоплеменными названиями башкир, казахов, каракалпаков, ногайцев, узбеков и других народов, представителей кыпчакской группы тюркских языков, безусловно, свидетельствуют об участии различных родоплеменных групп в этносе волжских татар в эпоху средневековья.

В XIV—XVI веках в период формирования татарского народа указанные башкирские, а также общекыпчакские родоплеменные группы почти полностью ассимилировались.

Казанские татары сформировались как народность на базе коренного тюркоязычного населения, проникшего в Волго-Камье в I тысячелетии нашей эры. В период Волжской Булгарии и Казанского ханства это население росло за счет новых тюркоязычных включений. В XV—XVI веках, то есть в эпоху Казанского ханства, сложились необходимые условия для этнической консолидации казанских татар, усилились их территориальные и экономические связи, укрепилось национальное самосознание народа, что привело к образованию определенной языковой и этнической общности поволжских татар, подразделявшихся на две группы — казанских татар и татар-мишарей (17, 70).

В топонимии Татарской АССР имеется очень много этнотопонимов и микротопонимов, восходящих к этнонимам, которыми в разное время обозначались поволжские татары.

1. **Татар.** Этот этноним возводят к иранскому слову *tat* 'чужак, чужеземец, иноплеменник' и из древнетюркского слова *ar ~ er ~ ir* 'человек, мужчина, мужчины, люди' (13, 8; 12, 134). В наименование большого количества татарских сел и деревень входит в качестве определения этноним *татар*, например, *Татар Баганасы*, сокращенно *Татбагана* в Чистопольском р-не, *Татар Кабаны* в Лаишевском р-не, *Татар Макылы* в Верхнеуслонском р-не и т. д.; это относится и к микротопонимам: *Татар болыны* (Татарские луга) — д. Старое Шаймурзино Дрожжановского р-на, *Татар коесы* (Татарский колодец) — с. Шингальчи Нижнекамского р-на, *Татар ягы* (Татарская сторона) — название улицы с. Тиньгащ Буинского р-на, *Татар чокыры* (Татарский овраг) — с. Большие Ачасыры Зеленодольского р-на ТАССР и т. д.

2. **Нугай.** Казахи и татары-мишари Ульяновской области для обозначения казанских татар пользуются иногда этнонимом *нугай*, что создает определенные трудности в различении казанских татар от ногайцев. Этноним *нугай* (в значении казанские татары) входит в некоторые этнотопонимы и микротопонимы; например, *Нугай иле* (букв. Ногайское село) — название села казанских татар в Ульяновской области; *Нугай чишмәсе* (Ногайский родник) — д. Малые Ачасыры; *Нугай тавы* (Ногайская гора) — с. Кугушево Зеленодольского р-на и т. д.

Один из больших трактов Казанского ханства назывался *Ногайской дорогой*. Он вел от Казани по направлению к юго-востоку в кочевнические степи Ногайской Орды. Разумеется, это название дороги имеет прямое отношение к собственно ногайцам, которые некогда поддерживали с Казанским ханством тесные семейно-брачные, политические и социально-экономические отношения. В татарском селе Шали (в Пестречинском р-не, в Заказанье) есть этномикротопоним *Ногаевская могила* (16, 44). В одном летописном документе *Ногайская дорога* называется *Чувакской дорогой* (29, XXXIII). Последнее название, вероятно, является первичным, связанным с проживанием в средние века во многих населенных пунктах Заказанья, расположенных вдоль этой дороги, булгаров — *суас* (то есть волжско-камских булгаров).

3. **Бигер.** Удмурты казанских татар называют *бигер*. Этот этноним на местах совместного проживания казанских татар и удмуртов, особенно в современной Удмуртской АССР, составил основу также этнотопонимов и микротопонимов, например, *Биер* (от *бигер* 'татар, татарин') — татарская деревня в Кукморском р-не ТАССР; *Бигрә кыр* — букв. 'бигерское поле'; *Бигрә тау* 'бигерская гора'; *Бигрә капка* 'бигерские ворота'¹⁰ и т. д. Здесь следует отметить также существование у удмуртов рода (воршуд) *бигра ~ бигер* 'татарский'.

4. Наименования, употребляющиеся для обозначения этнолингвистических групп поволжских татар: *мишәр*, *типтәр*, *керәшен* и других, встречаются в составе определенных топонимов и микротопонимов ТАССР.

1) **Мишәр** (мешеряк). Казанские татары называют *мишарями* всех представителей западного диалекта татарского языка. Этноним *мишәр* в топонимии ТАССР составил некоторые этнотопонимы (например, татарское село *Мещеряково* в Буинском р-не, русский поселок *Мещеряко-*

¹⁰ Эти примеры взяты из статьи: Джамал Валиди. Наречие каринских и глазовских татар. — «Труды общества изучения Татарстана», т. I. Казань, 1930.

во в Куйбышевском р-не) и этномикротопонимы (например, *Мишәр аланы* — Мещерская поляна — д. Таллы-Буляк Азнакаевского р-на, *Мишәр кабере* — Мещерская могила — с. Новые Тинчали Буинского р-на, *Мишәр очы* — Мещерский конец — название улицы с. Урмышла Лениногорского р-на, *Мишәр урамы* — Мещерская улица — с. Тойкино Азнакаевского р-на, с. Бюрганы Буинского р-на). Во времена Казанского ханства на Зюрейской дороге находилась деревня *Мещер* (42, 287) и т. д.

Антропологический облик мишарей Т. А. Трофимова возводит к облику представителей мадьярского племенного союза через общий, отчетливо выраженный антропологический понтийский элемент (27, 240). Этноним *мишары* венгерский ученый Иштван Эрдели выводит из корня *мож* и *маж*. Он пишет: «Другая группа (древних венгров. — Г. С.) оставалась немного южнее, их потомки — современные мещеряки. Их имя, а также целый ряд названий происходит от самоназвания венгров (мадьяр). Это имя приняло также татарское племя мишар» (47, 110).

М. З. Закнев этноним *мишәр* возводит к иранскому слову *mešā* ~ *be-šā* 'лес' и древнетюркскому *är* ~ *er* ~ *ir* 'человек, мужчина, мужчины, люди'. Таким образом, этноним *мишәр* означает «лесные люди, лесной народ» (13, 170).

2) **Типтәр** (тептяр). Так называют татар и людей других национальностей (черемисов, вотяков, чувашей, мещеряков, башкир), предки которых переселились после присоединения Казанского ханства к Руси в основном в северо-западные районы Башкирии. Этимологически этноним *типтәр* происходит не от *дәфтәр* 'тетрадь'¹¹ (как объясняют некоторые авторы), а, по всей вероятности, — от *типтәр* 'оттолкнутый, отклонившийся (от родных мест)', образованного от глагола *тибу-* 'пинать, лягать', *тибару-* 'отталкивать, оттолкнуть, отодвинуть' (2, 3).

Этноним *типтәр* встречается в микротопонимии значительного числа татарских населенных пунктов, расположенных в восточных районах ТАССР, то есть на территории бывшего Мензелинского уезда Уфимской губернии и Бугульминского уезда Самарской губернии; например, *Типтәр зираты* — Тептярское кладбище — с. Мелля-Тамак, *Типтәр урамы* — Тептярская улица — д. Баланлы, *Типтәр эрәмәсе* — Тептярская урема — д. Новое Саитово Муслюмовского р-на, с. Каракашли Бавлинского р-на, *Типтәрләр көтүлеге* — Тептярское пастбище и *Башкортлар көтүлеге* — Башкирское пастбище — с. Тлянче-Тамак Сармановского р-на и т. д.

3) **Керәшен**. «Кряшенами» называют татар, предки которых во второй половине XVI — начале XVIII века приняли православную веру. Этноним *керәшен* (крещеный) употребляется в качестве определения в составе названий нескольких татарских населенных пунктов ТАССР (например, с. *Керәшен Пакишы* — Крещеный Пакшин, *Керәшен Ерыкса* — Крещеная Ерыкса в Мамадышском р-не; с. *Керәшен Казиле* — Крещеное Казыли в Рыбно-Слободском р-не, *Керәшен Сардәсе* в Арском р-не и т. д.) и в значительном количестве микротопонимов (например, *Керәшен аланы* — букв. Поляна крещеного — д. Иштиряково Челнинского р-на, *Керәшен елгасы* — Река крещеного — с. Верхний Тимерлек Рыбно-Слободского р-на, *Керәшен зираты* — Кладбище крещеных — с. Мурзино и Деушево Апастовского р-на, с. Новая Дума Аксубаевского

¹¹ См.: Г. Ахмаров. Тептяры и их происхождение. — «ИОЛИЭ», т. XXIII, вып. 1—6, стр. 436; П. Глезденов. К вопросу о тептярах. — Журн. «Вятская жизнь», 1923, № 2. Вятка, стр. 78—79; Р. Г. Ахметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978, стр. 135—136.

р-на, с. Молвино Зеленодольского р-на, *Керәшен урамы* — Улица крещеных — с. Сарабикулово Лениногорского р-на, с. Верхние Челны Нижнекамского р-на и т. д.).

Научная значимость последовательной стратиграфии тюркских этнопонимов и микропонимов Татарии определяется прежде всего тем, что, как справедливо указывает В. А. Никонов, «до сих пор не затронута исключительно важная проблема разграничения различных тюркоязычных пластов топонимии Поволжья» (27, 268).

В средневековой Казани были микропонимы, происходящие от названий кавказских народов — *армян* (например, *Армянская слободка*, *Армянское кладбище*) и *грузин* (например, *Большая Грузинская улица*, *Малая Грузинская улица*, *Поперечно-Грузинская улица* и деревня *Грузинка* в Зеленодольском р-не).

С середины XVI века историческая судьба населения Татарии неразрывно связана с историей России, ставшей к этому времени мощным централизованным многонациональным государством. Со второй половины XVI века в топонимии Казанского края появляется русский пласт и в том числе этнопонимы и микропонимы, связанные с этнонимом *урис* (рус.). Этноним *урис* в качестве определения употребляется в составе названий многих русских населенных пунктов Татарии и выполняет функцию различения их от одноименных татарских, чувашских и других сел и деревень (например, *Урис Танае* — Русское Танаево и *Татар Танае* — Татарское Танаево в Зеленодольском р-не, *Урис Сарыкамышы* — Русский Сарыкамыш и *Чуваш Сарыкамышы* — Чувашский Сарыкамыш в Буинском р-не и т. д.). В некоторых татарских населенных пунктах ТАССР имеются микропонимы, оформленные с участием этнонима *урис*; например, *Урис Булгә* — Русский Буляк — название леса у с. Тайсуган Альметьевского р-на, *Урис урамы* — Русская улица в с. Варзи Агрызского р-на, *Урис үлгән тау* — букв. 'Гора, где умер русский' у с. Куюк Куйбышевского р-на и т. д.

В топонимии Татарии этнопонимы и микропонимы служат также для обозначения географических объектов, относящихся к следующим топонимическим классам:

1) **реки и озера, болота** и т. д. (этногидронимы): *Берсут*, *Бортас* — реки, *Муکش куле* — Мокшинское озеро, *Чирмеш сазы* — Черемисское болото, *Ар чиймәсе* — Арский родник и т. д.;

2) **горы, овраги, уголья** и т. д. (этнооронимы): *Чуваш тавы* — Чувашская гора, *Нугай тавы* — Ногайская гора, *Тажик чокыры* — Тезицкий овраг, *Чирмеш кыры* — Черемисское поле, *Ар балыннары* — Арские луга и т. д.;

3) **населенные пункты** (этноойконимы): города: *Болгар*, *Сувар*, *Биләр* и др.; села: *Байлар*, *Дуван*, *Тазлар*, *Табын*, *Тамьян*, *Муکشы*, *Төркән*, *Төрөк-Тәмте*, *Чуваш иле*, *Биер*, *Арбашы* и т. д.;

4) **улицы, переулки, площади, кладбища, базары** и т. д. (этномикропонимы): *Грузин урамы* — Грузинская улица, *Мишәр урамы* — Мецкерская улица, *Еврей базары* — Еврейский рынок, *Кыргыз очы* — Киргизский конец, *Чирмеш зираты* — Черемисское кладбище, *Чуваш мазары* — Чувашское кладбище и т. д.;

5) **большие и малые дороги**: *Нугай юлы* — Ногайская дорога, *Чирмеш юлы* — Черемисская дорога и т. д.

Таким образом, исторически сложившиеся связи поволжских татар как с соседними, так и с другими племенами, народностями и народами нашли непосредственное отражение в этнопонимах и этномикропонимах Татарии.

Данные этнотопонимии показывают, что этнический состав населения Татарии и, в частности, родоплеменной состав поволжских татар в прошлом был довольно сложным, что подтверждает следующее мнение историков: «... Не монголо-татары, основатели Золотой Орды, составили основу современного татарского народа. Исходный момент его образования — это, помимо давнишних аборигенов Среднего Поволжья и Приуралья, пришельцы из степных пространств, особенно же тюркоязычные булгарские племена, с которыми смешались другие тюркские племена, прибывшие на Среднюю Волгу в разное время: хазары, печенеги и, особенно, кыпчаки. Некоторая помесь монголо-татарских этнических элементов не „пошатнула“ уже сложившейся тюркской основы народности, складывавшейся в Среднем Поволжье» (48, 47).

Результаты исследования этнотопонимов и этномикротопонимов Татарии, безусловно, имеют определенное значение и в деле дальнейшего изучения проблемы происхождения всех тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья, так как «до сих пор происхождение ни одного из известных современных тюркоязычных народов края не может считаться окончательно решенным» (41, 7).

ЛИТЕРАТУРА

1. В. П. Алексеев. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных кримиологии. — В сб.: «Вопросы этногенеза народов Среднего Поволжья». Казань, 1971.
2. А. Ш. Афлетунов. Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР. Автореф. канд. дисс. Казань, 1961.
3. Л. И. Баранникова. О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения. — «Язык и общество». Саратов, 1967.
4. Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
5. М. И. Боргояков. Хакасские этнонимы тюркского и нетюркского происхождения. — В сб.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Томск, 1969.
6. С. К. Бушмакин. Воршудные имена — микротопонимы удмуртов. — В сб.: «Этнонимы». М., 1970.
7. Т. М. Гарипов. Махмуд Кашгари и кыпчакские языки Урало-Поволжья. — «Советская тюркология», 1972, № 1.
8. А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870.
9. Ф. И. Гордеев. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке. — В сб.: «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1967.
10. Б. Д. Греков, Н. Ф. Калинин. Булгарское государство до монгольского завоевания. — В сб.: «Материалы по истории Татарии», вып. I. Казань, 1948.
11. «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
12. Д. Е. Еремеев. К семантике тюркской этнонимии. — В сб.: «Этнонимы». М., 1970.
13. М. З. Закиев. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан, 1977.
14. Ю. А. Зуев. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам. — «Труды Института истории и археологии при АН Казахской ССР», т. 15, 1962.
15. И. А. Износков. Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием. Казань, 1885.
16. И. А. Износков. Список населенных мест Казанской губернии с кратким их описанием. Лаишевский уезд. Вып. II. Казань, 1895.
17. «История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней)». Казань, 1968.
18. В. А. Кельмаков. Происхождение и первое упоминание этнонима ар. — В сб.: «Этнонимы». М., 1970.
19. Г. Е. Корнилов. К вопросу об участии отдельных башкирских родов в этногенезе смежных с ними народов. — В сб.: «Археология и этнография Башкирии», т. IV. Уфа, 1971.
20. Д. А. Корсаков. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. Казань, 1908.
21. Р. Г. Кузеев. Этнический состав, история расселения и происхождения башкирского народа. Автореф. докт. дисс. М., 1971.
22. Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.
23. В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена. Казань, 1905.

24. *Махмуд Кошгарий*. Туркий сузлар девони (Девону луғат-ит-турк). Уч томлик. I том. Тошкент, 1960.
25. *Н. Ф. Мокиин*. Этническая история мордвы. Саранск, 1977.
26. *В. А. Никонов*. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
27. *В. А. Никонов*. Нерешенные вопросы ономастики Поволжья. — В сб.: «Ономастика Поволжья». Ульяновск, 1969.
28. *А. И. Попов*. Названия народов СССР. Л., 1973.
29. «Предисловие к спискам населенных мест Вятской губернии». СПб., 1876.
30. «Русско-марийский словарь». М., 1966.
31. *Г. А. Сенеев*. Топонимические и родовые названия восточных марийцев как историко-этнографический источник. — В сб.: «Вопросы финно-угроведения», вып. V. Йошкар-Ола, 1970.
32. *И. Н. Смирнов*. Вотяки. — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при КГУ», вып. II, т. VIII. Казань, 1890.
33. *A. Sprenger*. Masûdis Historical encyclopaedia, V, I. London, 1841.
34. «Татарско-русский словарь». М., 1966.
35. «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967.
36. *Т. И. Тепляшина*. К вопросу этнонима *пор*. — В сб.: «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1967.
37. *В. Токмаков*. Сборник и указатель документов и рукописей, относящихся к Казанской губернии и хранящихся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и его библиотеке. Казань, 1890.
38. *А. Н. Усманов*. Формирование и развитие башкирской народности. — «Итоговая научная сессия Института истории, языка и литературы БФАН СССР за 1967 год». Уфа, 1968.
39. *G. Feher*. Die Petschenegen und ungarischen Hunnensagen. Kőrösi Csoma-Archivum. Budapest, 1921.
40. *Б. Х. Хаков*. Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше. Казан, 1972.
41. *А. Х. Халиков*. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. — В сб.: «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971.
42. *А. Х. Халиков*. Мордовское и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии. — «Этногенез мордовского народа (материалы научной сессии 8—10 декабря 1964 года)». Саранск, 1965.
43. *А. Х. Халиков*. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья. — В сб.: «Археология и этнография Башкирии», т. IV. Уфа, 1971.
44. *А. Х. Халиков*. Татар халкының килеп чыгышы. Казан, 1974.
45. *Е. И. Чернышев*. Селения Казанского ханства. — В сб.: «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971.
46. *Ф. Энгельс*. Франкский диалект. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 19. М., 1961.
47. *И. Эрдели*. Теории венгерских ученых о поволжском происхождении древних венгров. — В сб.: «Археология и этнография Башкирии», т. IV. Уфа, 1971.
48. *Б. Х. Юлдашбаев*. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972.
49. *Г. В. Юсупов*. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар. — В сб.: «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971.

В. А. БУШАКОВ

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ НАЗВАНИИ АСКАНИИ-НОВА — «ЧАПЛИ»

В 1828 году в таврической степи на месте сторожевого поста Большие Чапли была основана колония герцога Ангальт-Кетенского, названная в 1832 году «Аскания-Нова», в память об утраченном в средние века предками герцога графстве Аскания в Германии (24, 25 и сл.; 9; 10, 7).

Большие Чапли представляли собой казарму с несколькими стражниками, расположенную на склоне пода Большие Чапли, от которого пост и получил свое название (24, 29; 9). Аскания-Нова долго сохраняла за собой названия «Чапли» и «Ангальт-Кетен». В официальных документах параллельно употреблялись все три названия.

Поды являются наиболее характерными элементами рельефа Левобережно-Нижнеднепровской равнины, и прежде, когда степь еще не была распаханна, по неглубоким ложинам талые и дождевые воды стекали в них, образуя озера (22, 169—170; 1, 106—107). На карте Новороссийской губернии, составленной в 1779 году Иваном Исленьевым (см.: 23), под Большие Чапли показан как озеро Юлкан-Чуплы. К юго-западу от пода Большие Чапли лежит под Малые Чапли, а северо-западнее — под Черные Чапли.

Северное Причерноморье до переселения сюда украинцев и русских занимали ногайские татары (20; 16; 8, 63—65), от которых пришлое население заимствовало местную тюркскую топонимику. Название «Чапли» органически входит в широкий тюркский топонимический ареал и находит свое объяснение в тюркских языках. В названии «Юлкан-Чуплы» на карте И. Исленьева «Большие Чаплы» (17, 124) и «Gross Tscharlû» (25, 70) русское прилагательное *большой* и немецкое *gross* 'большой' передают значение тюркского *юлкан*, ср. ног. *уьйкен*, кирг. *үлкөн*, башк. *өлкән* и др. Гласный первого слога в названии «Чаплы»/«Чапли» должен был быть лабиализованным, на что указывает его передача на карте И. Исленьева через *у*. Буквой *у* передан тюркский [ö] и в ойкониме Тугарек (Владимировка) «при Сиваше» (18, 47), ср. ног. *товгерек*, карач.-балк. *тёгерек*, кирг. *төгөрөк* 'круг, круглый'. Если еще принять во внимание двойное написание Tscharpli/Scharpli у А. Дрюке (24, 21—22), то названию подов должно соответствовать ног. *шоьпли* 'сорный, засоренный', тур. *şöplü* 'смешанный с соломой, засоренный', кирг. *чөптүү* 'поросший травой'. Эти прилагательные образованы от ног. *шоьп* 'ствол растения, соринка', тур. *şöp* 'соломинка, мусор', кирг. *чөп* 'трава, сено', ср. также башк. *сүп* 'соринка', карач.-балк. *чёб* 'травинка, соломинка', кум. *чөп* 'сор, мусор'.

М. С. Шалыт, наблюдавший затопление пода Большие Чапли в 1927—1928 годах, детально описывает падение уровня воды в образовав-

шемся огромном озере и его постепенное зарастание (22, 165—169). За весну и лето озеро заросло густой водной растительностью, и только в его центральной части сохранялась открытая вода. Само описание пода и приложенные фотографии показывают, что характерной особенностью образовавшегося озера явилось почти полное его зарастание по причине мелководья. Вышесказанное подтверждает достоверность сопоставления топонима «Чаплы»/«Чапли» с ногайским *шопли* и позволяет перевести его как «Сорное» или «Заросшее (озеро)».

К. Дубняк (6) пытался произвести название Чапли от несуществующего украинского апеллятива **чапля* 'сковорода; стелное блюдо, под', ссылаясь при этом на В. П. Семенова-Тян-Шанского, который писал: «Мелкие, круглые, плоские на дне выдолбины на равнинах известны под именем блюдец, иначе „подов“, „падов“ или „чапель“» (15, 26). В. П. Семенов-Тян-Шанский, вероятно, ошибочно принял собственные названия «Чапли» за множественное число апеллятива со значением «под». В словаре Б. Д. Гринченко (4) наряду с формой *чаплія* 'сковородник', которую К. Дубняк посчитал производной от **чапля* 'сковорода', приводится еще вариант *чеплія* с тем же значением, который уже прямо можно связать с глаголом *чепляти* 'цеплять, зацеплять'. В. Даль включает русск. *чапельник, чаплик, чапля, чепела* 'сковородник' в одну словарную статью с глаголом *чапати, чапáть* 'трогать, брать, хватать, цапать' (5, 582). Слова **чапля* со значением «сковорода» просто не существует.

От глагола *чапати* происходит и название птицы *чапля* (5, 582). В романе Олеся Гончара «Таврия» (3, 155—156) атагас Мануйло рассказывает, как шедшие на поселение крестьяне из восставшего против помещика села Турбаи страдали от жажды в безводной степи и вдруг увидели цапель, которые указали на воду в поду. Под крестьяне в память о птицах называли «Чаплями», а основанное далее село — «Чаплинкой». Эта красивая легенда родилась в результате не столь уж редкого переосмысления иноязычного топонима (см.: 12, 129—134). Село «Чаплинка», ныне райцентр Херсонской области, расположено «при балке Чаплинке» (18, 44), по которой в настоящее время протекает впадающий в речку Каланчак ручей. В летнее время его русло сплошь зарастает болотными травами. Местное население называет село «Чаплинкой», в земских документах также писалось «Чаплинка». Этот ойконим, несомненно, следует производить от тюркского гидронима **Чаплы*, оформленного позднее славянским суффиксом *-нка*, а не от названия пода «Большие Чапли» (Большой Чапельский под), как утверждается в «Історії міст і сіл Української РСР» (7, 627—628).

Форме *Чаплы* фонетически точно соответствует тур. *çarlı* 'имеющий калибр, калиберный; огромный, большой' (21). *Юлкан-Чаплы* можно было бы перевести как «Большое (озеро)», ср. тур. *büyük çarlı* 'крупнокалиберный', однако в «Ногайско-русском словаре» (13) слова, аналогичного турецкому *çarlı*, не отмечено. Существование топонима «Черные Чапли» также противоречит сопоставлению *Чаплы* и *çarlı*.

Переход **Шопли* [*шоплюь*]/*Şöplü* в *Чаплі*, а затем в *Чапли* можно объяснить отсутствием в украинском и русском языках звуков, близких к тюркским [ö] и [ü], но этот переход мог произойти и в тюркской языковой среде, на что указывает случай перехода ног. *суьйри* [*суьйруь*] 'продолговатый' в *сары* 'желтый'. Речка *Серогоз*, впадающая в под Гайман (Агайманский), лежащий к северо-востоку от пода Большие Чапли, носила ногайское название *Суьйри-Козь* (14, 59), но П. Кеппен ее называет *Ssary Göz*, давая при этом неточный перевод «Желтый Глаз (Gelb

Auge)» (25, 30). Ногайское *ковз*, кроме значения «глаз», имеет еще и значение «источник, ключ, родник».

Итак, в любом случае тюркский топоним *Чаплы* был переосмыслен в *Чапלי* «цапли» довольно поздно, и попытки его этимологизации на славянской почве в целом следует признать несостоятельными.

Левые притоки реки Самары (бассейн Днепра) Сухую *Чаплинку* показанную как *Czarlinka* еще в первой половине XVII века на карте Украины Г. Боплана (см.: 11), и *Чаплину*, а также *Чаплинку*, текущую в сторону Днепра ниже его левого притока Орели и называвшуюся прежде *Чаплынкой* (см.: 2), безбоязненно можно связать с тюркским *čöplü/šöplü*. О. С. Стрижак (19, 60) связывает гидронимы *Чаплинка*, левый рукав Днепра между рекой Рогачиком и рукавом Лепетихой, и правый и левый рукава Нижнего Днепра, с названием птицы или антропонимом *Чапля*. Такое одностороннее решение сомнительно, поскольку оно может иметь надежную основу лишь для ареала достаточно древней славянской топонимики, к которому относятся гидронимы *Чаплинка* и *Чапля* в бассейне Верхнего и Среднего Днепра.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Д. Бабич. Степной оазис Аскания-Нова (Характеристика природных условий региона). Харьков, 1960.
2. В. Вернадский. Путевые заметки о почвах бассейна р. Чаплынки Новомосковского уезда Екатеринославской губернии. — «Труды Императорского вольного экономического общества», 1889, № 3.
3. О. Гончар. Таврія. Перекоп. Київ, 1972.
4. Б. Д. Гринченко. Словарь української мови, т. IV. Київ, 1959.
5. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1956.
6. К. Дубняк. Про назви «Асканія-Нова» та «Чаплі». — «Вісник природознавства». Харків, 1928, № 3/4, стр. 113—114.
7. «Історія міст і сіл Української РСР. Херсонська область». Київ, 1972.
8. В. М. Кабузан. Заселение Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII—первой половине XIX века (1719—1858). Автореф. докт. дисс. М., 1969.
9. П. К. Козлов. Аскания-Нова в ее прошлом и настоящем. — «Русская старина», май 1914.
10. Е. В. Козлова. Аскания-Нова. Зоопарк в южно-русских степях. Пг., 1923.
11. В. Г. Лясковський. Иностранные карты и атласы XVI—XVII вв., относящиеся к Южной России. Киев, 1898.
12. В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965.
13. «Ногайско-русский словарь». М., 1962.
14. Є. С. Отін. Гідроніми Східної України. Київ—Донецьк, 1977.
15. В. П. Семенов-Тянь-Шанский. О географическом содержании топографических карт. — «Краеведение», 1927, № 1, стр. 21—30.
16. А. Скальковский. О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1843, № 11, стр. 105—130; № 12, стр. 147—190.
17. Я. Сководский. Хозяйственная топография Днепровского уезда. — «Листки Общества сельского хозяйства Южной России», 1839, № 2, стр. 116—124.
18. «Списки населенных мест Российской империи», т. XLI. Таврическая губерния. СПб., 1865.
19. О. С. Стрижак. Назви річок Запоріжжя і Херсонщини. Киев, 1967.
20. Тунмани. Крымское ханство. Симферополь, 1936.
21. «Турецко-русский словарь». М., 1977.
22. М. С. Шалит. Великий Чапельський під в Асканії-Нова та його рослинність року 1927—1928. — «Вісті Державного степового заповідника „Чаплі“ (к. Асканія-Нова)», 1928, т. VII, стр. 65—199.
23. Д. Эварницкий. Вольности запорожских казаков. СПб., 1898.
24. A. Drücke. Askania-Nova. Die Geschichte einer Kolonie Anhalts in Süd-Russland. Inaug.-Diss. Halle a/S, 1906.
25. P. V. Koepfen. Ueber einige Landes-Verhältnisse der Gegend zwischen dem Untern Dnjepr und dem Asow'schen Meere. — «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches», Bd. XI. St.-Petersburg, 1845, стр. 4—85.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Л. Г. ОФРОСИМОВА-СЕРОВА

ИСТОЧНИКИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГРУПП ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ МАТЕРИАЛОВ ЭТИХ СЛОВАРЕЙ

В настоящее время тюркское языкознание располагает рядом новейших этимологических словарей общих для всех тюркских языков (современных — словари М. Рясенена¹, Э. В. Севортяна², древних — словарь Дж. Клосона³) или отдельных из них (казахского⁴, чувашского⁵).

Оценка этих словарей в опубликованных в последнее время рецензиях и статьях⁶ показывает, что интерес к этимологическим исследованиям в тюркологии возрос. В планы многих научных коллективов и отдельных ученых уже теперь входит или планируется включение составления этимологических словарей отдельных тюркских языков.

Научный интерес представляют также этимологические словари региональных групп тюркских языков (кыпчакских, огузских и других), поскольку слова, принадлежащие отдельным регионам (так называемые внутригрупповые), составляют значительную часть тюркской лексики (в словник «Этимологического словаря тюркских языков» они включены не были).

В настоящее время важно не только оценить чисто лингвистическую сторону уже составленных словарей (что отчасти уже сделано в печати⁷), но и наметить практические меры, связанные с организацией работы по составлению этимологических словарей.

¹ M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

² Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974 (в дальнейшем — ЭСТЯ I); его же. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). М., 1978.

³ G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.

⁴ «Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі». Алматы, 1966.

⁵ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

⁶ См.: Л. С. Левитская. Новый вклад в чувашскую историческую лексикологию. — «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971; N. Porre. Рецензия [на кн. В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка]. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Bd. 119, Heft 1, Wiesbaden, 1969; P. Zieme. Рецензия [на кн. M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen]. — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung». Bd. 16, Heft 4, Berlin, 1970; A. M. Щербак. Рецензия [на кн. G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish]. — «Советская тюркология», 1972, № 6; Л. С. Левитская. Рецензия [на кн. M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen]. — В сб.: «Этимология. 1971». М., 1973.

⁷ G. Doerfer. Gedanken zur Gestaltung eines idealen Türkischen etymologischen Wörterbuchs. — «Orientalistische Literaturzeitung», 66. Jahrgang, № 9/10, Berlin, 1971; A. M. Щербак. Состояние работы и задачи составления этимологических словарей тюркских языков. — «Советская тюркология», 1975, № 4.

Весьма важным является выбор источников, на основе которых составляется тот или иной этимологический словарь (часть общего вопроса об источниках сравнительно-исторических исследований)⁸. От решения этого вопроса зависят направление предварительного накопления материала и характер сводной картотеки этимологического словаря. Задача данной статьи — представить в системе подготовительную работу к составлению этимологического словаря⁹.

Первой картотекой этимологического словаря региональных групп тюркских языков (как и всякого этимологического словаря) охвачены материалы тех из них, которые вошли в составляемый словарь. Вопрос о составе словника полностью зависит от задачи, поставленной перед собой авторами. Идеальным при подготовке картотеки словника этимологического словаря является метод выборки слов из разножанровых литературных текстов, фольклорных материалов, двуязычных и толковых словарей. Этот метод реально применим при составлении этимологического словаря одного тюркского языка. Однако для регионального словаря этот путь является неоправданно долгим. Поэтому в последнем случае целесообразнее картотеку словника составлять по существующим двуязычным и толковым словарям с привлечением лишь ограниченного числа разножанровых литературных текстов. Одновременно необходимо расписывать также существующие словари и монографии по диалектам и говорам исследуемых языков.

Из источников (расписываемых как для словника, так и для самого этимологического исследования) делается выборка различных фонетических разновидностей этимологизируемой основы. Кроме них в данном случае весьма важны также производные существительные, прилагательные, глаголы, и особенно имена со значением названия действия и признака, образованные по древним словообразовательным моделям (с аффиксами *-r/-r̥*, *-a/-ы* и др.). Положение о том, что выписывать следует все фонетические разновидности этимологизируемого слова, обычно не вызывает возражений. Однако при этом часто не принимаются во внимание и не учитываются однокоренные производные формы. Между тем последние играют существенную роль при разработке семасиологической части этимологии, а также способствуют раскрытию морфологического строения слова.

Так, глагол *оңурай* 'зять' (ЭСТЯ I, 462—463), представленный в киргизском, казахском, каракалпакском, башкирском и хакасском языках, является подражательным и имеет образное (мимеографическое) значение; он образован при помощи аффикса *-ай-*, часто встречающегося в подобных глаголах. Основа, к которой он приложен, дана в Словаре Л. Будагова в изолированном виде: *اونكور, اونكر* 'впадина среди равнины', 'пещера в горе' с пометой (чаг.) и *اونككور* (у) 'круглая зазубрина на ноже' с пометой (кир. = каз.) — [Будагов I, 150]. Основа эта представляет собой отглагольное существительное на *-р* от глагольного корня **оң-*. Однако эту этимологию нельзя было считать бесспорной, пока

⁸ См.: Э. В. Севортян. К источникам и методам пратюркских реконструкций. — «Вопросы языкознания», 1973, № 2; Э. Р. Тенишев. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков. — «Советская тюркология», 1973, № 5; А. М. Шербак. Состояние работы и задачи составления этимологических словарей тюркских языков, стр. 8—9; Л. В. Дмитриева. К этимологии некоторых названий растений в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1973, № 6, стр. 43.

⁹ В основу данной статьи положен доклад, сделанный на Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате (1976). Автор пользовался консультациями ныне покойного Э. В. Севортяна и других участников составления ЭСТЯ, за что выражает свою признательность.

не были обнаружены в тувинском языке производные формы, из которых вычленился тот же самый глагольный корень *оң-: оңғақ 'выемка', 'углубление', 'ямка', 'вогнутый', 'глубокий', 'зияющий'; оңғар 'яма', 'углубление' и оңғу 'окоп'.

Приведенный пример иллюстрирует и нижеследующий тезис. Этимологическое исследование следует проводить на максимально широком лексическом фоне. Этимологическое решение тем достовернее, чем больше привлечено для сравнения генетически общих основ с разным морфологическим строением и фонетическими вариантами. В советской сравнительно-исторической тюркологии сложилось мнение, что главное место в системе сравнительных материалов должно быть отведено данным современных литературных тюркских языков. Это делает необходимым расписывание словарей тюркских языков, не входящих в исследуемую региональную группу, что образует вторую составную часть общей картотеки (или вторую картотеку) регионального этимологического словаря. Э. В. Севортян материалы чувашского и якутского языков считал «справочными» для исследований сравнительно-исторического характера. В последние десятилетия к этим языкам, по его мнению, присоединился и тувинский; этот список мог быть пополнен также диалектами туркменского и турецкого языков, саларским и лобнорским языками¹⁰. В приведенном выше примере корневая часть исследуемого глагола оңурай- 'зиять' была доказана на материале тувинского языка, в котором самого исследуемого глагола оңурай- не оказалось.

На втором месте в числе сопоставительных материалов стоят показания диалектов и говоров современных тюркских языков, поскольку они сохраняют «более старые, подчас реликтовые состояния» языковых явлений. Читатели «Этимологического словаря тюркских языков» наглядно видят, что в нем часто этимологическому решению помогают данные диалектов турецкого (сохраняющих формы не только огузские, но и кыпчакские) и туркменского языков.

Таким образом, третья картотека — это картотека диалектных данных современных тюркских языков.

Важное значение для этимологических разработок имеют материалы письменных памятников. В первую очередь это относится к языкам, «располагающим непрерывными памятниками, начиная с XIV в.»¹¹ (среди тюркских языков таких, как известно, всего три — турецкий, азербайджанский и узбекский). Особая осторожность требуется при выводах хронологического характера. Такие выводы должны быть документированы четкими указаниями на соответствующие словари, памятники и специальные работы по этимологии, исторической лексикологии и словообразованию. Образцом квалифицированного решения вопроса о том, какая форма является старой, какая — более поздней, может служить словарная статья ЕКМЕК 'хлеб' (см. ЭСТЯ I, 254—257). Таким образом, четвертой картотекой должна быть историческая¹².

Ценным источником для этимологических разработок являются тюркские заимствования в древних и современных нетюркских языках, носители которых находились или находятся в длительном контакте с тюркскими народами. Тюркские заимствования в других языках до-

¹⁰ Э. В. Севортян. К источникам и методам пратюркских реконструкций, стр. 37.

¹¹ Там же, стр. 36.

¹² В тюркологической литературе высказывалось мнение о приоритете материалов памятников среди источников для этимологических исследований (см.: P. Zieme. Указ. рец., стр. 629; G. Doerfer. Gedanken zur Gestaltung eines idealen Türkischen etymologischen Wörterbuchs, стр. 444). Однако это положение уже было убедительно опровергнуто Э. В. Севортяном (см.: Э. В. Севортян. К источникам и методам пратюркских реконструкций).

вольно часто используются и М. Рясяненом в «Опыте этимологического словаря тюркских языков», и Э. В. Севортяном в «Этимологическом словаре тюркских языков». Правда, в печати высказывались разные мнения об использовании тюркских заимствований. Так, например, А. М. Щербак считает, что тюркизмы, обнаруживаемые в славянских, финно-угорских и других языках, лишь облегчают «выделение утраченных значений»¹³, в то время как И. Г. Добродомов полагает (и убедительно доказывает), что привлечение материала тюркских заимствований в славянских языках помогает «решать вопросы сравнительно-исторической фонетики тюркских языков»¹⁴. Обе точки зрения верны и должны быть учтены теми, кто занимается этимологическими изысканиями, поскольку каждая этимологическая разработка не может не включать в себя и историко-фонетическую, и семасиологическую части.

Таким образом, пятая картотека должна состоять из материалов по нетюркским языкам изучаемого региона — славянским, иранским, арабскому. Особенно широко велись и ведутся исследования в области тюрко-славянских языковых контактов (работы П. М. Мелиоранского, Ф. Е. Корша, Ф. Миклошича, М. Фасмера, К. Г. Менгеса и др.). В настоящее время невозможно работать над тюркскими этимологиями без использования «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В. И. Абиева (особенно для тюркских языков Кавказа), четырехтомного труда Г. Дёрфера «Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском»¹⁵.

Шестая картотека должна состоять из справочных изданий по тюркским языкам. Ее составляют материалы словарей В. В. Радлова, Л. Будагова, Э. Пекарского, Н. И. Ашмарина, Т. Ценкера, М. Рясянена, Э. В. Севортяна, Дж. Клосона, «Древнетюркского словаря» и многих других словарей и монографий. О данных Л. Будагова. Глагол ОҚТАЛ (ЭСТЯ I, 443) представлен в разных фонетических вариантах в казахском, ногайском, каракалпакском, уйгурском, узбекском, киргизском, татарском и башкирском языках в значениях «замахиваться (кулаком, оружием)», «угрожать», «направлять» и т. д. Аффикс *-(a)л-* — показатель медиальной формы глагола, *-t-* — непродуктивный аффикс отменного глаголообразования¹⁶, *оқ* — именной корень. Но основы **оқта-* в близком значении не оказалось ни в словарях современных тюркских языков, ни в памятниках (в словаре Махмуда Кашгари *оқта-* «пускать стрелу»¹⁷). И только в Словаре Л. Будагова был зафиксирован глагол *оқта-* со значением «нападать», «устремляться» и с указанием на башкирский язык. Таким образом, этимология глагола *оқтал-* оказалась доказанной.

Седьмую картотеку (или седьмое направление в предварительном накоплении материала) должны составлять существующие этимологии анализируемых основ. Критический обзор имеющихся толкований способствует разработке основной части всякой словарной статьи (этимологическому решению), позволяет либо согласиться с уже существующей этимологией, либо аргументированно предложить новую. Недо-

¹³ А. М. Щербак. Состояние работы и задачи составления этимологических словарей тюркских языков, стр. 9.

¹⁴ И. Г. Добродомов. Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков; статья первая — «Советская тюркология», 1971, № 2; статья вторая — «Советская тюркология», 1974, № 2.

¹⁵ G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, Bd. I — 1963, Bd. II — 1965, Bd. III — 1967, Bd. IV — 1975.

¹⁶ См.: A. Gabain. Altürkische Grammatik. Leipzig, 1950, § 102; C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, §§ 160, 161, 176.

¹⁷ См.: *Besim Atalay. Divanü lügat-it-Türk dizini. Endeks.* Ankara, 1943, стр. 431.

оценка значения библиографии заметно ограничивает возможности исследователя. (Приходится, например, сожалеть, что в «Опыте этимологического словаря тюркских языков» М. Рясенена нет библиографии).

В связи со сказанным хочется обратить внимание на одну из последних статей В. И. Абаева «К истории слов» (которая могла оказаться незамеченной)¹⁸, где, в частности, анализируется русск. слово *тамада*. Как известно, были попытки этимологизировать это слово и на тюркской почве (слово *тамада* в значении 'председатель колхоза' есть, например, в карачаево-балкарском языке)¹⁹. В. И. Абаев прослеживает историю слова на широком языковом материале, обращая особое внимание на его семантическое развитие, и доказывает, что «история слова может быть представлена в следующем виде: перс. *dāmād* 'зять, жених, ухажер' → тур. *damat* 'зять' → черкесские языки (адыгейский, кабардинский) *thāmadā*, *thamadā* 'тамада = руководитель праздника' и в черкесском диалекте кабардинского языка 'ухажер, жених' [по обычаю на Кавказе именно жених (и также молодой зять) обязан обслуживать приглашенных на празднество гостей, заниматься всей организацией праздника] → груз. *tamadā* 'руководитель праздника' → русск. *тамата* то же²⁰. Зная это исследование В. И. Абаева, заниматься словом *тамада* в историко-этимологическом плане можно теперь только имея какие-либо сверхубедительные факты (любопытно, что и в кавказских языках данное слово легко членится на два «своих» слова со значениями «бог» и «отец», но это также не дало аргументированной этимологии).

Ценным, хотя и вспомогательным, источником для этимологических разработок является ономастический материал. Особенно он важен для семасиологической части этимологии, поскольку переносные значения слов, зафиксированные в топонимике и антропонимии, помогают прояснению утраченных значений. Тюркская ономастика за последние десятилетия достигла значительных результатов²¹.

Большим подспорьем для этимологических исследований в тюркологии являются материалы справочного характера по фонетике, морфологии, лексике монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских языков — наиболее близких тюркским языкам среди алтайских.

Академик А. Н. Кононов на Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате (1976) отметил: «В сравнительно-исторической тюркологии без сопоставления с фактами других алтайских языков невозможно даже выдвижение рабочей гипотезы». И далее: «Сопоставление с фактами других алтайских языков в сравнительно-исторической тюркологии должно быть неперменным». Кроме известных ранее работ и словарей по этим языкам, в настоящее время появились «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (Л., т. I — 1975, т. II — 1977) и трехтомный «Историко-этимологический словарь венгерского языка»²².

¹⁸ V. I. Abaev. Contribution à l'histoire des mots. — «Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste», Paris, 1975, стр. 1—11.

¹⁹ См., например: М. Ш. Ширалиев. О несостоятельных этимологиях некоторых слов и алфавитов тюркских языков. — «Советская тюркология», 1975, № 1, стр. 88—89.

²⁰ V. I. Abaev. Упом. раб., стр. 10.

²¹ См., например, работы по тюркской топонимике в кн.: Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики. М., 1974.

²² «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára». Budapest, t. I — 1967, t. II — 1970, t. III — 1976. В печати уже была дана высокая оценка этому словарю, см., например: О. Н. Трубачев. Рецензия в сб.: «Этимология». М., 1973. Хочется подчеркнуть в этом словаре два положительных момента, особенно важных для этимологов (и для этимологов-тюркологов): 1) разработку с особой тщательностью вопроса заимствований и 2) точную датировку первой письменной фиксации слова.

Таким образом, сводная картотека этимологического словаря региональной группы тюркских языков должна, согласно уровню сегодняшнего развития тюркологии и смежных лингвистических областей, состоять из девяти частей и накопление материала для этимологического словаря следует осуществлять по этим девяти направлениям.

Важными вопросами при составлении этимологического словаря региональной группы тюркских языков остаются транскрипция (в которой необходимо учесть последние достижения сравнительно-исторической фонетики и фонологии) и оформление словарной статьи (ср. предельно краткую статью в «Опыте этимологического словаря тюркских языков» М. Рясенена и осложненную многими кодовыми обозначениями словарную статью в словаре Дж. Клосона).

Указатели в этимологических словарях должны быть тщательно продуманы, поскольку они облегчают пользование словарем и могут значительно расширить круг его читателей (ср. указатели к словарю М. Рясенена²³ и к этимологическому словарю Б. Коллиндера²⁴). В региональном этимологическом словаре желательно дать отдельные указатели форм по каждому языку исследуемой региональной группы.

Все приведенные выше практические вопросы составления этимологических словарей рассмотрены нами главным образом с точки зрения опыта работы над «Этимологическим словарем тюркских языков». Хотелось бы надеяться, что они окажутся полезными.

В заключение приведем схему сводной картотеки этимологического словаря региональной группы тюркских языков:

1. Картотека словника — материалы языков данной региональной группы — литературных языков, диалектов и говоров.
2. Картотека других современных литературных тюркских языков.
3. Картотека материалов диалектов и говоров современных тюркских языков.
4. Историческая картотека — материалы письменных памятников.
5. Картотека по нетюркским языкам изучаемого региона.
6. Картотека справочных изданий по тюркским языкам.
7. Картотека существующих этимологий анализируемых основ (или библиографий).
8. Картотека ономастического материала исследуемых языков.
9. Картотека материалов языков алтайской семьи — монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских.

²³ M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. II Wortregister, zusammengestellt von István Kecskeméti. Helsinki, 1971 [135 стр., по 3 колонки слов на странице, тюркские языки — стр. 5—85, монгольские — стр. 86—102, уральские — стр. 108—122, индоевропейские — стр. 123—132 и другие языки. — Л. О.-С.].

²⁴ B. Collinder. Fenno-ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm—Uppsala, 1955.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

З. А. АЛИЗАДЕ

СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Языковые стили, как известно, характеризуются совокупностью специфических признаков. Подобными специфическими признаками обладает и язык пословиц и поговорок, составляющих одну из разновидностей фразеологических сочетаний. Выявление синтактико-стилистических особенностей пословиц и поговорок позволяет обнаружить тенденции в развитии их структуры, потенциальных выразительных возможностей языка, грамматических позиций синтаксических конструкций, семантической последовательности в синтаксических параллелях, эмоционально-эстетических функций.

Известно, что в пословицах и поговорках находит лаконичное, образное отражение философское осмысление народом фактов реальной действительности. Слова В. И. Ленина «Бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений»¹ в полной мере могут быть отнесены и к пословицам и поговоркам.

Закрытые модели пословиц и поговорок обладают огромной семантической емкостью, выраженной в специфической для них синтактико-стилистической форме.

Отмечая недостаточность общепринятого в свое время подразделения грамматики на морфологию и синтаксис² для изучения структуры сложных синтаксических единиц, В. В. Виноградов писал: «Над всеми этими кругами и сферами грамматики воздвигается совсем неисследованная область стилистического синтаксиса, в центре которой лежит проблема строя сложных синтаксических единств...»³.

Словосочетание и предложение, как известно, представляют собой важнейшие синтаксические единицы. Однако пристального изучения заслуживает также группа самостоятельных взаимосвязанных в тексте предложений, образующих качественно новое синтаксическое целое. Поэтому объектом изучения становятся «способы и средства соединения

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5, т. 25. М., 1961, стр. 138.

² Г. А. Солганик. Синтаксическая стилистика. М., 1973, стр. 3.

³ В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, стр. 764.

в синтаксическое целое самостоятельных предложений, являющихся его компонентами⁴.

Поскольку термин «сложное синтаксическое целое» понятие весьма широкое, с самого начала оговоримся, что ниже под этим термином нами будут подразумеваться и описываться только прозаические строфы.

Сложное синтаксическое целое (прозаическая строфа) представляет собой большую по объему синтаксическую единицу текста, нежели предложение. Оно характеризуется единством смысла и структуры. Темы (микротемы) в прозаической строфе благодаря смысловой и синтаксической зависимости компонентов образуют относительную целостность.

Прозаические строфы характеризует также тенденция к выражению сложного содержания. Вместе с тем предложения, составляющие прозаическую строфу, формально синтаксически самостоятельны и связаны между собой значительно слабее, нежели компоненты обоих типов сложного предложения, особенно — сложноподчиненного. Однако это не препятствует объединению их в единое синтаксическое целое ни в смысловом, ни в структурном плане.

Структурно самостоятельные предложения в составе прозаической строфы объединяются при помощи связочных средств: анафорой, временами и видами глаголов, порядком слов в предложении, иногда — незавершенностью предложения и интонацией и т. д. Эти средства могут быть представлены в прозаической строфе и частично, однако наличие хотя бы одного из них обязательно. При научном описании прозаической строфы необходимо сочетание синтаксических и стилистических аспектов, что позволяет выявить художественное своеобразие языка произведения.

Синтаксическая стилистика, таким образом, изучает структуру языка с точки зрения ее синтаксических признаков⁵ в речевом потоке, ибо отдельное предложение, сохраняющее вне контекста свою грамматическую независимость, приобретает смысловую завершенность и экспрессивную окраску именно в контексте, вступая с последним в синтагматические и парадигматические отношения.

«Синтагматические отношения, — пишет И. И. Ковтунова, — устанавливаются между высказываниями, следующими друг за другом в речевой цепи. Синтагматическим рядом для высказываний является текст. Логически построенная речь характеризуется относительной теснотой синтагматических связей и односторонней направленностью... Односторонняя направленность синтагматической зависимости между высказываниями определяется характером речи, представляющей собой последовательное развертывание во времени звеньев речевой цепи»⁶.

Тема и рема каждого высказывания выражаются не самостоятельными лексическими единицами, а предложениями различного типа, представляющими собой закрытые модели. Одно из предложений в структуре сложного синтаксического целого выступает как тема, а по-

⁴ Н. С. Поспелов. Проблема слов синтаксического целого в современном русском языке. — «Ученые записки МГУ», 1948, вып. 137. Труды кафедры русского языка, кн. 2; С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969, стр. 153; Л. М. Лосева. К изучению межфразовой связи (Абзац и сложное синтаксическое целое). — «Русский язык в школе», 1967, № 1. М.

⁵ И. И. Ковтунова. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976, стр. 10, 12.

⁶ Там же, стр. 34.

следующие, являющиеся фразеологическими единицами, выражающими определенное понятие, направлены на пояснение этой темы.

Между предложениями, составляющими прозаическую строфу, могут существовать и парадигматические отношения. «Парадигматические отношения устанавливаются между высказываниями, объединенными общностью синтаксической структуры и формально различающимися взаиморасположением компонентов этой структуры или интонационным строем. Формальное различие между высказываниями, входящими в парадигму, связано с разным типом актуального членения, т. е. с разным синтаксическим наполнением темы и ремы»⁷.

Характер высказываний, составляющих сложное синтаксическое целое, определяет и положение парадигмы, которую образует конечное высказывание, выявляющее синтагматические отношения.

В прозаической строфе возможно одновременное существование условий для выражения и парадигматических, и синтаксических отношений. Например, ... *Халг бир аз мѧѧббат басламѧји, бир аз нифрѧт етмѧји бачармыр. Онун мѧѧббѧти дѧ, нифрѧти дѧ кѧчлѧ олур. Халг мѧѧббѧти сѧнѧткар ѧчун ѧр шејдир. Халгын бу сѧзѧ дѧ тѧсѧдѧфѧи дејилдир ки: «Дѧд ѧрымчыг ѧлиндѧн»*. (Ф. Эмиров «Ифачылыг, тѧлѧб-карлыг», журн. «Азѧрбајчан», 1968, № 1, стр. 188). 'Народ не умеет любить или ненавидеть наполовину. И любовь, и ненависть у него бывает всепоглощающей. Любовь народная — это всё для художника. И не случайно в народе бытует поговорка: «Зло в половинчатости (в недоученности)»'.

Выраженную в этой строфе мысль следует рассматривать в синтагматическом и парадигматическом аспектах. Семантическая значимость высказывания, его эмоциональность усиливаются приведенной поговоркой. Именно она способствует раскрытию и пояснению предшествующих мыслей, зависит от характера постепенно расширяющейся речевой цепи. Помимо этого, дойдя до поговорки, интонация повествования изменяется и усиливается и, таким образом, синтаксические единицы сочетаются на различных уровнях.

Пословицы и поговорки широко используются в качестве стилистических средств языка. Употребляемые в официально-деловом, художественно-изобразительном и разговорном языке, эти синтаксические единицы вносят разнообразные стилистические оттенки, способствуют индивидуализации речи и ее яркой образности. Здесь уместно привести слова поэта Расула Гамзатова: «В мои пресноватые рассказы для аромата, словно душистые травы в суп, я опускаю где одну, где две поговорки и пословицы. Девушки из аула Таилах ставят на подбородке ближе к краешкам губ две маленькие яркие точки. Пусть поговорки будут в моей прозе как эти точки на девичьем лице»⁸.

Пословицы и поговорки в составе сложного предложения могут выступать и в функции парентезы.

Расположение пословиц и поговорок в контексте создает стилистические оттенки. Рассмотрим характерные варианты использования пословиц и поговорок в прозаической строфе.

Первый случай — препозиция. Пословицы и поговорки, приведенные в начале прозаической строфы, выполняют ведущую роль: последующие синтаксические единицы служат дальнейшему раскрытию выражаемого ими содержания, а метафорическое значение их поясняется синтаксическими элементами номинативного значения. Например:

⁷ И. И. Ковтунова. Указ. раб., стр. 35—36.

⁸ Расул Гамзатов. Мой Дагестан. М., 1972, стр. 105.

Ичим өзүмү жандырыр, чөлүм өзкөни. Көнардан бахан ону көрүр ки, пул башымдан ашыр, гујулар бир-биринин далынча фантан вурур, мүлкларин кирајәсини јығыб-јығышдырмаг олмур; банкларда кәлири-ми һесаблајыб баша чыха билмирләр; арвад көзәл, охумуш; оғул кедиб, Петроградда университет гуртарыб, кәлиб. Һамы дејур: хошбәхтсән, Мазар-бәј! Даһа демирләр ки, мәнән бәдбәхт адам јохдур, евимин ичиндә јадам, јаддан да пис! (М. Ибраһимов «Көзәрән очаглар») 'Внутреннее жжет меня самого, а наружное — окружающих. Посторонние видят только то, что я купаюсь в деньгах, скважины одна вслед за другой фонтанируют, арендную плату с недвижимого я не успеваю собрать; в банках не справляются с оприходованием моих доходов; жена — красавица, образованная; сын, окончив в Петрограде университет, вернулся. Все говорят: счастливый ты, Мазар-бек! И никто не думает, что нет никого несчастнее меня, что я в своем доме — чужой, хуже чем чужой!'

Поговорка *ичим өзүмү жандырыр, чөлүм өзкөни* выражает основную мысль, заключенную в этой прозаической строфе. Далее исходное положение развивается посредством сочетания синтаксических единиц различной структуры. Жалобы сытого, самодовольного Мазар-бека полностью раскрывают его внутренний мир. Это достигается путем сочетания оттенков интонации перечисления (соединительного, разделительного, противопоставительного). Завершенность интонации перечисления на исходе периода обеспечивает интонационное ударение.

В данной прозаической строфе два дополнительных придаточных предложения. В первом из них при одном главном шесть своих придаточных предложений. Эти придаточные также различаются между собой по значимости составляющих их членов предложения. Таким образом, при одном главном — пять двусоставных простых распространенных предложений и одно неопределенно-личное односоставное. Во втором — при одном дополнительном придаточном предложении — три своих придаточных, из которых третье интенсифицировано эпифорическим употреблением слова *јад*.

Второй случай — интерпозиция. Здесь пословицы и поговорки употребляются в середине прозаической строфы и обладают различными стилистическими особенностями; часть из них сохраняет свою целостность, не меняет синтаксическую структуру и выступает в составе дееспричастных оборотов с *дејә* и *дејиб*, выполняя в предложении функцию обстоятельства образа действия и становясь в синтаксической структуре прозаической строфы нарентезой. В этом случае может быть использовано описание конструкций с вводными предложениями, данное Е. П. Седуном⁹. В другом случае пословицы и поговорки употребляются с целью создания соответствующего стилистико-синтаксического оттенка. Разрывая линейную структуру предложения, они произносятся с нисходящей интонацией и способствуют более эмоциональному выражению содержания предложения. Иногда пословицы и поговорки выполняют функцию локального пояснения, однако от синтаксических конструкций типа вводных предложений со свободным лексическим составом они отличаются замкнутостью своей модели.

По мнению С. А. Соколова, вводное предложение, сопровождающее и поясняющее основное, не имеет автономной интонации модальности

⁹ Е. П. Седун. Сложные конструкции с пояснительно-вводным предложением в современном русском языке. — «Филологические науки». 1959, № 1, стр. 111.

и выделяется нейтральной гармонией, подчиняющейся мелодическому движению основного предложения¹⁰.

Если в пословицах и поговорках не затронута структурная модель, то они могут выступать в предложениях различного типа в составе прозаических строф либо в качестве самостоятельных членов предложения, либо в числе компонентов того или иного члена.

По выражаемому значению, интонационной оформленности и занимаемой позиции пословицы и поговорки могут входить в особо сложные конструкции. Например: *О, Гасанзада хаггында нэ пис јаза билирди, нэ дэ хагигэти дежа чэсарэти чатырды. «Нечэ јазым ки, нэ шиш јансын, нэ кабаб?» — деја гэлэмини бармаглары арасында фырлада-фырлада тез-тез сых вэ узун кирпикләрини гырпыр, дағыныг фикрини нирсиндэн бир јерэ јыгышдыра билмирди* (Н. Аббасзаде «Кенерал») 'Он не мог писать о Гасанзаде плохо, но и не осмеливался сказать о нем правду. Думая: «Как же мне написать, чтобы и овцы были целы, и волки — сыты» (досл. «ни шомпол не сгорел, ни шашлык»), — он крутил между пальцами ручку, моргая густыми и длинными ресницами и раздраженно пытаюсь собраться с рассеявшимися мыслями'.

Поговорка *нэ шиш јансын, нэ кабаб* употреблена в функции обстоятельства образа действия со связкой *деја* в дополнительном придаточном предложении сложноподчиненного предложения, являющегося вторым предложением данной прозаической строфы и продолжающего мысль первого. Это второе предложение раскрывает внутренние переживания персонажа и придает колорит и семантическую емкость отрывку.

Следует заметить, что многие тюркологи, говоря о лексических единицах, приобретающих новое грамматическое качество в результате семантического развития слова, отмечают расширение функций связки *деја* и ее способность выступать то вместо союза, то в качестве вспомогательного слова, образуя придаточное предложение¹¹.

Пословицы и поговорки, употребляющиеся в середине прозаической строфы и выполняющие различные стилистические функции, могут без всякого ущерба для выражаемого ими смысла, выступать без одной-двух лексических единиц. Например: *Ата анаја бахды, ана атаја. Ана-нын көзләриндэ тэгичуб вэ һејрэтдэн башга, атаја гаршы бир иттиһам да охунурду. «Бујур, иллэр узуну экијини бич, гызы башлы-башлы бурахарсан, белэ олар!» Ата исэ бир гызыны, бир дэ оғланы сүздү кэлиб гызынын үзүндэн, оғланын алнындан өндү. Оғлан тез кишинин эллэрини гамарлајыб додагларына јанышдырды...* (М. Ибраһимов «Һекајэлэр») 'Отец и мать обменялись взглядами. Глаза матери, наряду с удивлением и недоумением, выражали укор отцу: «Вот, пожалуйста, пожинай то, что ты сеял в течение многих лет: предоставишь девушку самой себе — так и получится!». Отец внимательно посмотрел на дочь, затем на молодого человека, подойдя к ним, поцеловал дочь в щеку, а парня в лоб. Парень схватил его руки и прижал к своим губам...'

Выражение *экијини бич* 'пожни, что посеял' является эллиптической формой пословицы *нэ әкәрсән, ону бичәрсән* 'что посеешь, то и пожнешь'. Сокращение не помешало сохранить выражению семантическое ядро, более того, оно приобрело в контексте стилистический оттенок недовольства и иронии.

¹⁰ С. А. Соколов. Синтаксическая парентеза в сложном предложении. — «Советская тюркология», 1972, № 6, стр. 36.

¹¹ Н. З. Гаджиева. О двух источниках развития союзных сложных предложений в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 30—39.

Обратимся к предложениям с причастными и инфинитивными оборотами, образованными на основе поговорки: *јүз (мин) дэфә өлч, бир дэфә бич* 'сто (тысячу) раз отмерь, один раз отрежь':

а) *Бас көрәсән, 30 илә јахын торпагда чәнки-чидаја чыхыб јерин тәкиндән нефт чыхаран, чәтинликдән горхмајан, бәрк ајагда өзүнү итирмәјән, сакит-сакит јүз өлчүб бир бичән Гәриб кимини белә тәбдән чыхаран нәдир?* (Н. Надир «Базардан безар Гәриб», газета «Бақы» от 26 августа 1969 г.) 'Но что могло изменить натуру такого человека, как Гариб, около 30 лет в поединке с землей добывающего из ее недр нефть, не боящегося трудностей, не теряющегося в опасности, спокойно сто раз отмеряющего и один раз отрезающего?';

б) *Бөјүк ишләрдә сағлам шүбһә олмасы һәтта зәрури һалдыр—ахы јүз өлчүб бир бичмәк, ән хырда чәһәтләри нәзәрә алмағ кәрәкдир, әмәлијат елә ишләниб һазырланмалыдыр ки, тезликлә вә һөкмән гәлбә, анчағ гәлбә газанылсын* (Л. И. Брежнев «Хам торпағ») 'Здоровые сомнения в больших делах даже необходимы — надо ведь взвесить тысячи за и против, учесть все до мелочей, так разработать операцию, чтобы быстро и наверняка одержать победу, и только победу' (Л. И. Брежнев «Целина». М., 1978, стр. 30).

В каждой из этих двух прозаических строф изменение грамматических показателей *јүз дэфә өлч, бир дэфә бич* (при устойчивом сохранении содержания) не поколебало семантическую емкость первичной модели. В пункте «а» поговорка выступает в функции определения к дополнению, выраженному определительным словосочетанием первого типа (первым — начальным компонентом словосочетания), в пункте «б» она становится уже подлежащим, причем создающим синтаксический параллелизм в предложении.

Остановимся еще на одной разновидности: — *А һәлима бачы, — Саһиб муәллим күлдү, — јасин охумагла донуз дарыдан чыхсајды, дунја чохдан дүзәләрди. Ушағы чох дә нәрмәназик өјрәтмәјин, гојун бир аз дирибаш бөјүсүн, һәјатда елә чанаварлара раст кәләчәк ки, үзүјүмшағ көрсәләр, басыб дири-дири јејәрләр* (М. Ибраһимов «Пәрванә») '— Галима баджи, — засмеялся Сахиб-муаллим, — если бы молитвами можно было прогнать свиней с поля, мир давно бы стал совершенным. Не воспитывайте ребенка таким неженкой, пусть растет бойким, в жизни ему придется встретиться с такими волками, которые, узнав о его беззащитности, сожрут его заживо!'

В условном придаточном предложении, образованном поговоркой *јасин охумагла донуз дарыдан чыхсајды*, глагольная форма *чыхмаз* подверглась морфологическому изменению, а сама поговорка стала придаточной частью сложноподчиненного предложения, развивающей заключенную в этом предложении мысль, сохраняя в то же время свою метафоричность.

Иногда в одной синтаксической строфе используется несколько пословиц и поговорок, и каждая из них в предложении несет собственную семантическую нагрузку, будучи связанной с другими причинно-следственными отношениями. Например: *Әввәлә, әл-әлә верин. Сөзбир, дилбир олун. «Тәкләшән тәкәни чанавар апарар». Әлсиз-ајагсызлара һавадар чыхын. Мејданы Илјас бәј кими голузорлулара вермәјин. Аталар дејиб: «Итнән јолдаш ол, чомағыны әлдән гојма!» О ки галды сәрдарын идарәсинә, инди көрүрәм ки, орасыз кечинә билмәјәчәксиниз. «Илан улдуз көрмәсә, өлмәз». Илјас бәј дә еләдир. О гәдәр чиркли ишләри вар ки, сәрдар адыны ешидәндә өдү чатлајыр.* (М. Ибраһимов «Пәрванә») 'Прежде всего будьте дружны, едины в делах и помыслах.

«Одинокого козла уносит волк». Будьте опорой для слабых и беззащитных. Не отступайте перед такими насильниками, как Ильяс-бек. Помните пословицу: «Беря в попутчики собаку, не выпускай из рук палки». Что же касается канцелярии наместника, то вижу, что без нее вам не обойтись. «До тех пор змея не околет, пока не увидит звезду». Ильяс-бек тоже из таких. Столько у него грязных делишек, что при одном упоминании имени наместника его охватывает страх'.

Противопоставленность и последовательность предложений этого отрывка, в составе которого три поговорки, обуславливают динамическую связанность его синтаксических групп. Каждая из них включает компоненты, создающие синтаксический параллелизм. Интересна и грамматическая структура отрывка. Итог первым двум предложениям подводит третья пословица, мысль которой поясняется в последующем предложении. Хотя каждое из предложений-пословиц и самостоятельно, они находятся во взаимной логической зависимости: первая пословица оформлена как простое предложение; вторая (в структурном отношении) — сложноподчиненное предложение, выступающее в функции дополнительного придаточного (сложносочиненного предложения противительного характера); третья — логически развивающая и продолжающая мысль предыдущих предложений, оформлена как условное сложноподчиненное.

Использование на практике пословиц и поговорок в качестве членов предложения или включение их в состав синтаксических оборотов достигается посредством послелога *кими*, что опровергает мнение ряда лингвистов, отрицающих такую возможность. Приведем пример: *Казым күлүб деди: — Бас нечэ билдин бу гара лэлэшини, мэн «азагыг ашым, агрымаз башым» — дејәндә күлүрдүн. Билирсән, мәсәлдир «Ат тәпијинә ат дөзәр», бу саат башыны саламат сахламаг истәјирсән, башыны ашағы сал, кәсбкарлыгына гуришан, бу тифилләри сахла, вәсса-лам! Мән дүнја көрмүш адамам: «Јетим гызсан, бүзүл, јат! (Ј. В. Чәмәнзәминли «Ган ичиндә») 'Казым засмеялся и сказал: — Как же иначе, когда я говорил: «пусть будет плова немного — лишь бы не болела голова от забот», ты смеялась. Знаешь, говорят: «Удар лошадиного копыта может выдержать только лошадь». Теперь, если хочешь сохранить голову — склони ее пониже, трудись в бедности своей, расти этих малюток — вот и все. Я человек бывалый: «раз уж ты сирота, то спи, свернувшись калачиком»'.*

В этой прозаической строфе сочетаются три поговорки, дополняющие друг друга и составляющие ядро синтаксических параллелей. Каждая из них, сохраняя закрытой свою модель, приобрела индивидуальную стилистическую окраску, способствуя последовательному развитию основной мысли текста. Первая из поговорок употребляется в качестве прямого дополнения деепричастного оборота, выступающего во втором предложении в функции обстоятельства времени; вторая, выражающая обобщенное результирующее значение, выступает в качестве второго компонента — придаточного предложения (сложноподчиненного предложения с дополнительным придаточным); третья, введенная в пятое предложение, являющееся сложноподчиненным с придаточным причины, играет роль второго компонента — придаточного предложения, завершая синтаксический параллелизм и подводя итог содержанию прозаической строфы.

Иногда в составе одного сложного предложения прозаической строфы могут выступать две самостоятельные пословицы, способствующие

нагнетанию мысли писателя и усиливающие художественную выразительность всей строфы.

Как известно, художественный стиль отличается от других функциональных стилей своей явно выраженной эмоциональной окраской, метафоричностью и богатством используемых языковых средств. Наряду с другими художественными средствами писатель часто привлекает и синтаксические модели закрытого типа, вводя в текст одновременно несколько пословиц и поговорок, способных, безусловно, функционировать в изолированном виде, тем самым достигая необходимого художественного эффекта.

Третий случай — постпозиция. Пословицы и поговорки, заключающие строфу, также несут определенную семантическую нагрузку. В этом случае последовательно расположенные и дополняющие друг друга предложения образуют цепную синтаксическую связь, сообщающую высказанной мысли завершенность. Например: *Мән шоферлә кабинетә јанашы отуруб тәзә мәнзилә јола дүшәндә гәдим аталар сөзүнү хатырладам: «Дәрзијә дедиләр, көч, ијнәсини јахасына санчды»* (Г. Мөһди «Јералты чајлар дәнизә ахыр») 'Когда я уселся в кабину рядом с шофером, и мы поехали на новую квартиру, мне вспомнилась старая поговорка: «Портному сказали: „переезжай“, и он воткнул иголку в воротник рубашки»' (в этом заключались все его сборы).

Рассматриваемая прозаическая строфа по своему содержанию является закрытой, однако логически она членится. В результате противопоставления связных синтаксических групп, представляющих собой самостоятельные предложения, развиваемая мысль завершается итоговой структурной концовкой прозаической строфы, способствующей ее логическому и художественному восприятию.

Часто пословицы и поговорки вводятся в текст художественного произведения для создания необходимого юмористического эффекта. В этом случае пословицы и поговорки открывают новые семантические возможности языка, усиливая сатирическую окраску произведения. В азербайджанской литературе этим методом широко и мастерски пользовался выдающийся сатирик Дж. Мамедкулизаде.

В создании стилистико-синтаксического разнообразия большую роль играет изменение порядка слов. Как утверждает А. М. Пешковский, изменением порядка слов в предложении из пяти слов можно получить свыше ста вариантов значения этого предложения¹². Обычно порядок слов в пословицах и поговорках остается неизменным; в них нередко бывают внутренние рифмы, их образуют ритмические стопы, они состоят из неделимых синтаксических отрезков, строятся на основе параллелизма и т. д. Большей частью первичный вариант пословиц и поговорок стилистически нейтрален, то есть выражаемое им определенное метафорическое значение может быть применено к различным объектам. При инверсиях, носящих, как правило, контекстуальный характер, на первый план выступают различные семантические оттенки, тем самым достигается смысловое многообразие. Инверсия, таким образом, видоизменяет и варьирует содержание пословиц и поговорок.

Инверсия, носящая постоянный характер, встречается как в рифмующихся пословицах и поговорках, так и в структурных моделях прозаической формы.

¹² А. М. Пешковский. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.—Л., 1930, стр. 157.

Иногда в пословицах и поговорках значение слов первой их части, подобранных в угоду рифме и ритму, не несет никакой семантической нагрузки и весь смысл их выражается только второй половиной, например: *Айранындыр, шорундур, инди нэвбат корундур* досл. 'Айрана, шора (вид сыра), теперь настал черед слепого'.

Особенно широко и эффективно используются пословицы и поговорки в художественных произведениях, придавая их языку особую выразительность, яркую образность, лаконичность и афористичность.

Неограниченные возможности использования пословиц и поговорок в художественно-стилистических целях свидетельствуют об их исключительном значении для литературного языка, что делает необходимым дальнейшее углубленное исследование их лингвистических и семантико-стилистических особенностей.

Р. М. БИРЮКОВИЧ

СЕМАНТИКА И ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ

Аналитические конструкции в чулымско-тюркском языке, выражающие различные характеристики и особенности протекания глагольного действия, до сих пор специально не исследовались. А. П. Дульзон в систему времен чулымско-тюркского языка включил лишь некоторые из таких аналитических форм. Остальные формы функционально тождественные последним, к временным им отнесены не были. Поэтому представляется необходимым рассмотреть все существующие в чулымско-тюркском языке аналитические конструкции, определить их природу и закономерности функционирования.

Аналитические конструкции, состоящие из деепричастия и вспомогательного глагола, имеются во всех тюркских языках. Они квалифицируются учеными либо как видовые формы, либо как формы, выражающие способы глагольного действия.

Современной лингвистикой проблемы, связанные с формой выражения особенностей протекания глагольного действия и их семантикой, выделяются в особый раздел языкознания — аспектологию, включающую вопросы грамматической категории вида и способов глагольного действия (Aktionsart).

Анализ развития теории грамматической категории вида и способов глагольного действия дан в работах Ю. С. Маслова (21, 157—161), Б. А. Серебренникова (27, 12—27), А. И. Исаченко (15, 210—215), Н. С. Авиловой (1, 5—43; 259—270), Д. М. Насилова (24, 88—114) и др.

Мнения ученых о категории вида или видовых значений в тюркских языках расходятся. Одни из них признают их наличие (10, 140; 9, 195; 12, 190; 14, 218; 13, 106; 32, 11—12; 6, 176; 33, 181; 34, 4, 352; 2, 45; 36, 362—386; 37, 81—86; 35, 39—86; 18, 10—28), другие — отрицают (27, 29; 8, 116—172; 30, 206; 16, 117—136; 25, 23; 24). В некоторых работах эти формы рассматриваются как «выражающие характер протекания действия» (17, 263—271; 29, 103; 28, 169; 31, 112, 115 и др.).

Мы придерживаемся точки зрения Б. А. Серебренникова, подчеркивающего необходимость систематического противопоставления в языке форм, конституирующих грамматическую категорию: «Вид как грамматическая категория, — пишет Б. А. Серебренников, — может существовать при следующих условиях: 1) Грамматическое оформление вида должно иметь тотальное распространение, т. е. проявляться во всех тех случаях, где по условиям возможно оформление вида. 2) Глаголы, регулярно получающие оформление вида, должны входить в коррелятивные пары с глаголами другого вида. 3) Вид должен быть такой струк-

турно оформленной категорией, которая выражала бы видовые различия, независимо от момента речи» (27, 28). В связи с тем, что в тюркских языках аффиксы, служащие выражению характеристики протекания действия (процесса), а также аналитические формы, используемые для этого, не отвечают указанным выше критериям, Б. А. Серебренников делает вывод об отсутствии категории вида в тюркских языках и наличии в них видовых классов.

Согласившись с этим мнением Б. А. Серебренникова, обратимся к рассмотрению аналитических конструкций в чулымско-тюркском языке и попытаемся определить их функциональный статус. В интересующем нас языке имеются следующие аналитические конструкции: 1) деепричастие на *-р* плюс вспомогательный глагол *ra:ɣ* 'идти'; 2) деепричастие на *-р* плюс вспомогательный глагол *saɪ* 'класть'; 3) деепричастие на *-р* плюс вспомогательный глагол *ys* 'посылать'; 4) деепричастие на *-р* плюс вспомогательный глагол *ʃat* 'лежать'; 5) деепричастие на *-р* плюс вспомогательный глагол *as* 'превышать'.

Формы со вспомогательными глаголами на *ys*- и *ʃat*- рассматриваются А. П. Дульзоном как временные. Так, форма *ruʒurysqaŋ* 'начала поспевать' определяется как форма прошедшего времени, а форма *ra:ɣystuq* '(он) пойдет' — как форма будущего совершенного времени, форма *ra:ɣjad'im* '(я) иду' квалифицируется как форма настоящего времени данного момента, а форма *ra:ɣjatqaŋ* '(он) шел' — как форма прошедшего времени данного момента (11, 114, 107, 118).

Формы же со вспомогательными глаголами *ra:ɣ* 'идти' и *saɪ* 'класть' не включены А. П. Дульзоном в систему времен. Конструкция с глаголом *as* 'превышать' не выделялась в ряду аналитических конструкций. Между тем основанием для отнесения приведенных выше примеров (*ruʒurysqaŋ*, *ra:ɣystuq*, *ra:ɣjad'im*, *ra:ɣjatqaŋ*) к временным формам служат специальные форманты категории времени. Последние могут присоединяться и к вспомогательным глаголам *ra:ɣ* 'идти', *saɪ* 'класть' и *as* 'превышать', выражая, подобно указанным выше формам, препозицию или постпозицию действия к моменту речи, то есть будущее или прошедшее время, например, *ʃi:p raɣaŋ* 'он съел', *ʃi:p saɣaŋ* 'он съел', *ʃi:p aʃaŋ* 'он съел', *ʃi:p raɣluq* 'он съест' и т. д.

Приведенные примеры (*ʃi:p raɣaŋ*, *ʃi:p saɣaŋ*, *ʃi:p aʃaŋ*) — синонимичны. Анализ семантической дифференциации этих форм будет дан ниже. Семантически более прозрачные формы — *roɣoɣuʃaŋ* '(он) начал сидеть', *roɣoɣ raɣaŋ* '(он) поседел', *tustap saɣaŋ* '(он) посолил', *tustap aʃaŋ* '(он) (сильно) посолил' характеризуют особенности протекания глагольного действия (процесса), то есть представляют собой либо формы категории вида, либо формы выражения способов глагольного действия. Однако отнесение их к видовым категориям вызывает сомнение, если учитывать упомянутые выше чисто языковые критерии, предложенные Б. А. Серебренниковым.

В рассматриваемых аналитических конструкциях вспомогательные глаголы представляют собой десемантизированные лексические единицы, однако, не доведенные до стадии полной их грамматикализации, подобно тому, как это наблюдается в германских языках, в которых вспомогательный глагол (как, например, в английском языке в *Continuous Aspect*; о выделении этой категории см. 20, 333—335) является лишь показателем лица, числа и времени и не привносит дополнительных значений в семантику основного глагола.

В аналитических конструкциях тюркских языков к лексическому значению основного глагола добавляются различные оттенки значений в плане модификации способа протекания действия [например, *ʃumurt*

ružurpıshan 'черемуха начала поспевать', qağayāt ruş rayan (<ruş rayan) 'черная смородина поспела']. Это указывает на то, что вспомогательный глагол обладает определенной семантикой.

В тюркских языках вспомогательный глагол в данных аналитических конструкциях не имеет чисто грамматического значения. Он также не передает того лексического значения, которое характерно для него в функции смыслового глагола, а выражает лишь семантические категориальные признаки. Под последними подразумеваются категории, названные А. И. Исаченко «характером глагольного действия» (15, 216) и заложенные в семантике глагольной основы. Большинство исследователей не делает различия между характером протекания глагольного действия, то есть «способами действия» (22, 53—80; 5), имеющим в славянских языках морфемное выражение, и характером действия, которое является компонентом лексического значения, то есть не обладающего формальным средством выражения. Правда, Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин отмечают «характеризованные» и «нехарактеризованные» способы действия, имея при этом в виду только формальные средства выражения способов действия (22, 53—80; 5, 14). Однако различие это обусловлено различием уровней абстракции словообразовательных и лексических средств.

Наличие высокой ступени лексической абстракции отмечают многие ученые. Так, И. Польдауф говорит о «линейности» характера действия, «проявляющейся в возможности образования совершенной формы» (26, 77—89; термин «линейность» обозначает категорию предельности/непредельности). Это же свойство, то есть косвенное проявление способности образовывать те или иные формы, отмечается и Ю. С. Масловым. Так, категория предельности/непредельности проявляет себя, как подчеркивает Ю. С. Маслов, через «явление видовой дефективности» (22, 7—34). Категория предельности/непредельности относится А. В. Бондарко и Л. Л. Буланиным к «высшим абстракциям». Они пишут: «Предельность — наличие внутреннего предела, которого достигает или к которому стремится действие. Этот предел предполагается самой природой, характером действия» (5, 28). Таким образом, упомянутые исследователи: А. И. Исаченко, И. Польдауф, Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин имеют в виду явление одного порядка — семантическую категорию, представляющую собой высокую ступень лексической абстракции, объединяющей классы глаголов и косвенно проявляющейся в словообразовательной способности глагола. Здесь подразумеваются не лексико-семантические разряды глаголов, а классы слов с более абстрактным значением, выражающих действие, либо протекающее во времени, либо дающее количественную характеристику. Попытка такой классификации сделана Е. Л. Кривченко на материале русских и немецких каузативных глаголов (19, 6—17).

Процессы, выражаемые глаголами, маркируются признаками, либо показывающими интенсивность, полноту, то есть «количество» действия, либо характеризующими время действия (протяженность, мгновенность). Таким образом, семантика глагольной основы такова, что позволяет выражать определенные модификации действия. Следовательно, характер действия определяется семантикой глагольной основы, содержащей семы времени или интенсивности.

Поскольку в тюркских языках исследование лексико-семантических разрядов находится только в стадии изучения, а работ, посвященных выделению классов слов с высшей лексической абстракцией, еще нет, то при анализе форм способов действия, выраженных аналитическими конструкциями, и для выявления категориальной релевантности семы, со-

хранящейся у десемантизированного глагола, которая определяет тот или иной способ протекания действия, — мы будем опираться на компонентный анализ. Объем статьи не позволяет рассмотреть здесь все аналитические конструкции чулымско-тюркского языка. Поэтому мы остановимся только на конструкциях, состоящих из соединительного деепричастия и вспомогательного глагола, позволяющих, как нам представляется, подойти к семантическому анализу аналитических конструкций в тюркских языках (на материале чулымско-тюркского языка) посредством анализа семантических признаков вспомогательного глагола.

Анализ аналитических конструкций начнем с синонимической пары на «-р + вспомогательный глагол раг- 'идти'» и «-р + вспомогательный глагол сал- 'класть'» наиболее сложных для разграничения и дифференциации их значений. С одной стороны, данные формы могут употребляться синонимично, с другой — в целом ряде случаев допустима только одна из них, например:

а) olar çangur yrlap raıannar (можно сказать: yrlap salıannar 'Они спели новую песню'; mın at münür raıam (можно сказать: münür salıam) 'Я сел (верхом) на лошадь'; mın ci: p raıam (можно сказать: mın ci: p salıam) 'Я съел';

б) sän ajıqang-ba? — ajıyp salıam 'Ты сказал? — Сказал' (форма ajıyp raıam — неграмматична); sän ežitke:ng? — äştep raıam 'Ты слышал? — Слышал' (форма äştep salıam — неграмматична); ünür raıam 'Я обрадовался' (форма ünür salıam — неграмматична).

И в той, и в другой группе примеров выражается значение завершенности. Это значение является тем общим признаком, на котором базируется синонимичность исследуемых конструкций. Однако для разграничения конструкций «-р + вспомогательный глагол раг- 'идти'» и «-р + вспомогательный глагол сал- 'класть'» существенными оказываются другие признаки.

Глагол раг- 'идти' относится к лексико-семантическому разряду глаголов движения. Движение предполагает изменение в пространстве и во времени. Этот абстрагированный признак («изменение») и является тем категориальным признаком, который сохраняет данный вспомогательный глагол. По отношению к субъекту действия (лица, предмета) движение может быть производимым или не производимым самим субъектом, то есть может быть зависящим, преднамеренным (произвольным) или независимым, непреднамеренным (непроизвольным). Кроме того, глаголы движения являются неопредельными. Однако неопредельные глаголы могут выражать «начинательную» предельность. Таким образом, у десемантизированного глагола раг- 'идти' имеются семы: а) изменения во времени, б) непроизвольности или произвольности действия (относительно субъекта действия), в) начинательной предельности.

Глагол сал- 'класть' — семантически предельный, каузативный глагол. Предельность означает стремление к какому-то пределу, что характеризует сему: результативность, завершенность. Каузирование какого-либо действия предполагает обязательное наличие признака преднамеренности (произвольности) действия, что является вторым семантическим признаком этого глагола. Таким образом, завершенность (результативность) и произвольность (преднамеренность) действия являются теми категориальными признаками, которые сохраняются у десемантизированного глагола сал- в аналитической конструкции: -р + сал-.

Эти семантические признаки предопределяют значения указанных конструкций. Для анализа значений рассматриваемых конструкций, в которых актуализируются выделенные семантические признаки, приведем таблицу возможных употреблений со вспомогательными глагола-

ми *paɾ-* и *sal-* (знак «—» означает отсутствие; выпадение звука *ɾ* в глаголе *paɾ-* 'идти' обусловлено диалектными различиями: в ниже-чул. звук *ɾ* сохраняется, в средне-чул. — выпадает; в форме деепричастия наблюдается тенденция редукции аффикса *-ur*; однако определенные закономерности при этом установить не удастся, так как весьма часто сокращенная и полная формы соединительного деепричастия употребляются факультативно одним и тем же лицом, например, *kõr paɾam* параллельно с *kõr paɾam* 'я видел').

Аналитические конструкции		Значение
-p + paɾ-	-p + sal-	
1. ot ke:p paɾan	—	'трава высохла'
äp ärgip paɾan	—	'дом стал старым'
ol ke:rep paɾan	—	'он постарел'
ol poroj paɾan	—	'он поседел'
puş paɾan	—	'поспела (ягода)'
aza:yum kõ:p paɾan	—	'нога опухла'
äp kõjep paɾan	—	'дом сгорел'
ürnüp parlyqum	—	'(я) обрадуюсь'
kün ärtip parlyq	—	'день пройдет'
te:stäm aɣyt paɾan	—	'тесто подошло (прокисло)'
öl parlyq	—	'(он) умрет'
qunup paɾan	—	'(он) полюбил'
paɟ paɾan	—	'(он) разбогател'
qar e:ɾ paɾan	—	'снег растаял'
2. qo:lun ke:s paɾan	—	'он руку порезал'
män angnap paɾam	—	'я упал'
myltyq at paɾan	—	'ружье выстрелило'
ke:roçqa pa:t paɾan	—	'старик утонул'
tärläp parlyqum	—	'вспотею'
čäl tüş vaɾan	—	'ветер подул'
pudaq cun paɾan	—	'ветка сломалась'
čäl ayaşty pük	—	
vaɾan	—	'ветер дерево согнул'
čyltys e:rep paɾan	—	'корень врос'
čymyçhy şyq paɾan	—	'прыщ выскочил'
e:žik aştıp paɾan	—	'дверь открылась'
körüp qoɣup	—	'он, увидев, испугался'
paɾan	—	
qar čap paɾan	—	'снег выпал'
3. či:p paɾam	či:p salɾam	'(я) съел'
ičip paɾabys	ičip salɾabys	'(мы) выпили'
as e:t paɾam	as e:t salɾam	'(я) еду́ приготовил'
qabaş parlyqum	qabaş sallyqum	'помогу'
qajnyt paɾam	qajnyt salɾam	'(я) вскипятил'
paɟlap paɾan	paɟlap salɾan	'(он) связал'
münüp paɾam	münüp salɾam	'(я) сел верхом'
yr lap paɾannar	yr lap salɾannar	'(они) спели'
tik parlyqum	tik sallyqum	'(я) сошью'
čurştıp paɾan	čurştup salɾan	'(он) снял (с огня)'
mün qos paɾan	mün qos salɾan	'(он) суп поставил (греть)'
o:duŋ sa:p paɾan	o:duŋ sa:p salɾan	'дрова положил'

Из таблицы видно, что в примерах под пунктами 1 и 2 в аналитической конструкции употребляется только вспомогательный глагол раг- 'идти'. Анализ примеров позволяет заключить, что в примерах под пунктом 1 у глагола раг- реализован первый из вышеназванных семантических признаков — изменение (состояния, переход одного состояния в другое). В примерах под пунктом 2 реализован второй семантический признак, свойственный глаголу раг- 'идти', — нецеленаправленный, непроизвольный процесс, не зависящий от (воли) лица, субъекта, предмета, с которым происходит этот процесс.

В этих двух значениях, как показывает таблица (составленная на материале наших полевых записей), конструкции на «-р + вспомогательный глагол раг-» и на «-р + вспомогательный глагол sal-» не коррелируют. Конструкция со вспомогательным глаголом sal- здесь не употребляется в связи с тем, что в этом глаголе может реализоваться только свойственный ему категориальный признак — целенаправленность, произвольность, — предполагающий обязательное наличие Агента, то есть субъект в этой конструкции является Агентом. В конструкции со вспомогательным глаголом раг- в этих значениях актуализируются семы — изменение и нецеленаправленность, произвольность, в силу чего субъект не выступает Агентом. Приведем еще два примера, особенно наглядно иллюстрирующих вышеизложенное: 1) ol ige qys tu:p salʔan 'Она родила двух девочек'; форма tu:p raʔan — неграмматична (заключение, сделанное исходя из замечаний информантов) и ige qys tu:p raʔan 'Две девочки родились'; 2) ol ɔl raʔan 'Он умер'; ol ɔl salʔan (последний пример неграмматичен).

В примерах под пунктом 3 анализируемые конструкции коррелируют. Это объясняется тем, что в этих примерах вспомогательный глагол раг- реализует сему — произвольность, целенаправленность, предполагающую субъект, являющийся Агентом, то есть то, что составляет семантический признак вспомогательного глагола sal-. В данном случае обе конструкции выступают в значении завершенности. Однако в конструкции со вспомогательным глаголом sal- имеется в виду завершенность в результате однофазисного действия (что содержится в семантике глагола sal- 'класть'), а в конструкции со вспомогательным глаголом раг- 'идти' выражается завершенность, предполагающая предшествующую длительность действия.

Справедливость подобной дифференциации этих конструкций в указанном значении может быть подтверждена тестированием: 1) ɕyduɣ salʔan '(Я) потерял' и *ɕyduɣ raʔan — неграмматично, так как терять на протяжении длительного времени нельзя (можно терять лишь многократно, а это уже сфера употребления одноактных предельных глаголов, каковым является sal-); 2) ɕanʔip salʔan 'Уколол (он)', *ɕanʔip raʔan (здесь второй вариант неграмматичен, так как «уколоть» не может сочетаться с длительным временем); 3) adaj moʔalaq ʔɣɣr raʔan 'Собака прогнала медведя' (она прогнала его в результате предшествующего длительного действия «лая»); *ʔɣɣr salʔan в данном контексте неупотребимо, так как эта форма может означать лишь «гавкнула», что не может повлечь за собой выраженного выше результата («прогнала»), поэтому информант констатирует факт неграмматичности последней из упомянутых конструкций в данном контексте; 4) aqotnuɣ tɨn tajʔudɣ suɣ raʔan 'Охотник вышел из глухой тайги'; употребление конструкции со вспомогательным глаголом раг- обусловлено реализацией значения завершенности в результате предшествующего длительного действия: охотник долго бродил и вышел из тайги. В этом контексте информант

указывает на невозможность употребления конструкции со вспомогательным глаголом *sal-*. Подобных примеров можно привести много.

Таким образом, конструкция «-*p* + вспомогательный глагол *rag-*» является формой выражения определенных способов протекания действия. Действие (процесс) может характеризоваться как изменяющееся во времени (то есть оно выражает изменение признака, качества, свойственного лицу, предмету). Это изменение признака, качества может быть произвольным и произвольным. При произвольном характере действия субъект всегда выступает как Агент, а действие при этом характеризуется как завершенное, в результате предшествующего длительного действия. При конструкции со вспомогательным глаголом *sal-* действие характеризуется как завершенное в результате однофазисного акта.

Конструкция со вспомогательным глаголом *us-* 'посылать' выражает в чулымско-тюркском языке способ протекания глагольного действия, характеризующий последнее как ингрессивное, то есть обозначающее достижение результата в самом процессе возникновения данного явления. Это значение обусловлено семантическими признаками, содержащимися в десемантизированном вспомогательном глаголе. Глагол *us-* 'посылать, послать' — однофазовый, предельный. А это способствует реализации семы достижения предела, завершенности действия (процесса). Кроме того, лексическая семантика глагола *us-* 'посылать' обозначает также начало действия. Следовательно, начало и завершенность (действия, процесса) являются теми семантическими признаками, которые сохраняются в лишенном лексического значения вспомогательном глаголе *us-*. (Вспомогательный глагол *us-* подвергается влиянию сингармонизма).

Примеры: *ke:repiskān* '(Он) начал стареть (постарел)', *čügürpiskān* '(Он) побегал', *qunpyryshan* '(Он) полюбил', *rajuptyryshan* '(Он) разбогател (начал богатеть)', *čaqšy čuptarypyshan* '(Он) хорошо зажил (начал хорошо жить)', *aγpyryshan* '(Он) заболел (начал болеть)', *adaγ ügürpiskān* 'Собака залаяла (начала лаять)', *atpyryshan* '(Он) застрелил' [подразумевается, что зверь еще живой, а если убит, то это обозначается конструкцией *at salyan* 'Он застрелил (убил)'], *tigipiskān* '(Он) начал шить' (*tik paγyan* 'сшил'), *sān piskā pazaq čörüpiskeng* 'Ты к нам опять начал ходить' (не ходил, а теперь зачастил), *či:piske:m* '(Я) начал есть' [*či:p paγyam* или *či:p salyam* '(Я) поел'], *pü:n čyly kūn čömä ke:pistik* 'Сегодня день теплый, вещи уже начали высыхать'.

Конструкция «-*p* + вспомогательный глагол *as-*» выражает значение интенсивности, полноты действия (процесса), например: *adaγ qoγ tutup ashan* 'Собака овцу схватила (до смерти)'; *mān qoγ tutup asham* 'Я схватил овцу' (информант пояснил: «Так не говорят, у тебя такой силы нет»). В данной конструкции трудность заключается в соотношении вспомогательного глагола *as-* с полнозначным глаголом. Чисто фонетически он соотносится с глаголом *as-* 'висеть', в лексической семантике которого признаки интенсивности и полноты действия отсутствуют. В то же время, имея дело с элементами морфологического уровня, характеризующимися высокой степенью абстракции, можно было бы предположить наличие в глаголе *as-* 'висеть' «потенциальных сем» (о термине и понятии см. 7, 87), привносимых в конструкцию в связи с переосмыслением лексического значения глагола *as-* 'висеть'. И все же, видимо, ближе к истине Е. И. Убрятова, высказавшая предположение, что глагол *aš-* означает «переваливать, преодолевать» и имеет в соседнем хакасском языке форму *as-* со значениями: 1) «превышать что-либо», 2) «повышаться, подниматься», 3) «обгонять, перегонять», 4) «осилить кого-ли-

бо» и др. (3). Следует только отметить, что чередование $\xi \sim s$ в ауслауте в чулымско-тюркском соблюдается четко: звук s в ауслауте встречается только в (контактирующем с кызылским диалектом хакасского языка) мелетском говоре чулымско-тюркского языка, в то время как вспомогательный глагол в форме $as-$ функционирует во всех говорах. Если допустить, что влияние хакасского языка в данном отношении сказалось на всех говорах, а это, видимо, вполне возможно, то, принимая во внимание наибольшие сходжения чулымско-тюркского с хакасским языком, можно предположить, что здесь мы имеем дело со вспомогательным глаголом $as-$, соотносящимся с полнозначным глаголом $as-$, который в функции вспомогательного глагола выражает значение «превышать что-либо», «осилить кого-либо», «обогнать кого-либо, что-либо». Анализ примеров употребления конструкции « $-p$ + вспомогательный глагол $as-$ » показывает, что во вспомогательном глаголе актуализируется каузативное значение глагола $as-$, содержащее сему преднамеренного, произвольного действия, производимого субъектом. Поэтому в рассматриваемой конструкции субъект всегда является Агентом, например, $uzur ashan$ '(Он) (глубоко) заснул', $qorqur asham$ '(Я) (сильно) испугался', $mān āp artap asham$ 'Я поджег дом', но * $āp artap asham$. (По поводу неграмматичности последнего предложения информант заметил: «У меня руки, ноги есть, а у дома нет, он сам себя поджечь не может»). Кроме того, глагол $as-$ реализует также значение интенсивности, полноты действия, например: $tustap salyan$ '(Он) посолил' — $tustap ashan$ '(Он) пересолил', $čānžip salyan$ '(Он) уколол' — $čānžip ashan$ '(Он) сильно уколол'. Следовательно, теми семантическими признаками, которые обуславливают значение конструкции « $-p$ + вспомогательный глагол $as-$ », являются: интенсивность, полнота действия, при котором субъект — Агент.

Конструкция со вспомогательным глаголом ot' - 'сидеть' (нижнечул.) выражает «медлительность выполняемого действия» (11, 110). Ср. подобное значение (наравне со значением длительности) у глагола $ytirmaq$ 'сидиться, сидеть' в узбекском языке (17, 266). В лексической семантике этого глагола отсутствует сема «медлительность выполняемого действия». Эта сема может быть привнесена в аналитическую конструкцию со вспомогательным глаголом ot' - на основе переосмысления лексического значения этого глагола. Неинтенсивность, «медленность» протекания действия является «потенциальной семой» глагола ot' - 'сидеть', реализующейся в силу определенных условий. О потенциальных семмах В. Г. Как пишет: «...Признаки объекта, имеющие второстепенное значение для общей идентификации, но сменяющие друг друга при восприятии его, в семантической структуре языкового элемента, обозначающего его, отражаются в виде потенциальных сем, дополняющих его основные дифференцирующие семы. Эти семы могут актуализироваться, выйти на передний план в зависимости от восприятия и осмысления объекта» (7, 87).

Потенциальная сема лексического значения глагола ot' - 'сидеть' обусловлена семантикой этого глагола: сидение предполагает отсутствие активности и некоторое бездействие, отсюда, видимо, и присущее аналитической конструкции с глаголом ot' - значение неинтенсивности, «медлительности» протекания действия: $parvot'im$ '(Я) иду (потихоньку)', $ažavot'im$ '(Я) мажу (потихоньку)', $qorquvot'im$ '(Я) побаиваюсь', $külövot'im$ '(Я) посмеиваюсь' (примеры А. П. Дульзона — 11, 110).

Конструкция со вспомогательным глаголом $jat-$ 'лежать' (нижнечул.) выражает способ глагольного действия, характеризующегося как длительное. Эту особенность протекания действия выражает лексиче-

ское значение стальных глаголов, содержащих сему длительности и не изменяющих своей интенсивности (21, 186).

В среднечулымском диалекте эта конструкция («-р + čat-») употребляется намного реже, чем в нижнечулымском. В первом из указанных диалектов она встречается только: 1) со стальными глаголами и 2) двумя глаголами движения *kāl-* 'приходить', *pač-* 'идти', причем, в стяженной форме *kāle:di* '(Он) идет', *pač:di* '(Он) уходит'. Семантически и формально конструкция «-р + čat-» связана со сферой настоящего времени. Формы с показателями прошедшего или будущего времени у данной конструкции, по нашим наблюдениям, в среднечулымском диалекте отсутствуют.

Контактность действия, выраженного рассматриваемой конструкцией, с моментом речи дает основание отнести форму «-р + вспомогательный глагол čat-» в среднечулымском диалекте к временной форме данного момента, обладающей семами: 1) времени и 2) способа действия.

В нижнечулымском диалекте конструкция «-р + вспомогательный глагол *jač-* 'лежать'» широко используется как в сфере настоящего, прошедшего, так и будущего времени. Показатели времени обладают свойством самостоятельного формального выражения, что может служить основанием для отнесения анализируемой конструкции в нижнечулымском диалекте к формам, выражающим способ протекания глагольного действия. Примеры:

а) среднечул. формы: *uzur ča:dy* '(Он) спит', *röktür ča:dy* '(Он) думает', *köger ča:dy* 'зеленеет', *či:čady* 'лежит', *o:lur ča:dym* '(Я) сижу', *kāle:di* '(Он) идет', *pač:dy* '(Он) уходит';

б) нижнечул. формы: *pa:ɟja* (*pa:ɟadi*) 'Он идет', *je:p jadi* '(Он) ест', *pač jatqan* 'Он шел', *jet jatqan* 'Он ел', *pač jadur* 'Он будет идти', *jet jadur* 'Он будет есть'.

Таким образом, в аналитических конструкциях в качестве вспомогательных глаголов используются:

1) глаголы из группы стальных *jač-/čat-* 'лежать', *ot-* 'сидеть', в которых десемантизируется чисто лексическое значение пространственного положения предмета, а сохраняется более абстрактное значение длительности и медленного неинтенсивного совершения действия. Конструкции с этими глаголами выражают способ протекания глагольного действия, характеризуя его как длительное, неинтенсивное;

2) семантические каузативы: *sal-* 'класть', *us-* 'посылать', *as-* 'превышать'.

Поскольку каузирование какого-либо действия предполагает признак преднамеренности (произвольности) действия, то в этих глаголах содержится сема активности, то есть аналитические конструкции с рассматриваемыми вспомогательными глаголами обозначают действие, при котором субъект — производитель этого действия, или Агент. Будучи предельными, указанные глаголы содержат также сему фазисности. Эти релевантные признаки определяют способы протекания действия: ингрессивный, интенсивный, завершённый;

3) глагол движения *pač-* 'идти', сохраняющий от абстрактного лексического значения сему изменения (во времени), обозначает как произвольное, так и произвольное действие. Глагол *pač-* может актуализировать и тот, и другой признак. В первом случае конструкция со вспомогательным глаголом *pač-* выражает один способ действия: изменение состояния, произвольное действие, при котором субъект — не Агент; во втором случае реализуется другой признак и, следовательно, выражает-

ся другой способ, характеризующий протекание действия как завершенное в результате предшествующей его длительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. С. Авилова. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
2. Н. А. Баскаков. Диалект черневых татар (туба-кижи). М., 1966.
3. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул. Хакасско-русский словарь. М., 1953.
4. Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Т. II. Фонетика и морфология. Ч. I (Части речи и словообразование). М., 1952.
5. А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.
6. А. К. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935.
7. В. Г. Гак. К диалектике семантических отношений в языке. — В кн.: «Принципы и методы семантических исследований». М., 1976.
8. Ф. А. Ганиев. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1963.
9. Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
10. Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940.
11. А. П. Дульзон. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола. Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ, вып. VIII, 1960.
12. Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940.
13. Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
14. Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941.
15. А. И. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словесным. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.
16. Ш. Кибиров. К вопросу о видах глагола в тюркских языках (на материале уйгурского языка). — В кн.: «Исследования по уйгурскому языку», 1. Алма-Ата, 1965.
17. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского языка. М.—Л., 1960.
18. И. Г. Кошечая. Принципы формирования грамматического значения в английском языке. М., 1976.
19. Е. Л. Кривченко. К проблеме системной организации глаголов (на примере анализа двух лексико-семантических групп русского и немецкого языков). Автореф. канд. дисс. М., 1975.
20. Джон Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
21. Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — В кн.: «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959.
22. Ю. С. Маслов. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В кн.: «Вопросы общего языкознания». Л., 1965.
23. Д. М. Насилов. О способах выражения видовых значений в алтайских языках. — В кн.: «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971.
24. Д. М. Насилов. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках (в связи с проблемой глагольного вида). — В кн.: «Очерки по сравнительной грамматике алтайских языков». Л., 1978.
25. Н. Оралбаева. Аналитические формы глагола в современном казахском языке. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1971.
26. И. Польдауф. Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида. — В кн.: «Вопросы глагольного вида». М., 1962.
27. Б. А. Серебрянников. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.
28. Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. М., 1976 (б).
29. Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976 (а).
30. А. Н. Тихонов. Существует ли категория вида в тюркских языках. — В кн.: «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Материалы конференции. Самарканд, 1964.
31. Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977.
32. А. И. Харисов. Категория глагольных видов в башкирском языке. Уфа, 1944.
33. Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947.
34. Л. Н. Харитонов. Формы глагольного вида в якутском языке. М., 1960.
35. А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965 (б).
36. А. А. Юлдашев. Категория глагольного вида в башкирском языке. — В кн.: «Вопросы грамматического строя». М., 1965 (а).
37. А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения в башкирском языке. М., 1958.

М. Р. ФЕДОТОВ

ЗАМЕТКИ О ПЕРЕВОДЕ С ОДНОГО ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА НА ДРУГОЙ

(НА МАТЕРИАЛЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА)

За последние годы значительно интенсифицировался процесс взаимообогащения национальных литератур народов СССР. Дальнейшее его развитие выдвигает ряд проблем, одной из которых является разработка лингвистических аспектов художественного перевода с одного тюркского языка на другой.

Разработка теории такого перевода требует большой предварительной практической работы переводчиков, которая, на наш взгляд, должна найти ответ на вопрос о том, как и какими средствами можно передать в переводе родственные ядерные (корневые) структуры и грамматические аналогии при возможно полном сохранении художественных достоинств оригинала. При этом следует иметь в виду, что языковое родство может быть и близким, и дальним. Это весьма важное обстоятельство, ибо от него зависит выбор переводчиком определенного круга общих и специфических лингвистических средств для адекватной передачи конкретного текста. А это требует от переводчика соответствующей лингвистической подготовки, глубокого знания как языка-источника, так и языка-рецептора, не говоря уже об обязательном художественном таланте.

В данной статье мы остановимся на некоторых наблюдениях, сделанных нами в процессе ознакомления с практикой перевода временных форм чувашского глагола на дальнеродственный огузский¹ и относительно близкородственный кыпчакский² типы языков. В двух выбранных нами для анализа произведениях перевод с лингвистической точки зрения выполнен точно: фразы, конструкции, а также подавляющее большинство чувашских корневых слов нашли в них свое татарское или туарецкое равноценное соответствие.

1. **Настоящее время.** В чувашском языке настоящее время имеет лишь одну стандартную форму, однако круг выражаемых ею временных признаков довольно широк. Эта единственная форма образуется при помощи аффикса *-t-* (рефлекс глагола *tur-* 'находиться, быть, иметься, пребывать') плюс личные окончания глагола. В татарском и некоторых других кыпчакских языках основой настоящего времени является деепричастие на *-a* (*-ə*), к которому непосредственно примыкают личные аффиксы (поскольку глагол *tur-* в них отсутствует).

¹ N. Şelebi. Biler şehrinin felhi (çuvaş halk destanı). Çuvaşça metni veren ve Türkçeye çeviren: Dr. J. Benzing. — «Türk dili». Serie III, Sayı: 8—9, İstanbul, 1947 (далее — TD).

² К. Иванов. Нарспи. Төзетелгән икенче басма. Чуваш теленнән Шәрәф Мөддәрис тәржемәсе. Казан, 1958 (далее — Нарспи).

Ирех тăрать, тумланать,
Нарспи еҫе тытăнать:
Е пурçан сип илет те
Юрла-юрла тĕр тăвать...

Иртек тора, киеңә,
Күнлен эшкә бирә ул.
Я ефәк жеп ала да
Жырлы-жырлы чигә ул...

(Нарспи, 14)

‘Рано встает, одевается,
Нарспи приступает к работе:
Или берет шелковую нитку
И с песней вышивает’.

При переводе на тюркские языки огузской группы временные признаки чувашского презенса семантически конкретизируются, поскольку эти языки располагают для реализации чувашских временных признаков несколькими формами настоящего времени с соответствующими грамматическими показателями. Остановимся на выражаемых значениях глаголов настоящего времени в чувашском и турецком языках.

1 (а). Действия глаголов в обоих языках совпадают с моментом речи, и в силу этого в турецком употребляется настоящее I время (*şimdiki zaman*), образуемое прибавлением к основе глагола личных аффиксов³.

Примечание. В остальных языках огузской группы глагол *yığū* ‘ходить, идти’ деформировался: азерб. *-ır (-ir)*: *jaz-ır-am* ‘я пишу’, туркм. *-jaŋ (-jeŋ)*: *jaz-jaŋ-um id.*, гаг. *-är (-er)*: *al-är-um* ‘я беру’, *ver-er-im* ‘я даю’⁴.

Эпĕр ёнтĕ каятпăр
Сичĕ тинĕс леш енне

Biz şimdi gidiyoruz
Yedi deniz(in) öbür janna (TD, 133)

‘Мы сейчас улетаем
За семь морей’.

На совпадение действия глагола с моментом речи указывает чувашское слово *ёнтĕ* ~ тур. *şimdi* ‘сейчас, теперь, в настоящее время’.

Однако встречаются и исключения. В приводимом ниже примере сам контекст, казалось бы, выражает настоящее время, причем данного момента, и поэтому следовало бы употребить турецкую форму на *-yor*, но переводчик отнес действие чувашского глагола не к моменту речи, выбрав форму турецкого глагола настоящего времени на *-r* [см. об этом 2 (б)].

Халь эп сана калатпн

Hâlâ ben sana söylerim (TD, 130)

‘Я тебе сейчас скажу’.

1 (б). Действия чувашского и турецкого глаголов совершаются длительно в настоящем времени. В чувашском употребляется указанная стандартная форма, а в турецком — настоящее I время:

Савă Пулĕр хулинче
Пăлхар патши пурăнать.
Пур сĕрте те сар халăхĕ
Варман пекех курăнать.

Şu Biler şehrinde
Bulgar padişahı yaşıyor,
Her yerde de ordu halkı
Orman gibi görünüyor (TD, 128)

‘В этом городе Билярске
Живет болгарский народ.
И повсюду войска.
Подобные лесу, виднеются’.

1 (в). Действия чувашского и турецкого глаголов совершаются в настоящем времени. В этом случае чувашская стандартная форма пе-

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 223.

⁴ «Грамматика азербайджанского языка. Фонетика и морфология». Баку, 1971, стр. 136; «Грамматика туркменского языка. Фонетика и морфология». Ашхабад, 1970, стр. 272; Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 179—180.

редается турецким настоящим-будущим временем (*geniş zaman*), образуемым прибавлением к основе глагола *-r-* (при гласных основах), *-ar (-er)* (при согласных основах), *-ir (-ir)*, *-ur (-ür)* (при многосложных согласных основах)⁵:

Вупӑр пулса *пусать*, тет,
Сывӑракан сынсене;
Витӑр пелсе *тарать*, тет,
Малашнехи кунсене.

Тенӑрен тухса *каять*, тет,
Тенӑрен килсе *кӑрет*, тет,
Кунӑпеле *сыврать*, тет,
Сӑрӑпеле *сӑрет*, тет.

Albastı olup *bassar*, der,
Uyuyan adamları;
Kat'ıyan bilip *durur*, der,
Gelecekteki günleri.

Kapı sürmesiden *çıkır*, der,
Kapı eşiğinden *giler*, der,
Gündüzleri *uyur*, der,
Geceleri *yürür*, der⁶ (TD, 128—129).

‘Превратившись в упыря, душит (старуха-колдунья. — М. Ф.)
Спящих людей,
Насквозь знает
Будущие дни.

Вылетает через отдушник,
Возвращается через отдушник,
Целый день спит,
Целую ночь блуждает’.

2. Будущее время. 2 (а). Будущее категорическое время. В чувашском языке, в отличие от других тюркских языков, для выражения действия в будущем времени существует одна стандартная форма на *-ă (-ě)* < **-är* (**-ěr*), в том числе и для выражения будущего категорического времени, поскольку для него нет специального показателя. Тюркологи едины во мнении о том, что будущее категорическое время обозначает действие, которое совершится после момента речи, причем оно не имеет никаких связей с настоящим⁷. Будущее категорическое время чувашского языка в огузских и кыпчакских языках реализуется с помощью аффикса *-ačak (-äčäk)*, *-jačak (-jäčäk)*.

Глаголы в приводимых ниже примерах выражают действие не столько в предположительном, сколько в категорическом будущем времени, хотя они и представлены в форме стандартного будущего времени:

Ахӑр саман ситнӑ чух
Қаллах кунта *килӑпӑр*,
Ку хамӑрӑн сӑр-шыва
Хамӑр алла *илӑпӑр*.
Пирӑн ялсем, хуласем
Кунта пурте *пӑтӑсӑ*,
Хӑшӑ турӑ хушнине
Сӑплах сӑре *пӑтӑсӑ*.

Ahır zaman yettigi vakit
Yene buraya *geleceğiz*,
Bu bizim vatanı
Kendimiz ele alacağız.
Bizim köyler, şehirler
Burada hepsi *biçecek*,
Her biri Tanrı emrile
Şöyle yere *batacak* (TD, 133).

‘Ко времени светопредставления
Снова вернемся сюда.
Эту нашу родину
Возьмем в свои руки.
Наши деревни, города
Здесь будут разрушены.
Некоторые по велению бога
Погрузятся в землю’.

Обращает на себя внимание то, что глаголы 3-го лица множественного числа в данном фольклорном тексте принимают «показатель» будущего категорического времени *-ě* вместо литературного апокопирован-

⁵ А. Н. Кононов. Указ. раб., § 457, стр. 225.

⁶ Следует заметить, что тур. *der* и др.-тюрк. *tig* представляют собой причастия настоящего-будущего времени, выполняющие функцию модального слова.

⁷ А. Н. Кононов. Указ. раб., § 472, стр. 235.

ного варианта: *пѣтѣс—пѣтѣсѣ, путѣс—путѣсѣ, тухѣс—тухѣсѣ, юхѣс—юхѣсѣ, юлѣс—юлѣсѣ, пулѣс—пулѣсѣ*, передаваемого в турецком языке в форме будущего категорического времени на *-асақ (-esek)*, иначе говоря, тем самым образуется как бы будущее категорическое время.

Однако встречаются исключения из этого правила, когда чувашский показатель будущего категорического времени *-ѣ* в турецком передается настоящим-будущим на *-r*. Например:

Вѣсем пурте Пӱлере
Йӱвӱсенне кайӳсѣ.

Onlar hepsi Bilere
Yuvalarına gideler (TD, 131)

'Они все в Билярск
Полетят в свои гнезда'.

2 (б). Какой же чувашской временной формой передается предположительно-возможное или потенциально-возможное действие?

Для выражения подобных действий в других тюркских языках пользуются формой на *-r* [*-ar (-er), -yr (-ir), -ur (-ür)*].

Выше [1 (в)] указывалось, что чувашская стандартная форма настоящего времени на *-t* (<*tur-*) может передаваться турецким настоящим-будущим на *-r*. Точно также чувашская стандартная форма будущего времени на *-ӱ/-ӳ* (<**-är (*-ër)*) может выражать значение как будущего категорического [см. 2 (а)], так и некатегорического времени, то есть предположительно-возможное или потенциально-возможное действие глагола, отнесенное к будущему времени.

Вӱрҫса илес тесессӗн,
Пурте вилсе пӗтӗнӗр,
Тем лек чаплӑ ҫар ятне,
Намӑсна ҫех витӗнӗр.

Çarışmak almak arzu etsen,
Herimiz ölüp biteriz,
Oyle meşhur ordu adına
Yalnız utançla örteriz (TD, 128)

'Если же вздумать взять (город Билярск. — М. Ф.) с боем,
То все погибнем,
Имя преславного войска
Покроем лишь позором'.

Передача чувашских глаголов *пӗтӗнӗр, витӗнӗр, юлӗ, пулӗ* в данном контексте турецкими *biteriz, örteriz, kalır, olur* совершенно оправдана и диктуется предшествующими условными предложениями с глаголом-сказуемым чув. *-сан* и тур. *-sen*.

Кыпчакские же языки могут передавать чувашское будущее время на *-ӱ (-ӳ)* формой настоящего времени, поскольку последняя, наряду с обозначением действия в данный момент, может выражать и будущее действие, осуществление которого потенциально возможно. Учитывая это, автор татарского перевода поэмы «Нарспи» чувашское будущее время нередко передает татарским настоящим временем, соответствующим значению турецкого настоящего-будущего времени на *-r* [*-ar (-er), -ir (-ir), -ur (-ür)*]:

Вӱхӑчӗпе, ӗҫӗнӗр,
Вӱхӑчӗпе ӗҫлӗнӗр.
Килте ӗсме пулмасан,
Кӱршӗ патне кӗрӗнӗр.

Вакыты белән эшлибез,
Вакыты белән эчәбез.
Өйдә сыра булмаса,
Күршеләргә кәрәбез.

(Нарспи, 11)

'Временами попьём,
Временами поработаем.
Если дома не будет чего пить,
(То) зайдем к соседу'.

Однако в аналогичной контекстной ситуации чувашское будущее время на *-ӱ/-ӳ* передается, как правило, татарским будущим на *-р* [*-ар (-ar), -ыр (-yr), -ур (-ür)*]:

Тёттём пулĕ, каç пулĕ...
Тайшман чери лапланĕ...
Хёвел тухĕ, çутатĕ
Этем тарĕ айхăран.

Шэфэкь батар, кич булыр...
Тынар дошман йөрәге...
Кояш чыгар, актыртыр
Халык торыр авылда.
(Нарспи, 63)

‘Потемнеет, ночь наступит...
Сердце врага перестанет биться...
Рассветет, день начнется,
Проснется человек’.

3. Прошедшее время. 3 (а) прошедшее очевидное время является наиболее древней временной формой, образуемой с помощью аффикса *-ty (-ti)*, *-dy (-di)*, чув. *-tă (-tê) // -ră (-rê)* и представленной во всех тюркских языках.

Перевод данной формы чувашского прошедшего времени на другой тюркский язык, в том числе и на турецкий, не вызывает каких-либо затруднений ввиду единства их морфологических показателей:

Сар пуçлăхне лурне те
Пуçтарчĕ, тет, пĕр çĕре.

Ordu başlıklarını, hepsini
Topladı, der, bir yere (TD, 127)

‘Всех военачальников
Собрал в одно место’.

Уксах Тимĕре çавăн чух
Каларĕ, тет, пĕр пуçлăх

Aksak Timere bu vakit
Söyledi, der, bir başçı (TD, 128)

‘Тогда хромоу Тимуру
Сказал один начальник’.

Усрĕ, çитрĕ хĕр пулчĕ...
Упăшкине тупрамĕр.

Усеп жите, кыз булды...
Киявен дă таптык та...
(Нарспи, 22)

‘Подросла, невесткой стала...
Подыскали жениха’.

3 (б). Прошедшее неочевидное время в рассматриваемых нами тюркских языках образуется в основном с помощью трех показателей: в чувашском *-нă (-нĕ)*, огузских языках *-muş (-miş)*, кыпчакских *-gan (-gen)*, *-qan (-ken)*. Вот несколько примеров чувашско-турецких и чувашско-татарских соответствий:

Тем тарăнăш валсемпе
Йĕри-тавра çавăрнă.

Hangı derinlikteki hendeklerle
Etrafı çevrilmiş olduğunu (TD, 128)

‘Глубокими рвами
Окружены со всех сторон’.

Вăрттăн тимĕр хапхаран
Шыв кăларса туптарнă.

Gizlice demir kapıdan
Su getirip doldurmuşlar (TD, 128)

‘Тайно через железную дверь
Пропустили воду и наполнили’.

Нарспи тĕлĕк тĕлленет:
Ашшĕ йытă пулнă та...
Сижсе çурет вăрманта.

Менĕ Нарспи теш күрĕ:
Этисе эт булган да...
Чабып йĕри урманда
(Нарспи, 38)

‘Нарспи снится сон:
Ее отец стал псом.
Рыщет по лесу’.

Карташĕнче сын нумай —
Туйне курма килнĕ пек.

Йортта халык бик тă куп,
Туй курерге килген күк.
(Нарспи, 39)

‘На дворе народу много,
Пришел он смотреть свадьбу’.

3 (в). Преднастоящее, или недавнопрошедшее время образуется с помощью вспомогательного глагола *er-* ‘быть’. В чувашском языке оно

образуется путем присоединения к форме настоящего времени на *-t* [(*<tär-*) ~ др.-тюрк. *tür-*] так называемого недостаточного глагола, выражающегося аффиксом прошедшего очевидного времени глагола *er-*, который в процессе развития потерял корневую часть, сохранив лишь *t'ë*. В турецком языке данное время (определенный имперфект) образуется путем присоединения к форме настоящего времени на *-yor-* формы *-dı (-du)*, представляющей собой аффикс прошедшего времени глагола *er-* 'быть'. Например:

Кимё-суля ишетчё...
Ѕунатчёсё суртисем...

Gemi-solları yürüyordu... (TD, 134)
Yanıyordu mumlar... (TD, 134)

'Лодки, плоты плыли...'
'Горели свечи...'

Кёрё салам паратчё...

Güvey selâm veriyordu... (TD, 134)

'Зять приветствовал'.

Уләхсенче утисем
Кәвапаран үсетчёс.

Çaylarda otlar
Göbeğe yetişip büyüyordu (TD, 134)

'На лугах травы
Поднимались до пупка'.

Если турецкий перевод сохраняет множественное число чувашского глагола, выраженного аффиксом *-s'*- и стоящего после недостаточного глагола, то в этом случае турецкий *-lar-* вклинивается между формой настоящего времени и аффиксом *-dı (-du)*:

Ялтан яла сүрет-чё-с
Ташлаттарса упасем

Köyden köye yürüyor-lar-dı
Oynatarıp ayılar (TD, 134)

'Из деревни в деревню водили
Медведей, заставляя их плясать'.

РЕЦЕНЗИИ

Т. М. ГАРИПОВ. КЫПЧАКСКИЕ ЯЗЫКИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ ОПЫТ СИНХРОНИЧЕСКОЙ И ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ. ИЗД-ВО «НАУКА», М., 1979, 304 стр.

Каждый тюрколог, приступая к исследованию исторических отношений близких друг к другу языков, неизменно ставит перед собой вопрос: восходят ли данные языки к одному источнику (как, например, уйгурский и узбекский языки), или же их общие черты являются результатом существовавших между ними контактов (например, киргизский язык по отношению к казахскому)? Этот вопрос стоял и перед автором рецензируемой работы по отношению к башкирскому и татарскому языкам.

Т. М. Гарипов следующим образом формулирует цель своего исследования: «Настоящая работа посвящена монографической характеристике исторического развития кыпчакских языков Урало-Поволжья от древнейшего, засвидетельствованного письменными памятниками, состояния до современного функционирования в качестве национальных башкирского и татарского языков с их многочисленными диалектами и говорами, распространенными на обширной территории от Волги до Сибири» (стр.18).

Главная задача работы, по словам автора, состоит в том, чтобы «дать посильные ответы о причинах обособления урало-поволжской общности не только среди массива всех тюркских, но и внутри одной кыпчакской ветви языков; о природе структурной близости между башкирским и татарским — продиктована ли она факторами генетического порядка, т. е. идет ли от некоего единого языка-источника, дивергировавшего на самостоятельные диалекты, либо, напротив, в основе ее лежит типологически несходный материал, впоследствии сконвергировавшийся под воздействием тесного сосуществования, контактирования и взаимопроникновения» (там же).

В полном соответствии с поставленной задачей Т. М. Гарипов пользуется методикой синхронного исследования (в совокупности традиционных и новых приемов) тюркских языков урало-поволжского ареала с корректировкой на основе ретроспективных данных диахронического плана

старописьменных памятников и диалектологических разысканий. Таким образом, в своей работе автор сочетает ареальный метод исследований со сравнительно-историческим и факты живой речи башкирского и татарского языков изучаются им в сопоставлении с данными письменных памятников, относящихся к урало-поволжскому региону.

Благодаря многолетнему труду рабочая картотека ученого содержит богатый материал из словарей, грамматик и отдельных работ по башкирскому и татарскому языкам, а также выборочные сведения из литературных, научно-публицистических текстов (с 20-х годов текущего века) на обоих языках и различные данные по другим тюркским языкам и диалектам. Эта картотека состоит примерно из двадцати тысяч единиц. Такая солидная материальная база объективно гарантирует полноту и точность исследования и, несомненно, должна быть отнесена к основным достоинствам работы.

Наиболее полного и аналитичного освещения схождения и расхождений башкирского и татарского языков автор достиг на уровнях фонетики и лексики, менее исчерпывающего — на уровне грамматики (в основном словообразования). Это вполне естественное для тюркских языков положение признается и самим исследователем, подчеркивающим, что «в одних случаях сопоставляемых элементов на тех или иных уровнях структуры сравниваемых языков больше (фонетика, лексика), в других — меньше (грамматика, словообразование)» (стр. 35).

Особенно интересно и детально разработаны в исследовании согласные, что объясняется наибольшим числом расхождений между башкирским и татарским языками именно в области консонантизма.

Весьма удачным следует признать анализ автором биллабиальных *p, b*; дентальных *t, d*; сибиллянтов *s, z* и *h*.

Всестороннее сравнение начальных *p* и *b* в башкирском и татарском языках привело Т. М. Гарипова к вполне убедительному

заклучению об исконности *p-/b-*, по крайней мере, для группы кыпчакских языков. Такое же детальное исследование начальных *t* и *d* в изучаемых языках дало ему основание прийти к выводу, что *t* относится к явлениям древнейшим, а *d* — к более новым, тем самым констатируя восстановление симметрии системы.

Межзубные *θ, δ* — характерная черта башкирского языка. Вполне понятно, что им в работе было уделено большое внимание. В итоге автор пришел к заключению о реликтовом характере субституций *θ* и употреблении в живом языке другого члена пары *δ* (особенно на территории уральской части языкового ареала), а также о возможности возведения межзубных аллофонов *θ, δ* к сибилантному архетипу, вероятнее всего глухому.

Сравнительный анализ башкиро-татарского консонантизма убедил автора в «большом материальном сходстве кыпчакских языков Урало-Поволжья в области количественного и качественного состава согласных. Относительно же высокий процент расхождений последних (в среднем до 65% всего исконного консонантизма) свидетельствует о значительной пестроте тех племенных наречий и более мелких этнолингвистических образований, которые в разных пропорциях и смещениях положили начало самостоятельным башкирскому и татарскому языкам» (стр. 197).

Менее яркую картину сходств и различий башкирского и татарского языков обнаруживает вокализм. Однако обстоятельный анализ его показал превышение числа сходжений над количеством расхождений (в соотношении 6:4), что свидетельствует, по мнению автора, о глубокой древности исконно общего вокалического состояния рассматриваемых языков, а также о дальнейшем относительно самостоятельном фонетическом развитии каждого из них.

Меньше различий между башкирским и татарским языками имеется, как и следовало ожидать, в области морфологии, в которой эти различия настолько незначительны, что позволяют «констатировать отсутствие ощутимой разницы между морфологическими структурами двух названных языков» (стр. 255).

Наряду с фонетикой наиболее показательной, с точки зрения выявления сходств и различий между башкирским и татарским языками, является лексика, которая исследуется автором по специально разработанной методике путем выделения дифференциальных групп слов.

Составленный Т. М. Гариловым в процессе исследования «Башкирско-татарский структурно-сопоставительный словарь» включает три тысячи основ, подразделяемых им на следующие: 1) одинаковые слова, 2) разноморфемные слова, 3) коррелятивные слова, 4) спорадически совпадающие слова, 5) бинарно заимствованные слова.

Лексический анализ, потребовавший от исследователя большой предварительной

работы, убеждает в том, что около двух тысяч единиц составляют лексемы, идентичные для обоих языков, и примерно по соте слов в каждом языке имеют либо семантические, либо формальные различия. Это обстоятельство позволило автору сделать основной вывод о том, что вместе с установленными ранее типологическим сходством в сфере грамматики и системными соответствиями в области фонетики это (то есть словарные схождения. — Э. Т.) неопровержимо свидетельствует о едином для рассматриваемых языков источнике происхождения в далеком прошлом (тюркская языковая общность), а также об общем импульсе развития в сравнительно недавнюю эпоху (интенсивное кыпчакское этнолингвистическое воздействие).

Таким образом, исследование завершается вполне определенным ответом на поставленный выше вопрос.

В рецензируемой работе значительный интерес для читателя составляют: экскурсы в древнюю историю кыпчаков, статистические данные о современных кыпчакских народах, этимологии этнонимов, раскрытие дефиниций лингвистических и иных понятий и т. д. Облегчают пользование работой приложенные к ней подробные индексы.

Однако, по-видимому, не существует исследований, в которых бы полностью отсутствовали дискуссионные моменты и различного рода шероховатости. Не избежала их и данная работа. В теоретической лингвистике вопрос о заимствовании фонем решается положительно, хотя и неоднозначно, и об этом написано много работ. Тем не менее в рецензируемом исследовании критерий заимствования фонем четко не определен. С одной стороны, исследователь утверждает, что условием заимствования фонем является двукратное большинство половины населения, с другой же — высказывает такое конкретное замечание о мягком *l'*: «немногочисленность фактов, касающихся *l'*, не позволяет сделать выводы о его окончательном укоренении в урало-поволжских кыпчакских языках, а сфера распространения этой фонемы не выходит за пределы литературной речи и то в устах билингов» (стр. 101).

Иными словами, критерий «двуязычности половины народа» оказывается недостаточным: Это и на самом деле так: данный признак необходимо сочетать с другими социологическими и лингвистическими признаками (наличие фонемы у монолингов, участие ее в фонологических оппозициях заимствующего языка и т. д.).

Оперирование точно сформулированным критерием особенно важно для языков урало-поволжской группы: это позволило бы провести четкую грань между фонемами потенциально заимствуемыми и уже вошедшими в звуковую строй языка (ср. смягченные смычные в мишарском диалекте татарского языка).

Автор исследования делает вскользь интереснейшее замечание о центральноазиатском этническом (и языковом) компоненте в составе башкир и в их языке. Замечание осталось не раскрытым, хотя башкирский язык представляет для этого все возможности.

Давно уже замечено «странное» сравнительно с нормами, присущими западным тюркским языкам, «поведение» смычных *p, t, k, q* в окружении гласных и сонантов, наблюдаемое в группе белорецких говоров, у башкир-кайтаев. Оно очень напоминает «поведение» аналогичных согласных в тех же условиях в языках рунических и древнеуйгурских памятников, а также в современных саларском и сарыг-югурском языках. После выхода в свет работ Х. Г. Юсупова об асинхронном говоре башкирского языка на это явление обратил внимание еще С. Е. Малов, искавший ему объяснения. Разумеется, эта особенность башкирского языка нуждается в дальнейшем исследовании, однако уже теперь со всей определенностью можно сказать, что языки части башкирских племен испытали тот же сдвиг, что и языки, зафиксированные в древнетюркских памятниках. А это могло произойти лишь в том случае, если эти башкирские племена находились в тех же условиях, что и носители древнетюркских языков, и в территориальном соседстве друг с другом. Об этом свидетельствует и общий «сибирский облик» башкирского консонантизма. Если согласиться с этим, то необходимо будет признать, что первичная общность уралоповолжских языков хронологически была неоднородной, то есть идея единого языкоисточника, высказанная в работе, требует дальнейших уточнений.

Дифференциальные признаки фонем выходят за пределы артикуляционно-акусти-

ческих параметров, однако в данной работе фонемы анализируются лишь в артикуляционно-акустическом аспекте и фонология в известной мере потеснена фонетикой. Это обстоятельство еще более оттеняется общей строгостью дефиниций, принятых в остальных частях работы.

Следовало бы с большей критичностью осветить различные точки зрения относительно языковой принадлежности орхон-енисейских и древнеуйгурских памятников. Зафиксированный в них язык нельзя сблизить с какими-либо современными языками. К руническому и древнеуйгурским памятникам восходит литературный язык, окончательно оформившийся при Алишере Навои и употреблявшийся многими тюркоязычными народами вплоть до начала XX века.

Требуют уточнения и некоторые суждения об изменении ряда звуков в чагатайских памятниках, о языковой принадлежности разных групп кыпчакских памятников и происхождении соответствующих современных тюркских языков. Несколько утяжелена терминология работы (изобилуют редкие термины), ряд неологизмов недостаточно мотивирован.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть капитальность рецензируемой работы. Значение ее, несомненно, выходит за пределы избранного ареала и представляет интерес для тюркского языкознания в целом. Эта работа найдет также и практическое применение при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по тюркскому, в первую очередь башкиро-татарскому, языкознанию для студентов филологических факультетов вузов.

Э. Р. Тенишев

Х. НАЗАРОВА. ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КОНЦА XV — НАЧАЛА XVI ВЕКА

ИЗД-ВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР, ТАШКЕНТ, 1979, 160 стр.

Рецензируемая монография Х. Назаровой посвящена синтаксическому строю известного памятника узбекского литературного языка XVI века «Бабур-наме».

В работе рассматриваются основные синтаксические категории языка «Бабур-наме» и приводится систематическое описание наиболее значительных структурных элементов простого и сложного предложения.

Монография состоит из введения, двух глав и заключения.

Во введении обстоятельно говорится о целях и задачах исследования, примененных методах лингвистической интерпретации языковых явлений, поясняются различные транскрипционные знаки и принятые условные сокращения. Далее автор дает краткий обзор работ, посвященных изучению истории узбекского литературного языка указанного периода, особенно его синтаксического строя. При этом автор выдвигает ряд оригинальных идей, представляющих интерес не только для истории узбекского

языка XIV—XVI веков, но и для истории тюркских языков в целом.

В первой главе «Синтаксис простого предложения» анализируются все виды предложений по цели высказывания и эмоциональности, а также двусоставные предложения. Здесь же рассматриваются автором: главные члены, согласование сказуемого с подлежащим, второстепенные и однородные члены предложения, порядок членов предложения, а также типы односоставных предложений.

Заслуживают внимания выводы автора. По ее мнению, язык «Бабур-наме» близок к народному разговорному языку, что подтверждается, как она полагает, употреблением различных форм послелога *билан*. Подробно остановившись на синтаксисе простого предложения, автор показывает, что в староузбекском языке предложения по цели высказывания делятся на повествовательные, вопросительные, повелительные. Как известно, «Бабур-наме» является мемуарным произведением и поэтому большинство предложений в нем — повествовательные. В этой же главе дается грамматический анализ простых предложений и говорится об их стилистических особенностях.

Подробно изложен в книге раздел о составных сказуемых, компоненты которых представляют собой различные сочетания именных и глагольных элементов, а также вспомогательных глаголов и деепричастных форм. Детально характеризуются второстепенные члены предложения и трансформационные варианты отдельных типов предложений.

В разделе «Однородные члены предложения» изложены все случаи образования однородности. Автор пишет, что в «Бабур-наме» однородные члены предложения соединяются либо определенными союзами (при этом указывается на большую активность союза *ва*), либо посредством интонации.

В разделе «Порядок членов предложения» Х. Назарова отмечает, что в языке предложений памятника обычен правильный порядок слов, инверсия подлежащего и сказуемого в языке «Бабур-наме» отсутствует. Однако в приведенных стихотворных отрывках имеются и случаи инверсии. Очевидно, в соответствии с требованиями стихотворного размера, метрики и рифмы автор поэмы в необходимых случаях менял последовательность компонентов составного сказуемого.

В разделе «Типы односоставных предложений» исследуются: бесподлежащие предложения: 1) определенно-личные предложения, 2) неопределенно-личные предложения, 3) обобщенно-личные предложения; предложения с ненаходимым (термин автора. — Р. М., С. М.) подлежащим; бесказуемые предложения: 1) номинативные предложения, 2) назывные предложения.

Вторая глава монографии посвящена синтаксическому строю предложения в

«Бабур-наме». В ней рассматриваются следующие вопросы: классификация сложных предложений (бессоюзных и союзных), историческое развитие союзов, союзных слов и других грамматических средств, служащих для связи компонентов сложных предложений; роль деепричастий, причастий, глаголов условного наклонения в формировании сложных предложений. В своем анализе автор исходит из следующего: а) выделяет бессоюзные сложные предложения в особую группу, независимо от возможности установления их синонимии с союжными сложносочиненными или с союжными сложноподчиненными предложениями; б) признает, что в тюркских языках важную роль наряду с личными глагольными формами играют также деепричастия и причастия, выступающие в роли сказуемого в придаточных предложениях; в) характеризует виды сложных предложений не только по структуре, но и по семантике, трактуемой ею в широком смысле.

Справедлив, как нам кажется, и вывод автора относительно бессоюзных сложных предложений: «В конце XV — начале XVI в. в узбекском литературном языке значительное место принадлежало бессоюзным сложным предложениям, объединявшимся в синтаксическое целое компонентов, соединенных между собой без союзов или других грамматических средств в функции союзов. Материалы староузбекского языка также подтверждают, что бессоюзные сложные предложения — особый вид, первоначальная форма сложных предложений. Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения возникли позднее» (стр. 101). Кстати, аналогичное явление наблюдается и в истории средневекового азербайджанского литературного языка.

Говоря об эволюции бессоюзных сложных предложений, автор высказывает мысль, что в разговорном языке XVI века эти предложения активно использовались, что подтверждается их широким распространением и в современном узбекском разговорном языке; народные пословицы и поговорки, например, почти всегда построены как бессоюзные сложные предложения. Х. Назарова, ссылаясь на работу Х. Абдурахманова, точку зрения которого она разделяет, считает, что большую группу бессоюзных сложных предложений составляют пословицы и поговорки, и что бессоюзные сложные предложения с древних времен отличались стабильностью синтаксического строя, обеспечившей относительную устойчивость составных частей пословиц и поговорок в их историческом развитии.

По смысловым связям и по структуре для «Бабур-наме» характерны два вида бессоюзных сложных предложений: 1) бессоюзные сложные предложения, состоящие из однотипных простых предложений, и 2)

бессоюзные сложные предложения, состоящие из разнотипных простых предложений.

Бессоюзные сложные предложения, составленные из однотипных простых предложений или обозначающие временные, сравнительные отношения, выражают одновременно совершившиеся действия, события, явления, состояния. Детализация одновременности позволяет, в свою очередь, разделить их на два вида: 1) выражающие одновременность совершения, осуществления или протекания действия, состояния, признака; 2) выражающие последовательность совершения, осуществления или протекания одного за другим действия, состояния, признака.

В разделе «Сложносочиненные предложения» автор справедливо полагает, что развитие сложносочиненных предложений неразрывно связано с появлением сочинительных союзов. В период создания «Бабур-наме» в узбекском языке как раз сформировалось несколько таких союзов, активно участвовавших в образовании сложных предложений. Большинство сложносочиненных предложений в «Бабур-наме» двухкомпонентны. Наряду с различными соединительными средствами для связи этих компонентов использовались сочинительные союзы. По содержанию и структуре такие предложения представляют собой единое целое и в них выражены временные, сравнительные, противительные, причинно-следственные, пояснительные отношения.

В разделе «Сложноподчиненные предложения» синтаксическая конструкция рассматривается в двух аспектах: 1) по способу связи придаточных предложений с главными и 2) по содержанию и функции.

По способу связи придаточных с главным предложением различаются сложноподчиненные предложения синтетического, аналитического и аналитико-синтетического типов.

В «Бабур-наме» зафиксированы следующие виды придаточных предложений: 1) сложноподчиненные предложения с придаточным подлежащего и сказуемого, 2) сложноподчиненные предложения с при-

даточным дополнительным, 3) сложноподчиненные предложения с придаточным определительным, 4) сложноподчиненные предложения с придаточным образа действия, сравнения, уподобления и меры-степени, 5) сложноподчиненные предложения с придаточным причины, 6) сложноподчиненные предложения с придаточным цели, 7) сложноподчиненные предложения с придаточным времени, 8) сложноподчиненные предложения с придаточным условия, 9) сложноподчиненные предложения с придаточным уступительным, 10) сложноподчиненные предложения с придаточным следствия.

В монографии рассматриваются также «сложные предложения с прямой речью». В «Заключении» изложены выводы и обобщения автора.

Следует отметить, что рецензируемая работа в основном носит описательный характер, однако все описываемые языковые факты памятника «Бабур-наме» сопровождаются научно-теоретическими комментариями.

Небезынтересны и представленные в монографии некоторые статистические данные, связанные с определенными синтаксическими конструкциями, играющими, на наш взгляд, немаловажную роль в развитии литературного языка.

Привлекает внимание и сам метод исследования: почти по каждому рассматриваемому вопросу автор излагает точку зрения других тюркологов и полемизирует с ними. Это свидетельствует о самостоятельности и творческой зрелости автора.

Ввиду того, что в монографии использован богатый фактический материал из «Бабур-наме», работа может служить источником при изучении исторического синтаксиса узбекского литературного языка XV-XVI веков. К тому же она представляет собой интересное сравнительное исследование, ибо все языковые факты из «Бабур-наме» приводятся обычно в сопоставлении с фактами других родственных тюркских языков.

*Р. Дж. Маггеррамова,
С. Г. Мехтиева*

М. И. АДИЛОВ. АЗЭРБАЙДЖАН ДИЛИНДЭ ТЭГЛИДИ СӨЗЛЭР

АДУ НЭШРИ, БАКЫ, 1979, 96 стр.

Рецензируемая книга посвящена подражательным словам в азербайджанском языке. Она охватывает вопросы тюркской ономотопеи, разработанные в трудах Н. И. Ашмарина, Н. К. Дмитриева и других советских тюркологов, а также общелингвистическую проблему мотивации в звуко-подражательных и мимео-изобразительных словах. В книге приведен новый фактический материал, почерпнутый автором из самых различных источников и иллюстрирующий развиваемые им положения.

Известно, что ономотопозитические слова по своим семиологическим, фонетическим и лексико-грамматическим особенностям отличаются от междометий, частиц, наречий и других традиционных для существующих грамматик частей речи. К достоинствам книги М. И. Адилова следует отнести то, что в ней на новом материале исследуются наименее разработанные или вовсе не освещенные в специальной литературе аспекты подражательных и образных слов. Автор при этом оперирует различными ономотопозитическими концепциями и фактическим материалом, собранным им на протяжении ряда лет из многих печатных источников.

В работе рассматривается широкий круг вопросов: место подражательных слов в словарном составе языка и в системе частей речи, лингвистический статус ономотопеи в тюркских языках, фонетические, структурные, семантические, морфологические, категориальные характеристики подражательных и образных слов, прямые и косвенные подражания и их роль в обогащении словарного состава языка, специфика фонетической структуры, аффиксации и повторов в подражательных словах, их стилистические особенности и др. М. И. Адилов приходит к справедливому выводу, что основным источником обогащения современного языка подражательными словами является живой народно-разговорный язык. Это подкреплено примерами из произведений народно-поэтического творчества, детской художественной и классической литературы. В рецензируемой книге рассматриваются и так называемые императивные слова, подразделяемые автором на вокативные и «диффузные», определяются критерии разграничения вокативов и обращений, устанавливаются окказиональные и узуальные вокативы, говорится о вторичности вокативных слов, обращенных к людям, и первичности — обращенных к животным, попутно проводится целый ряд этимологических разысканий и функционально-синтаксических экспликации. Последние разделы книги посвящены диффузным звуковым комплексам, детским словам и ритмическим сочетаниям. Автор перечисляет

функции языка и речи, образующие своего рода фон при анализе словарных единиц подражательного характера.

Из полученных М. И. Адиловым научных результатов наиболее значительными, на наш взгляд, являются нижеследующие.

1. Подражательные слова следует отличать от подражательных глаголов и имен существительных, в которых понятийность доминирует над имитацией. Подражательные слова, обычно рассматривающиеся в ряду междометий, по своим фонетико-морфологическим и семантико-синтаксическим особенностям, словообразовательным моделям и стилистическим функциям составляют отдельный лексико-грамматический класс слов, то есть отдельную категорию в системе частей речи.

2. Подражательные слова органически входят в словарный состав и грамматический строй языка и поэтому требуют системного подхода и комплексного изучения. Так, в ономотопозитических наречиях редупликация подражательного элемента подразумевает опущенное родовое понятие. Учет словообразовательных формантов, характерных для подражательных глаголов, позволяет установить этимологию целого ряда производных глагольных слов неясного (деэтимологизированного или лексикализованного) происхождения. Выясняется, например, что от звукоподражательных слов не образуются имена прилагательные, а от подавляющего большинства образных слов невозможно образовать производные глаголы. С другой стороны, хотя значительная часть подражательных слов в азербайджанском языке и существует в повторной форме, однако образовывать глаголы эти слова не могут. В отличие от «ложных» повторов типа *кагыз-кагыз*, *ајри-ајри* и т. п. в повторно-подражательных словах (*таг-таг*, *шараг-шырыг* и т. п.) изменение огласовки бывает связано с качественной модификацией элементов имитируемого события.

3. М. И. Адилов строго разграничивает по всем лингвистическим параметрам междометные, подражательные и так называемые императивные слова. Последние непосредственно связаны с апеллятивно-волекативной функцией языка. Классификация этих императивных слов вполне соответствует самой природе устанавливаемых исследователем подразделений.

В тюркологической лингвистике вокативные слова, как известно, почти не исследованы. Тем большее значение приобретает разработка М. И. Адиловым функционально-категориальных и структурно-семантических особенностей данного лексико-грамматического разряда слов. Отмечая случаи смешения вокативов и апеллятивов, неред-

ко встречающиеся в трудах тюркологов, М. И. Адилев пишет, что одна только семантико-синтаксическая зватель-но-призывная функция, присущая им, не может служить достаточным основанием их отождествления, ибо далеко не все обращения являются вокативными словами. Автор устанавливает целый ряд интонационно-акцентных, морфолого-парадигматических и других критериев выделения вокативных слов в особую лексико-грамматическую категорию. Интересно отметить, что вокативные слова от подражательных отличаются не только по своей основной семантике, но и с точки зрения словообразовательного потенциала и характера повторности: если аффиксальное образование глаголов возможно от всех подражательных слов, то этой способностью обладают лишь единичные вокативные слова, и если все подражательные слова, выступая в парно-повторной форме, выражают длительность и интенсивность, то вокативные слова, повторяясь, выражают настоятельность.

В книге есть и ряд недостатков. Так, автор не дает библиографии, нет указателя и словаря подражательных слов, хотя эти необходимые дополнения могли бы оказать читателю существенную помощь при изучении целого ряда вопросов, касающихся подражательных слов.

В конце книги (стр. 93 и 94) упоминаются функции языка и речи. В связи с этим возникают сразу три замечания: во-первых, если была необходимость во включении в книгу функциональной аспектации языка и речи, то, очевидно, соответствующие сведения следовало поместить не в конце, а в начале работы; во-вторых, надо было учитывать роль упомянутых функций в процессе изложения функциональной стороны подражательных, вокативных, детских и прочих слов, анализируемых в данной книге; и, в-третьих, среди функций речи указаны эмотивная, эстетическая, магическая, фатическая (контактоустанавливающая), номенклатурная, то есть маркирующая (в книге эта функция названа не совсем точно: «номинативная»), диакритическая, но почему-то оказались забытыми такие важные речевые функции, как оценочная и волеуказательная.

В целом же новая книга М. И. Адилева, посвященная малоисследованному вопросу подражательных слов, является заметным шагом в деле дальнейшего развития этой специфической области тюркологической лингвистики.

А. К. Алекперов

Г. Ә. БАҒЫРОВ. БӘДИИ ӘСӘРЛӘРДӘ ДАНЫШЫҒ ДИЛИНИН ГРАММАТИК ХҮСУСИЈӘТЛӘРИ

АПИ-нин НӘШРИ, БАКЫ, 1978, 95 стр.

Особенности разговорного языка — малоизученная область тюркологии. Выявление норм разговорной речи и сопоставление их с нормами письменного литературного языка имеет важное научное значение.

Книга Г. А. Багирова «Грамматические особенности разговорного языка в художественных произведениях» отличается актуальностью поставленных и разрешаемых в ней вопросов. В работе обобщены наблюдения автора над языком художественной прозы конца XIX — начала XX века. Выдвигаемые Г. А. Багировым теоретические положения убедительно иллюстрируются удачно подобранными примерами из художественной литературы.

В книге, состоящей из двух частей, автор обращается как к морфологическим, так и к синтаксическим особенностям разговорной речи. Не будучи предметом специального исследования, фонетические и лексические особенности разговорной речи рассматриваются автором по мере необходимости в обеих частях работы: анализируются фонетические варианты той или иной формы, лексических

единиц, характерных для разговорной речи. Специально останавливается автор и на вопросах орфоэпии. Подробно говорится о причинах выбора тех или иных слов синонимического ряда в процессе речи.

Автор сопоставляет исследуемые им формы литературного языка с соответствующими диалектными фактами, определяет ареал функционирования того или иного слова. Наряду с сегментными единицами особое внимание уделяется в книге суперсегментным единицам, играющим важную роль в разговорной речи, ибо при анализе синтаксических единиц интонация и ударение также имеют значение.

Особенности разговорной речи в языке художественной литературы исследуемого периода в рецензируемой книге рассматриваются в аспекте описательной грамматики, что позволяет автору сравнивать разговорную речь с письменным языком, выявляя ее специфические черты, присущие стилю того или иного писателя.

В произведениях художественной литературы, привлеченных к исследованию, авто-

ром установлены интересные особенности категории падежа. Употребление одной падежной формы в функции другого падежа определяется как специфика разговорного языка. Г. А. Багиров приходит к заключению, что большей частью функционально взаимозаменяемыми оказываются пространственные падежи, в то время как грамматические падежи весьма редко замещают друг друга. Случаи же перехода грамматических падежей в пространственные, и наоборот, исключительно редки. Причину этого автор справедливо видит в следующем: «По нашему мнению, данный вопрос связан с индифферентностью падежей, которая наблюдалась на раннем этапе развития языка; со временем за каждым падежом закрепилось соответствующее лексико-грамматическое значение, относительно устойчивой стала семантика отдельных падежных форм, и в результате употребление одной падежной формы в функции другой начало приобретать стилистический характер» (стр. 9—10).

Г. А. Багиров подробно останавливается также на формах выражения категории принадлежности в разговорном языке исследуемого периода и выявляет отличия их от форм современного литературного языка. Аффиксы категории принадлежности анализируются им главным образом в морфологическом аспекте, причем причину их формального богатства он видит в разнообразии диалектных вариантов, оказывающих влияние на язык прозы изучаемого периода.

В связи с тем, что грамматические формы или лексические единицы особенно долго сохраняются в неизменном виде в живой речи, главным образом в диалектах и говорах, зафиксированные в рецензируемой работе факты представляют большой интерес для истории языка.

Известно, что на современном этапе развития языка замена в употреблении одной глагольной формы другой носит исключительно стилистический характер. В ретроспективном же плане это явление связано с диффузией определенных глагольных форм, ибо каждая глагольная форма некогда выражала несколько грамматических значений и имела различную модальную окраску.

В развитии языка, в совершенствовании его грамматической структуры особую роль играет ускорение семантической дифференциации глагольных форм. Именно поэтому в употреблении одной глагольной формы вместо другой автор видит реликт подобной тенденции.

Особенно широко представлены в разговорном языке служебные части речи. Автор показывает, что союзы *на, һәм, каһ, ја*, функционирующие в литературном языке, образуют замкнутую структуру с союзом *да//дә*. В разговорной же речи распространена открытая структура без употребления союза *да//дә*.

По наблюдениям автора, в привлеченных им к исследованию произведениях союзы в

разговорной речи встречаются реже, нежели служебные слова. В качестве примера приведены частицы (*һы, хуб, дана*) и модальные слова (*мағыл, ичмағара, гараз* и т. д.), отсутствующие в разговорной речи и отсутствующие в литературном языке.

Г. А. Багировым рассматриваются и синтаксические особенности живой речи, встречающиеся в прозаических произведениях исследуемого периода. Он отмечает, что в разговорной речи большую роль играет порядок слов, и фиксирует случаи употребления подлежащего после сказуемого. По его наблюдениям, при инверсии главных членов предложения простые подлежащие встречаются чаще подлежащих, выраженных оборотами. Это обстоятельство автор связывает с целевой установкой говорящего, с его стремлением усилить семантическую нагрузку сказуемого.

Известно, что в тюркских языках порядок следования определения и определяемого подчиняется строгому закону. Однако в разговорной речи наблюдаются случаи, когда определение ставится после определяемого, что связано с ее спонтанным характером. Автор приводит много подобных примеров и пытается установить закономерность данного явления.

Заслуживает внимания также рассмотрение Г. А. Багировым присоединительных конструкций (стр. 77—78). В азербайджанском языкознании эти конструкции до сих пор должным образом не изучались. Анализируя причины их присоединения, автор пишет: «По нашему мнению, это связано с тем, что говорящий заблаговременно не сосредоточивает свое внимание на излагаемом вопросе, не употребляет некоторые нужные слова и поэтому не достигает сразу же ясности в выражении своей мысли из-за отсутствия в его речи некоторых нужных слов, необходимость которых тут же чувствует, и произносит их уже в форме добавления» (стр. 78).

Инверсию компонентов в составе фразеологических единиц автор считает проявлением специфики разговорной речи.

Г. А. Багиров правильно замечает, что «структурное сходство простого и сложного предложений порою бывает связано с трансформацией этих конструкций, и часто та или иная сходная конструкция отражает переходный этап этой трансформации» (стр. 85).

Работа завершается анализом сложного предложения. Основное внимание автор уделяет бессоюзным сложным предложениям, отмечая, что широкое употребление этих предложений в языке художественных произведений конца XIX — начала XX века связано с влиянием живой речи на литературный язык.

С нашей точки зрения, правомерно возразить автору относительно трактовки им следующих вопросов.

Рассматривая случаи эллипсиса, автор отмечает, что в разговорном языке эллипсис проявляется несколько иначе, чем в литера-

турном, и делает вывод, что эллипсис служит усилением эмоциональности речи. Автору надо было связать возникновение эллипсиса с контекстом и ситуацией, ибо он появляется непосредственно под воздействием этих факторов, позволяющих сократить высказывание до минимума.

В той же части работы в специальном разделе обстоятельно рассматриваются аналитические глагольные формы, что в целом заслуживает одобрения. Однако не понятно, почему так называемые «паратаксистические глагольные сочетания» в данном случае становятся объектом изучения синтаксиса, а не морфологии.

Как известно, союз *ва*, не характерный для разговорной речи, используется в языке изучаемых писателей в основном в стилистических целях. Поэтому не следовало уделять его анализу так много внимания и места (стр. 87—88).

Указанные нами недочеты не снижают общей ценности работы.

Книга Г. А. Багирова с интересом будет прочитана специалистами, работающими в области истории языка и стилистики.

К. Абдуллаев, Ф. Джалилов

«ӨРЕЛІ ӨНЕР» (ТІЛ МӘДЕНИЕТІ ТУРАЛЫ)

ҚАЗАҚ ССР-інің «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1976, 144 стр.;

«СӨЗ ӨНЕРІ» (ТІЛ МӘДЕНИЕТІ ТУРАЛЫ)

ҚАЗАҚ ССР-інің «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1978, 184 стр.

Институтом языкознания Академии наук Казахской ССР выпущен сборник статей «Сөз өнері» («Искусство слова» или «Искусство словоупотребления»). Двумя годами раньше вышел сборник статей «Өрелі өнер». Эти издания входят в серию работ, посвященных культуре речи. В последнее время вопрос о культуре правильного словоупотребления приобрел первостепенную важность. В республике вышел ряд работ по казахской народно-разговорной речи, по языку общественно-политической, научной, художественной литературы в аспекте изучения правильности и оправданности употребления тех или иных вариантов фонетических и лексических дублетов, синтаксических конструкций и т. д.

В рецензируемых сборниках помещены статьи, охватывающие вопросы: литературного языка и его стилей, диалектной речи, взаимоотношений народно-разговорного и литературного языка, орфоэпических норм и орфографии, словесных и речевых инноваций в литературном и народно-разговорном языке и т. д. Все эти темы рассматриваются под углом зрения общей проблемы — культуры речи.

Большое внимание в сборниках уделено вопросам упорядочения употребления и нормализации дублетов как фонетических, так и лексических. В казахском литературном письменном языке и в устной речи нередко отдельные лексические элементы употребляются в разной фонетической огласовке, что препятствует их орфографической и орфоэпической стабилизации. Так, например, существует разноречие в произношении и правописании таких слов, как *таууна//тауана* 'значение, смысл', *qazır//ka'zir* 'сейчас', *arqaly//arqyly* 'через', *mälimet//maylymat*

'сведения', *aqşadaı//aqşalaj* 'деньгами' и т. д. Поскольку подобные фонетические параллели функционально не обладают какими-либо семантическими или иными дифференцирующими признаками, то их орфоэпия и орфография, бесспорно, нуждаются в унификации. В литературном языке те или иные фонетические параллели, казалось бы, могли иметь самостоятельное лексическое значение, однако фонетическая близость этих дублетов в большинстве случаев затрудняет процесс закрепления за ними определенной семантики. Вместе с тем имеются и удачные примеры такого закрепления, например, *ökümet* 'власть', *ıkümet* 'правительство' (ранее эти слова были лишь фонетическими дублетами).

Несколько иначе обстоит дело в устной речевой практике. В силу укоренившейся языковой традиции фонетические дублеты, несмотря на их звуковые различия, в народном языке воспринимаются как одно и то же слово, а небольшие звуковые расхождения не несут никакой фонологической нагрузки. Поэтому авторы сборника отрицательно относятся к практике создания терминов — фонетических дублетов.

Что касается лексических дублетов, то в ряде статей отмечается целесообразность их использования для создания национальной терминологии. Это подтверждается наличием подобных лексических элементов в народной речи.

В лексике общенародного казахского языка представлено огромное количество синонимических рядов. Несмотря на то, что синонимы, как и дублетные слова, тоже имеют общую лексико-семантическую характеристику, но по характеру своего конкретного функционирования они заметно отличаются

от лексических дублетов. Из синонимических рядов к лексическим дублетам могут быть отнесены лишь так называемые абсолютные синонимы. Авторы данное положение иллюстрируют лексически равнозначными словами *qasqır* и *bögi*, означающими «волк». В изолированном употреблении эти дублетные слова обладают вполне идентичной семантикой. Однако в контекстуальном употреблении эти так называемые дублетные параллели функционально не всегда могут заменять друг друга. Хотя в выражениях *aş qasqırdaj* «как голодный волк» замена второго компонента словом *böridej* «как волк» вполне допустима, она вместе с тем невозможна в таких выражениях, как *qasqır terisi* «волчья шкура», *qasqır işik* «шуба из волчьей шкуры». А казахская пословица *bögi arıuıp bilgizbes* «волк старается не казаться тощим» также не допускает замены первого компонента словом *qasqır*, ибо это находится в явном противоречии с нормами казахского языка. Следовательно, данные слова не могут считаться лексическими дублетами, это, вне всякого сомнения, — полнопровальные синонимы. Ясно, что для правильного ориентирования развития и обогащения лексики литературного языка имеет принципиальное значение умение отличать синонимы от дублирующих друг друга лексических элементов. Поэтому многие авторы сосредоточивают свое внимание на критериях, которыми следует руководствоваться при отборе слов-синонимов из народно-разговорной речи.

Одной из проблем, рассматриваемых в обоих сборниках, является отношение казахских народных говоров к литературному языку. М. Балакаев в своей вступительной статье (кн. I, стр. 9) отмечает, что все ценные элементы народной речи необходимо вводить в обиход литературного языка. Однако отбор при этом должен быть очень строгим.

Согласно утверждениям некоторых специалистов, процесс заимствования русским литературным языком лексики народных говоров сейчас приостановился. Применительно к казахскому языку этого сказать нельзя. В настоящее время процесс обогащения лексического фонда казахского литературного языка за счет народной речи проходит довольно интенсивно. Это вполне объяснимо и закономерно. Лексика любого литературного языка, возникшего на основе народного, в течение длительного времени продолжает обогащаться народными лексическими элементами, заимствуя их из диалектов и говоров. Вошедшие ныне в казахский литературный язык слова *баубан* «садовод», *омарта* «пасека», *қајаз* «усач», *әңгелек* «маленькая дыня» раньше употреблялись лишь в южном диалекте. В языке мангышлакских казахов нам удалось зафиксировать такие редкие слова, как *ayas*, *kesene*, *žalas*, *žuyary*, *dalda*, *ırpek*. Каждое из них обозна-

чает разновидности рельефа местности и обладает конкретным терминологическим значением. Этих слов пока в казахском литературном языке нет, но в принципе они могут войти в него за неимением в нем равноценных.

Диалектная речь носителей казахских народных говоров богата словами-понятиями, относящимися к флоре и фауне различных географических зон, к особенностям развития их экономики. Диалектная лексика — подлинный источник терминологии и профессиональной лексики, которые могут успешно использоваться в литературном языке. Следует, однако остерегаться чрезмерного увлечения вводом диалектных слов в литературный язык. В этом отношении весьма поучительны факты, приведенные в статьях М. Балакаева, Р. Сыздыковой, У. Айтбаева и др.

В ряде статей авторы (Ж. Аралбаев, Х. Неталиева и др.) обращают внимание на нарушение орфоэпических норм в устной речи. Статья С. Нурханова посвящена одной из интересных и малоработанных проблем культуры речи — употреблению в языке средств массовой информации, а иногда и художественной литературы, новых словосочетаний, появившихся в результате межязыковых контактов. Наряду с исконными казахскими словосочетаниями ныне бытуют такие, как *žalyndy sälem* «пламенный привет», *qoıamdyq engbek* «общественный труд» и т. п. Такие инновации, отмечает автор, до недавнего времени не были известны в речевой практике. Благодаря удачному переводу они по праву вошли в казахский литературный язык. Этого нельзя, однако, сказать о таких неудачных сочетаниях, как *süt saudy* «надоть молоко», *gesmj emes mälimet* «неофициальные данные», к сожалению, иногда встречающихся в речи. В народе бытует выражение *syıyr saudy* «пододить корову», а не *süt saudy*; вместо второго выражения следовало бы употребить *beıresmj mälimet*.

Авторы помещенных в сборнике статей анализируют и стилистические нормы казахского литературного языка. В частности, указывается на неправомерность придания некоторым существительным родовых окончаний, не свойственных казахскому и другим тюркским языкам. Имеется в виду употребление таких слов, как *myıyalım/myıyalıma* «учитель, учительница», *azamat/azamatsa* «гражданин, гражданка». В казахской речи обычно одно и то же слово употребляется для обозначения лиц как мужского, так и женского пола. Например, *saıuşy* «продавец, продавщица», *kolkoxşy* «колхозник, колхозница», *šabandoz* «наездник, наездница» и т. д.

Материалы сборника показывают, что изучение культуры речи способствует прояснению и некоторых сложных вопросов истории казахского литературного языка.

С. Омарбеков

А. П. БАЗИЯНЦ. ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОРДЛЕВСКИЙ

ИЗД-ВО «НАУКА», М., 1979, 80 стр.

В издаваемой Институтом востоковедения Академии наук СССР серии «Русские путешественники и востоковеды» вышла книжка А. П. Базиянца о жизни и деятельности видного советского востоковеда Владимира Александровича Гордлевского.

Известно, что значительная и наиболее плодотворная часть жизни В. А. Гордлевского была многие годы тесно связана с Московским институтом востоковедения — Центральным институтом живых языков (1918—1941) и Институтом востоковедения Академии наук СССР (1938—1956), а до этого (1907—1917) — с Лазаревским институтом восточных языков, питомцем которого он являлся. Тем отрадней, что книга о В. А. Гордлевском принадлежит перу автора обстоятельных публикаций по истории Лазаревского института, вплоть до времени его реорганизации в годы Советской власти.

С полным знанием дела и с привлечением обширной литературы и источников, включая материалы личного архива В. А. Гордлевского, автор рецензируемой книги рисует жизненный путь В. А. Гордлевского — сперва студента, затем преподавателя Лазаревского института, — уделяя значительное внимание его научному окружению — Ф. Е. Коршу, Вс. Ф. Миллеру и другим его учителям, их роли в творческом формировании В. А. Гордлевского — педагога и ученого.

Автором хорошо показан процесс выкристаллизовывания научных интересов В. А. Гордлевского со все большим тяготением его к изучению истории Турции, турецкого языка и литературы, включая фольклорную и этнографическую тематику.

Книга А. П. Базиянца насыщена многими, тщательно им изученными биографическими, в том числе и малоизвестными фактами из жизни и деятельности В. А. Гордлевского. Это позволяет устранить отдельные неточности, вкравшиеся в ранее публиковавшиеся материалы о В. А. Гордлевском. Много нового сообщает А. П. Базиянец, повествуя о многолетнем сотрудничестве В. А. Гордлевского в газете «Русские ведомости», о его поездке в 1916 году на Кавказский фронт и т. п.

Кратко, но убедительно и на широком историческом фоне показан жизненный путь В. А. Гордлевского в послеоктябрьские годы, принесшие ему наибольшую известность. Автором сообщаются очень ценные сведения об участии ученого в подготовке реформы письменности тюркоязычных народов СССР, в ходе которой он с глубоким убеждением высказывался за осуществление этой реформы на основе русского алфавита.

Автор многих ценных учебных пособий по турецкому языку и литературе, В. А.

Гордлевский одновременно шаг за шагом подходил к исследованию фундаментальных проблем средневековья (в том числе периода правления Сельджукидов), но в первую очередь его привлекали языковые и культурные проблемы современной ему Турции. А. П. Базиянец подчеркивает, что «именно в изучении современного Востока проявлялись особенности Московской школы востоковедения» (стр. 23).

Вслед за биографическим очерком о В. А. Гордлевском в книге дан обзор его туркологического наследия, получившего воплощение в цикле работ по учебной лингвистике и в многочисленных исследовательских публикациях. Автор кратко характеризует научную и общественно-политическую значимость таких работ В. А. Гордлевского, как «Очерки по новой османской литературе» и «Государство Сельджукидов Малой Азии». В рецензируемой работе большое внимание уделено наследию В. А. Гордлевского в области истории востоковедения, подчеркнут его патриотизм как советского ученого (стр. 43 и след.). Автор книги знакомит читателя с оставшимися неосуществленными многочисленными замыслами В. А. Гордлевского по разработке истории Османской империи, города Стамбула и т. д., подтверждающими широту его интересов и энциклопедичность знаний.

Свидетельством признания научных и общественных заслуг В. А. Гордлевского явилось избрание его в 1929 году членом-корреспондентом, а в 1946 году действительным членом Академии наук СССР. В отзыве о деятельности В. А. Гордлевского, подписанном В. М. Алексеевым, И. Ю. Крачковским, С. А. Козинным и В. В. Струве, говорится, что он пользуется известностью «лучшего в нашей стране знатока турецкого языка и культуры Турции... ученого, известного не только в СССР и Турции, но и за их пределами... создателя целой школы турковедов-османцев» (стр. 28).

Объективно и критически оценивая научное наследие В. А. Гордлевского (стр. 47 и след.), автор подчеркивает, что с течением времени некоторые из публикаций В. А. Гордлевского (в том числе по этнографии и фольклору турецкого народа и тюркских народов СССР) не только не утратили своего значения, а наоборот «приобрели особое значение» как ценнейшие источники, отразившие такие стороны народной жизни и быта, которые ушли в прошлое и уже не могли бы быть зафиксированы в наши дни.

В заключительной части книги А. П. Базиянец констатирует, что «не все, что написал академик В. А. Гордлевский, было опубликовано при жизни. Остались готовые рукописи, новые редакции ранее опубликованных работ, черновые варианты и близкие к

завершению труды» (стр. 50). Однако, к сожалению, он не указывает, какие именно готовые рукописи и близкие к завершению труды входят в неопубликованную (и после выхода в свет четырехтомного собрания его «Избранных сочинений») часть научного наследия В. А. Гордлевского.

Рецензируемая книга завершается информацией о работе коллег и учеников В. А. Гордлевского по подготовке к печати его научного наследия.

Думается, что было бы весьма желательно и уместно заключить книгу (на основе всего содержащегося в ней материала) кратким обобщенным определением роли и места В. А. Гордлевского в истории отечественного турковедения. Правда, автор рецензируемой книги с этой целью приводит следующие слова Л. О. Алькаевой: «Языковед в нем дополнил литературоведа, историк контролировал собирателя фольклора» (стр. 49). Полагаем, однако, что, сколь бы содержательным ни было такое определение, оно не является исчерпывающим.

Несколько упрощенным кажется нам утверждение автора, что «большая группа востоковедов старшего поколения (Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, П. К. Коковцов, И. Ю. Крачковский, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, В. М. Алексеев, П. В. Ериштедт, Б. Я. Владимирцов, Ф. И. Щербатской, И. А. Орбели и др.)» принадлежала к числу тех, кто «безоговорочно (курсив наш. — Б. Л.)» приняли Советскую власть и отдали свои знания и талант народу» (стр. 16). В историографическом плане такая формулировка нивелирует истинное положение дела, снимает реальную необходимость анализа этого важного для своего времени факта биографии каждого из перечисляемых автором крупных востоковедов. Хотя утверждение, что в послеоктябрьские

годы все упомянутые ученые действительно «отдали свои знания и талант народу» и сделали очень много для развития советского востоковедения и бесспорно, однако вместе с тем неоспоримо и то, что не все они безоговорочно восприняли глубочайший в истории России коренной социальный переворот, провозглашенный Великим Октябрем (вспомним биографии В. В. Бартольда, П. К. Коковцова, Ф. И. Щербатского и некоторых других востоковедов из числа перечисленных автором книги). Некоторые из них, прежде чем принять решение, определившее их дальнейший жизненный путь, пережили порой весьма мучительные сомнения и колебания. Не сразу после Октябрьской революции определялся последующий жизненный путь и В. А. Гордлевского. Для него «новый этап его жизни... начался осенью 1918 года» (стр. 19).

Книга снабжена перечнем основных дат жизни и деятельности В. А. Гордлевского (стр. 51—53) и впервые публикуемым, тщательно составленным А. П. Базиянцем и Ю. А. Ли библиографическим указателем печатных работ В. А. Гордлевского.

К сожалению, в книге отсутствует столь же подробный указатель литературы о В. А. Гордлевском. Ссылки на нее, содержащиеся в тексте книги, далеко не являются исчерпывающими.

В заключение хочется подчеркнуть, что А. П. Базиянцу удалось в своем очерке раскрыть основные вехи и даты жизненного пути выдающегося ученого-востоковеда и педагога Владимира Александровича Гордлевского, создав наиболее обстоятельное и полное на сегодняшний день его жизнеописание.

Б. В. Лукин.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ»

4—6 февраля 1980 года в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск) состоялась очередная (третья) конференция по плановой теме Сектора языков народов Сибири — «Сложное предложение в языках разных систем». В работе конференции наряду с сотрудниками Института принимали участие синтаксисты из разных городов, специализирующиеся по языкам Сибири — тюркским, тунгусо-маньчжурским и монгольским, а также по русскому и некоторым европейским языкам. В нынешнем году на конференции присутствовали и кетологи. Конференция подвела итоги работы за год: были доложены достигнутые результаты и обсуждены некоторые проблемные вопросы, имеющие общетюркическое значение.

Особенностью работы конференции явилось то, что доклады были распределены по секциям не по языкам, а по характеру поставленных проблем, вне зависимости от типа описываемого языка. Участники конференции отметили, что такой метод работы связан с некоторыми трудностями, обусловленными необходимостью вникать в незнакомый языковой материал, однако он имеет и преимущества, заключающиеся в ознакомлении с проблемами, стоящими перед исследователями языков другого строя, в возможности взглянуть на свои собственные проблемы как бы со стороны, под новым углом зрения, с более широких типологических позиций. Было отмечено, что на третьей конференции удалось достигнуть гораздо большего взаимопонимания между русистами и алтаистами, чем на первых двух, а это, несомненно, должно способствовать повышению продуктивности дальнейшей работы.

Конференцию докладом «Сложное предложение как единица языка» открыла М. И. Черемисина (руководитель синтаксической группы сектора). Модель сложного предложения, по мнению докладчика, представляет собой единицу полипредикативного уровня языка; таких моделей может

насчитываться несколько сотен. Это знак, план содержания которого — определенное отношение между событиями; план выражения же имеет другую природу, нежели, например, у морфемы — это знак конструктивный, «программирующий» построение множества фраз. Такую модель упрощенно можно представить формулой (() α) (). Ведущим элементом этой формулы является показатель связи α , входящий в состав зависимой предикативной единицы.

В докладе были поставлены и некоторые методологические проблемы, возникающие при описании системы моделей конкретного языка: проблема тождества модели, проблема возможности и границ ее варьирования (в аспекте расположения компонентов и в аспекте внутреннего устройства значимых частей), проблема синтаксической синонимии, полисемии и омонимии. Так, например, в хакасском языке конструкция временной соотносительности с показателем связи *-ган-да* при соотношении абсолютных временных планов «прошедшее — будущее» приобретает причинное значение. Сохраняется ли в этом случае тождество модели? Форма *на-са* образует конструкцию времени и условия, но при определенном строении зависимой части (причастие на *-ар+болзо*) выражает только условие (передко с причинным оттенком). Следует ли в этом случае говорить о варьировании или же это две разные модели? Сводимы ли к представлению о варьировании причинно-целевые конструкции, для которых общим является послелог *учун*, но причинное значение связано с использованием причастия прошедшего времени на *-ган*, а целевое определяется причастием настоящего времени на *-ар*.

Понятиям зависимой предикативности были посвящены доклады А. Ф. Прияткиной (Владивосток) — на материале русского языка и Ф. А. Литвина (Орел) — на материале английского языка.

В докладе Н. П. Романовой (Усть-Каменогорск) «О понятиях сочинения и подчи-

нения» были поставлены терминологические проблемы. В связи с докладом был поднят вопрос о соотношении формальных и семантических критериев в разграничении этих двух классов союзов и/или сложных предложений. *Е. И. Убрятова* отметила, что для тюркских и шире — алтайских языков, в которых все синтаксические отношения имеют строго формальное выражение, представляется удобным сочинительными называть отношения между двумя частями сложного предложения, соединенными союзом. В этих частях оба сказуемых являются финитными глагольными формами. Подчинительными же можно называть отношения, в выражении которых участвуют морфологические показатели¹ в составе зависимого сказуемого. Такая трактовка этих терминов, хотя и отличающаяся от традиционного их толкования в русистике, действительно позволяет провести удобную классификацию алтайских сложных конструкций¹.

Серия докладов молодых специалистов посвящалась рассмотрению способов выражения причинных отношений в разных тюркских языках: в тувинском — *Л. А. Шаминой*, в алтайском — *И. В. Ивановой*, в башкирском — *С. Н. Усманова*. Докладчики сообщили результаты первичного обследования материала, собранного у носителей языка с помощью специального вопросника, разработанного Сектором. В их докладах говорилось как о формальной классификации конструкций (конструкции с союзами, послелогами, с падежными формами причастий, с деепричастиями), так и о некоторых семантических различиях между ними (причинная взаимосвязь, причинное обоснование, условно-причинное значение и т. п.).

В докладе *Н. Н. Ефремова* (Якутск) «Структурно-семантические модели аналитических сложных предложений с союзом *да* в якутском языке» было показано, как комбинации определенных форм времени и модальности уточняют семантику этого союза, образуя три структурно-семантических типа предложений: уступительно-противительный, временной и условный. Так, например, наиболее часто встречающаяся комбинация времен при этом союзе — недавнпрошедшее плюс недавнпрошедшее — образует временную конструкцию со значением быстрого следования.

В докладе *А. В. Есиповой* (Новосибирск) «Выражение субъекта в определительных конструкциях шорского языка» анализировалась формальная специфика выражения зависимого субъекта в системе определительных предикативных единиц: лексическое выражение и грамматическое выражение (при помощи аффиксов притяжания).

¹ См., например, монографию: *Е. И. Убрятова*. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. II. Сложное предложение. Новосибирск, 1976.

А. В. Есипова показала, что на выражение зависимого субъекта в таких конструкциях влияет: а) тип синтаксической связи между зависимой и главной частью; б) структура зависимого предикативного узла; в) тип изафетного сочетания, в которое входит зависимый субъект и г) местоположение субъекта главной части.

Доклад *Г. Г. Фисаковой* (Кемерово) «Формы глагола на *-калак* и *-ганча* в функции зависимого сказуемого в языке бачатских телеутов» был посвящен конструкциям, формируемым причастной формой на *-калак* в направительно-дательном падеже — с семантикой временного предела (*книгадаы апаргалакка кычырзаң* 'пока книгу не унесли, читай') и формой на *-ганча* — с семантикой временного предела и сравнительно-заместительной (*эт казанда пышканча паладар уктагандар* 'пока мясо в котле варилось, дети спали'; *андый кижее т'атканча-өлгөб керек* 'чем такому человеку жить, лучше умереть').

На конференции были представлены доклады и по другим алтайским языкам. *Л. А. Карабаева* (Ленинград) в докладе «Синтаксические функции причастий в падежном оформлении в языке „Сокровенного сказания“» говорила о формах причастий настоящего, будущего и прошедшего времени с показателями дательного-местного, винительного, соединительного, исходного и родительного (с послелогами) падежей, выражающих подчинительные отношения и служащих средством связи придаточного и главного предложений.

В докладе *М. Р. Сандановой* (Новосибирск) «Причастно-послеложные конструкции с послелогом *урда*» были рассмотрены двенадцать моделей близкой семантики («с тех пор как»), формируемые этим послелогом с разными причастно-падежными формами; при этом учитывалось вхождение частиц и уменьшительных суффиксов. Модели были упорядочены по признаку временной близости между главной и зависимой частями.

В докладе *Е. К. Скрибник* (Новосибирск) «Категория относительного лица и ее место в системе других глагольных категорий» было показано, что инфинитные глагольные формы, употребляемые в роли зависимых предикатов, приобретают специфические грамматические категории, ориентированные на выражение их соотносительности с главным сказуемым. Это, с одной стороны, относительное время и относительное лицо (которое в монгольских языках четко выражается аффиксами субъектного притяжания), с другой — относительно-абсолютные грамматические категории зависимого времени и зависимого лица (последнее выражается лично-притяжательными аффиксами).

Доклад *Л. М. Бродской* (Иркутск) «Классификация эвенкийских глагольных форм» посвящался инфинитным формам глагола, выступающим в роли зависимого

предиката полипредикативной конструкции; их классификация была дана в функциональном аспекте. В докладе было показано, что системные отношения между глагольными формами отражают системные отношения между зависимыми и независимыми конструкциями.

Сложному предложению в русском языке были посвящены доклады *Т. А. Колосовой* (Воронеж) и *А. П. Леонтьева* (Новосибирск); в английском языке — *Я. Г. Биренбаума* (Магнитогорск), в кетском — *Н. М. Гришиной* (Томск). Обсуждались

также смежные проблемы уровня связного текста на материале русских диалектов (*О. И. Гордеева*, Томск) и кетского языка (*Н. А. Кабанова*, Красноярск).

Выступавшие отметили целесообразность в пользу совместного обсуждения проблем, способствующего преодолению «языковых барьеров» между синтаксистами, и высказались за продолжение подобных встреч.

Е. К. Скрибник

PERSONALIA

ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ЕГОРОВ

(К столетию со дня рождения)

11 февраля 1980 года исполнилось сто лет со дня рождения видного исследователя чувашского языка, знатока тюркских, финно-угорских и славянских языков, заслуженного деятеля науки Чувашской АССР, доктора филологических наук, профессора Василия Георгиевича Егорова. Имя В. Г. Егорова и его труды широко известны тюркологам, специалистам по сравнительно-историческому языкознанию.

В. Г. Егоров родился в деревне Андреев Базар Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Козловский район Чувашской АССР) в семье крестьянина-чуваша. Окончив земскую школу и двухклассное училище с отличием, он поступил в 1895 году в известную в то время Симбирскую чувашскую учительскую школу, которой руководил выдающийся чувашский просветитель И. Я. Яковлев (1848—1930). С 1899 года В. Г. Егоров работал народным учителем в Бичуринском училище. В 1901 году он поступил сразу в четвертый класс Симбирской духовной семинарии, а после окончания ее в 1904 году — в Казанскую духовную академию. Здесь В. Г. Егоров изучал классическую филологию и совершенствовался в знании старославянского, греческого, латинского, немецкого и французского языков.

В последующие годы В. Г. Егоров работал учителем. По направлению Российского Палестинского общества он в течение двух лет руководил русскими школами города Хомса (Сирия), где начал изучать арабский язык.

В 1912 году В. Г. Егоров поступает на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Его учителями были выдающиеся лингвисты И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба и др. Одновременно он посещает занятия в Археологическом институте. В. Г. Егоров окончил университет с дипломом первой степени (тогда же он получил диплом и об окончании Археологического института).

Интересы молодого, но уже сложившегося ученого сосредоточились прежде всего на проблемах сравнительно-исторического языкознания.

Как филолог-компаративист В. Г. Егоров начал с русистики. В 1916 году, будучи преподавателем русского языка в реальном училище города Елабуги, он публикует работу под названием «Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV—XVII веков». Этот труд, в котором дан анализ развития имен числительных и типов их словоизменения с XI по XIX век, можно считать одним из разделов исторической грамматики русского языка.

После революции в 1920 году была создана Чувашская автономная область. Год спустя В. Г. Егоров был приглашен на работу в Чувашию. С 1923 года В. Г. Егоров преподавал в Казанском чувашском педа-

гогическом техникуме, а также в вузах Казани — Восточном педагогическом институте и Татарском коммунистическом университете. С этого времени В. Г. Егоров главным образом занимается исследованием чувашского языка. Причем ученый исследует его не изолированно, а в кругу родственных тюркских, а также тех языков, с которыми на протяжении веков скрешивалась судьба чувашского языка: прежде всего соседних поволжско-финских, монгольского, иранских, арабского, русского.

Вторая крупная научная работа В. Г. Егорова «Закон гармонии гласных в чувашском языке», появившаяся в 1928 году, свидетельствовала о самобытности его научного мышления. Так, В. Г. Егоровым был открыт в чувашском языке новый вид сингармонизма — лабиальный, присущий его отдельным говорам верхового диалекта, а также некоторым говорам переходной зоны.

В 1930 году в Москве была издана книга В. Г. Егорова «Введение в изучение чувашского языка», в которой исследователь вплотную подошел к научным темам, ставшим в дальнейшем делом всей его жизни. Этим трудом ученый значительно продвинул вперед исследование лексического состава чувашского языка, дал классификацию лексики в плане выявления общетюркских элементов, а также разновременных заимствований из китайского, монгольского, семитских (древнееврейского, арабского), иранских, пермских, волжско-финских, татарского и русского языков. В изучении исторического развития лексики чувашского языка В. Г. Егоров оказался достойным преемником Н. И. Ашмарина и видных зарубежных исследователей — М. Рясенена, У. Вихмана, И. Буденца, З. Гомбоца и др. В. Г. Егоровым дано описание не только литературного чувашского языка, но и всего многообразия его живых говоров.

В своих исследованиях В. Г. Егоров опирался на достижения своих предшественников. В его работах часто обобщались результаты, полученные ранее другими учеными. Нередко его исследования открывали новый круг до того неизучавшихся проблем. В. Г. Егоров был глубоким знатоком истории изучения чувашского языка. Серию работ, посвященных этим проблемам, открывает изданный им в 1931 году аннотированный «Библиографический указатель литературы по чувашскому языку», охватывающий период, начиная с XVIII века, когда чувашский язык впервые стал объектом научного описания, и включающий множество отечественных и зарубежных исследований. В дальнейшем В. Г. Егоров посвятил специальные работы памятникам чувашской письменности XVIII века, первой печатной грамматике чувашского языка 1769 года, жизни и деятельности Н. И. Золотницкого, Н. И. Ашмарина, казанской школе тюркологии и ее роли в разработке проблем чувашского языка.

Для В. Г. Егорова характерен интерес к ключевым проблемам чувашского языкознания, одной из которой является происхождение чувашского народа и его языка. В целом В. Г. Егоров придерживался булгарской теории происхождения чувашей.

О широте лингвистических интересов В. Г. Егорова свидетельствует тема его кандидатской диссертации «Основные типы образования сложных слов в разных системах языков», которую он успешно защитил в 1942 году. На значительном материале генетически и типологически несходных языков В. Г. Егоров подвергнул анализу формальные типы именного сложения, редупликаций и выявил семантику подобного рода образований. В этом исследовании В. Г. Егоров выступил как языковед-типолог, обладающий широкой лингвистической эрудицией.

Одновременно с научной разработкой лексики чувашского языка В. Г. Егоров уделял много внимания и вопросам практической лексикографии. В 1935 году он выпустил в свет «Чувашско-русский словарь», наиболее полно (вплоть до завершения издания семнадцатитомного словаря Н. И. Ашмарина) представлявший словарный состав чувашского языка и выдержавший два издания (1954). В 1960 году вышел из печати «Русско-чувашский словарь» В. Г. Егорова, ставший ценным пособием при изучении русского языка чувашами.

Многочисленные научные исследования В. Г. Егорова, будь то широкие историко-типологические построения или фронтальный анализ лексики чувашского языка с привлечением материалов языков, относящихся к разным семьям, получили логическое завершение в докторской диссертации В. Г. Егорова «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении». За этот фундаментальный труд В. Г. Егорову в 1951 году была присуждена степень доктора филологических наук. «Энциклопедией чувашской грамматики, *Porta linguae Tschuvaschicae* — вратами чувашского языка, ведущими все пытливые умы в *Thesaurus linguae Tschuvaschorum*¹ — сокровищницу чувашского языка» назвал этот труд Н. К. Дмитриев, выступивший на защите официальным оппонентом. Первая часть этого труда под упомянутым названием была издана в 1954 году, вторая часть — в виде отдельных извлечений вошла в коллективную монографию «Материалы по грамматике современного чувашского языка» (1957).

Важное место в деятельности В. Г. Егорова занимала педагогическая работа, которой он отдал более шестидесяти лет своей жизни. С 1933 по 1944 год В. Г. Егоров ра-

¹ *Thesaurus linguae Tschuvaschorum* — латинское название знаменитого словаря Н. И. Ашмарина.

ботал в Казанском и Чувашском педагогических институтах, читал курсы современного русского языка, истории русского языка, общего языкознания,² старославянского и чувашского языков. В. Г. Егоров принимал деятельное участие в разработке школьных программ, учебников и учебных пособий; он автор ряда учебников по русскому языку для чувашской школы.

Ряд лет В. Г. Егоров возглавлял сектор языка Чувашского научно-исследовательского института.

В 1964 году вышел из печати «Этимологический словарь чувашского языка» В. Г. Егорова. Это был первый словарь подобного типа из серии подготавливаемых отечественными тюркологами.² Этот словарь подводил итог многолетним этимологическим разысканиям автора. Он имеет большое значение для установления генетической общности рассматриваемых лексем на общетюркском уровне и выявления контактов чувашского языка с другими языками.

² См.: Л. С. Левитская. Новый вклад в чувашскую историческую лексикологию. — «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 301—304.

В 1971 году вышло второе, исправленное и дополненное издание монографии «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении».

За научные и педагогические заслуги В. Г. Егоров был удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки Чувашской АССР и награжден орденом «Знак Почета». Выдающийся ученый скончался 25 января 1974 года.

Многие чувашские лингвисты являются непосредственными учениками В. Г. Егорова, другие учились по его работам. Можно сказать, что труды В. Г. Егорова, в которых он стремился продолжить и развить лучшие традиции отечественной тюркологии, в значительной мере определили пути развития современного чувашского языкознания. В. Г. Егоров был ученым энциклопедических знаний, огромного трудолюбия, человеком исключительно скромным и отзывчивым. Чувашские языковеды, исследуя чувашский язык на современном уровне развития лингвистической науки, всегда с благодарностью обращаются к трудам В. Г. Егорова, к его плодотворным научным идеям.

А. П. Хузангай

АЗИЗ МИРФЕЙЗУЛЛА ОГЛЫ МИРАХМЕДОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения азербайджанского литературоведа и критика, доктора филологических наук Азиза Мирфейзуллы оглы Мирахмедова.

А. М. Мирахмедов родился 11 февраля 1920 года в Баку, где получил среднее образование.

Окончив в 1941 году филологический факультет Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова, А. М. Мирахмедов начал работать в Институте литературы и языка Азербайджанского филиала Академии наук СССР. В 1947 году после окончания аспирантуры он успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную жизни и деятельности крупнейшего представителя азербайджанской романтической литературы XX века Мухаммеда Хади. В последующие годы А. М. Мирахмедов продолжал исследования в области азербайджанского литературоведения, занимался педагогической и редакторской деятельностью. С 1951 года он научный сотрудник Института литературы и языка

им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. В 1959—1960 годах А. М. Мирахмедов был директором Музея азербайджанской литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. В 1960—1964 годах он находился на ответственной работе в аппарате ЦК КП Азербайджана. С 1964 года по настоящее время А. М. Мирахмедов руководит отделом текстологии Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. В 1973 году за работу «Джалил Мамедкулизаде (Молла Насреддин) и вопросы развития азербайджанской периодической печати XX века» ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук.

А. М. Мирахмедов принадлежит к тому поколению азербайджанских ученых, которые пришли в науку в послевоенные годы и много сделали для развития азербайджанского советского литературоведения и критики.

А. М. Мирахмедов как ученый особенно ярко проявил себя в области изучения истории азербайджанской литературы XIX и начала XX века. Им написаны интересные работы о жизни и творчестве целого ряда классиков азербайджанской литературы указанного периода. В капитальной монографии «М. А. Сабир» (1958, на русском языке — «Поэт, призванный революцией», 1964), основанной на богатом фактическом материале, глубоко раскрыты истоки творчества крупнейшего азербайджанского сатирика начала XX века Сабира, на формирование мировоззрения которого огромное влияние оказали революция 1905 года и азербайджанская просветительско-демократическая мысль, прежде всего знаменитый в то время на всем Ближнем и Среднем Востоке сатирический журнал «Молла Насреддин». В монографии анализируются идейно-художественные особенности сатиры поэта, ее связь с революционной борьбой в Азербайджане, с национально-освободительными движениями в Иране и Турции, прослеживается также огромное влияние творчества Сабира на дальнейшее развитие

азербайджанской реалистической литературы. В монографии «Мухаммед Хади» (1960) впервые подробно изложена биография поэта, определены основные этапы, значение и место его творчества в истории азербайджанской литературы. Большой критико-биографический очерк А. М. Мирахмедова «Абдулла Шаик» (1956) посвящен жизненному и творческому пути видного представителя азербайджанской литературы XX века, плодотворно работавшего вплоть до шестидесятых годов.

Особое место в ряду научных работ А. М. Мирахмедова принадлежит его монографии «Джалил Мамедкулизаде (Молла Насреддин) и вопросы развития азербайджанской периодической печати XX века». В этой работе автором прослеживается разносторонняя журналистская и общественно-политическая деятельность выдающегося азербайджанского писателя и революционного демократа, организатора и издателя журнала «Молла Насреддин», внесшего огромный вклад в развитие азербайджанской литературы и культуры. Большое внимание при этом уделяет автор всей азербайджанской публицистике, раскрытию острой идеологической борьбы, развернувшейся в ней в начале XX века.

А. М. Мирахмедов является также автором целого ряда теоретических статей, посвященных проблемам сатиры, реализма и романтизма в азербайджанской литературе XIX—XX веков, связям азербайджанской литературы с русской, татарской, французской литературами, различным актуальным вопросам азербайджанской советской литературы.

А. М. Мирахмедовым написано также несколько работ по книговедению и текстологии, в том числе «Книга Советского Азербайджана» (1975, в соавторстве), составлены «Словарь литературоведческих терминов» (выдержал четыре издания) и «Хрестоматия по азербайджанской литературе» (для IX класса средней школы, выдержала десять изданий).

Значительные заслуги принадлежат А. М. Мирахмедову в развитии азербайджанской текстологии. Им подготовлены и

изданы двухтомник художественных и публицистических произведений Дж. Мамедкулизаде (1951, 1953), философские, общественно-политические и литературно-критические труды М. Ф. Ахундова (1951). Он является также одним из составителей трехтомного собрания сочинений Дж. Мамедкулизаде и двухтомника собрания сочинений М. Хади, редактором трехтомного собрания сочинений М. А. Сабира, сочинений Н. Везирова, избранных произведений Набати, «Истории азербайджанской литературы» Фиридун-бека Кочарли, факсимильного издания газеты «Экинчи» («Пахарь») и др. Им же написаны предисловия ко многим из этих изданий.

А. М. Мирахмедов — один из ведущих авторов и редакторов трехтомной «Истории азербайджанской литературы» (1958—1962). Он автор ряда статей для «Большой Советской Энциклопедии», «Краткой Литературной Энциклопедии» и «Азербайджанской Советской Энциклопедии».

Много внимания уделяет А. М. Мирахмедов и подготовке научных кадров: под его руководством защищено более десяти кандидатских диссертаций.

А. М. Мирахмедов часто выступает с докладами и сообщениями на всесоюзных и республиканских научных сессиях и конференциях, съездах Союза писателей Азербайджана.

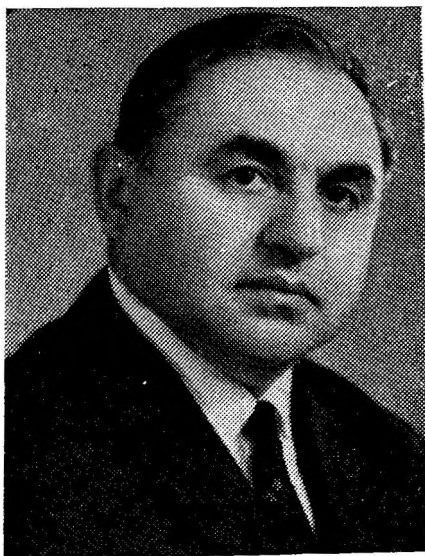
Большую организаторскую работу проводит А. М. Мирахмедов в качестве заместителя председателя республиканского Научно-координационного совета по проблеме «Закономерности развития мировой литературы» и Терминологического комитета при президиуме Академии наук Азербайджанской ССР, члена постоянной Низаминской комиссии, созданной по решению ЦК КП Азербайджана в 1979 году.

Многочисленные коллеги и друзья А. М. Мирахмедова горячо поздравляют его с шестидесятилетием со дня рождения и желают ему доброго здоровья и дальнейших успехов в его многогранной научной и общественной деятельности.

Н. Дж. Мамедов

АЛИОВСАТ ЗАКИР ОГЛЫ АБДУЛЛАЕВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

должность директора семилетки. В 1946 году возобновил учебу в Азгосуниверситете, по окончании которого в 1950 году поступил в аспирантуру по кафедре общего языкознания. В марте 1954 года А. З. Абдуллаев защитил кандидатскую диссертацию «Обособление в современном азербайджанском языке», а в 1957 году был утвержден в ученом звании доцента. В апреле 1963 года он защитил докторскую диссертацию «Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке». С 1964 года он является профессором и с 1967 года бессменно заведует кафедрой азербайджанского языкознания Азгосуниверситета. В 1971—1976 годах А. З. Абдуллаев работал в должности проректора по учебной работе Азгосуниверситета.

За сорок лет научно-педагогической деятельности А. З. Абдуллаев написал свыше ста работ по актуальным проблемам азербайджанского языкознания. Некоторые его статьи были опубликованы в ГДР, ФРГ, Турции и Франции.

К числу наиболее значительных работ А. З. Абдуллаева относятся: «Служебные части речи» (1956), «Синтаксические связи слов» (1958), «Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке» (1964, 1974).

А. З. Абдуллаев один из соавторов книг: «Современный азербайджанский язык», I ч. (1959), II ч. (1962), «Азербайджанский язык» (1964).

В круг научных интересов А. З. Абдуллаева входят такие области азербайджанского языкознания, как морфология, синтаксис, историческая грамматика, орфоэпия, этимология, стилистика.

Большие заслуги имеет А. З. Абдуллаев в области разработки актуальных проблем синтаксиса.

Монография А. З. Абдуллаева «Сложноподчиненные предложения в современном азербайджанском языке», представляющая собой наиболее полное описание даниной ка-

17 февраля 1980 года исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и сорок лет научно-педагогической деятельности заведующего кафедрой азербайджанского языкознания Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова, лауреата Государственной премии Азербайджанской ССР доктора филологических наук, профессора Алиовсата Закир оглы Абдуллаева.

А. З. Абдуллаев родился в 1920 году в селении Меликчобаны Шемахинского района Азербайджанской ССР в семье крестьянина. По окончании семилетки, а вслед за тем Шемахинского педтехникума он с 1939 года работал учителем. В 1940 году был принят на филологический факультет Азгосуниверситета им. С. М. Кирова.

В годы Великой Отечественной войны А. З. Абдуллаев ушел на фронт, участвовал в боях, а после ранения в 1943 году был демобилизован и получил назначение на

тегории синтаксиса азербайджанского языка, получила высокую оценку видных специалистов и вызвала широкий интерес у тюркологов новизной выдвинутой концепции и глубиной ее разработки.

Значительными являются также работы А. З. Абдуллаева, посвященные служебным частям речи, обособлению, приложениям, этимологии и исторической грамматике. Для морфологических исследований А. З. Абдуллаева характерна тесная связь с синтаксисом. Работы А. З. Абдуллаева по этимологии и истории языка отличаются оригинальностью постановки вопроса и убедительностью аргументации.

В этой связи следует упомянуть его публикации, посвященные генезису союза *ки* в азербайджанском языке, этимологии слов *белә* и *елә*, древнему инструментальному падежу и его реликтам в азербайджанском языке.

Внимание специалистов привлекли также работы А. З. Абдуллаева по вопросам обособления членов предложения, причастных и масдарных оборотов, частиц, сложных предложений усложненного типа, трансформации структурных частей сложноподчиненных предложений, присоединительных придаточных предложений.

В 1974 году было удостоено Государственной премии Азербайджанской ССР капитальное четырехтомное исследование «Современный азербайджанский язык» (без фонетики), выполненное при участии и под руководством А. З. Абдуллаева на возглавляемой им кафедре азербайджанского языкознания Азгосуниверситета.

А. З. Абдуллаев принимает активное участие в работах Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР. Он является одним из соавто-

ров двух больших академических изданий: «Грамматика азербайджанского языка» (синтаксис, 1959) и «Современный азербайджанский язык» (трехтомник). Он соавтор и первой научной грамматики карачаево-балкарского языка (Нальчик, 1976).

А. З. Абдуллаев много внимания и сил уделяет созданию учебников и учебных пособий по языкознанию для вузов республики, им создан и читается спецкурс по синтаксису азербайджанского языка.

Следует отметить и большие заслуги А. З. Абдуллаева в деле подготовки высококвалифицированных кадров-языковедов. Под его научным руководством и при его консультации подготовлено двенадцать кандидатских и две докторских диссертаций.

А. З. Абдуллаев не раз достойно представлял азербайджанское языкознание на международных тюркологических форумах.

А. З. Абдуллаев ведет и активную общественную работу: является членом Советского Комитета тюркологов, редактором «Ученых записок» (серия языка и литературы), заместителем председателя Координационного совета по языкознанию при Академии наук Азербайджанской ССР, членом методического совета Министерства высшего и среднего специального образования Азербайджанской ССР, членом ученых советов Азгосуниверситета и Института языкознания им. Насими, членом редакционного совета «Азербайджанской Советской Энциклопедии».

А. З. Абдуллаев находится в расцвете творческих сил. Друзья и коллеги желают ему в его многогранной научной и общественной работе новых больших успехов.

Ф. Г. Гусейнов, А. А. Багиров

АБДУЛЛА ГУСЕЙН ОГЛЫ ВЕЛИЕВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения и пятьдесят лет научно-педагогической деятельности доктора филологических наук, профессора Абдуллы Гусейн оглы Велиева.

А. Г. Велиев родился в феврале 1910 года в Баку в семье кустаря. В 1931 году он окончил лингвистическое отделение Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина.

Начав свою трудовую деятельность в 1927 году, А. Г. Велиев работал в различных организациях в качестве статистика, переводчика, психотехника, преподавателя. С 1939 года он навсегда связывает свою судьбу с научно-педагогической деятельностью. В 1939—1940 годах А. Г. Велиев работает в должности заместителя декана факультета иностранных языков Азербайджанского педагогического института. В 1941 году он возглавляет кафедру азербайджанского и русского языков в Институте иностранных языков.

В годы Великой Отечественной войны (1942) А. Г. Велиев во главе отряда ополченцев участвует в спецработах по обороне Баку. В октябре того же года по окончании военной школы он направляется на фронт в качестве санинструктора. В феврале 1943 года, будучи тяжело раненным в боях под Новороссийском, А. Г. Велиев демобилизуется и в сентябре 1943 года вновь возвращается к научно-педагогической деятельности в Азербайджанском государственном университете, одновременно возглавляя издательство Академии наук Азербайджанской ССР. В 1949 — 1950 годах А. Г. Велиев — ученый секретарь Института языка Академии наук Азербайджанской ССР.

В 1951 году А. Г. Велиев прикомандировывается к Московскому государственному университету им. М. В. Ломоносова, где под руководством Н. К. Дмитриева пишет кандидатскую диссертацию «Говоры западных районов Апшеронского полуострова», которую успешно защищает в ноябре 1952 года.

В 1954 — 1960 годах А. Г. Велиев возглавляет кафедру азербайджанского языка в университете и работает в должности старшего научного сотрудника Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР.

С 1958 по 1966 год А. Г. Велиев — ответственный секретарь редакционной коллегии издаваемого в Баку периодического сборника «Вопросы диалектологии тюркских языков». Многие годы он выполняет обязанности ученого секретаря Республиканского координационного совета при Академии наук Азербайджанской ССР по языковедческим дисциплинам, а также ученого совета по присуждению ученых степеней и званий филологического факультета Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова.

В 1975 году А. Г. Велиев защищает докторскую диссертацию «Переходные говоры азербайджанского языка». В этой работе им одним из первых были применены методы лингвистической географии и матема-

тической лингвистики к изучению вокализма и консонантизма переходных говоров и создан атлас изоглосс фонетических и морфологических явлений, отображающих специфические особенности переходных говоров. С 1978 года А. Г. Велиев — профессор кафедры тюркологии Азгосуниверситета.

Как диалектолог А. Г. Велиев принимал участие в работе многих научных конференций и совещаний по вопросам диалектологии.

А. Г. Велиев — постоянный участник многих диалектологических экспедиций.

А. Г. Велиеву принадлежит более пятидесяти научных работ, посвященных диалектам и говорам азербайджанского языка. Он один из авторов таких капитальных работ, как «Говоры Муганской группы азербайджанского языка» (1955), «Диалекты и говоры Нахичеванской АССР» (1962), «Диалектологический словарь азербайджанского языка» (1964), «Западная груп-

па диалектов и говоров азербайджанского языка» (1967).

А. Г. Велиевым написан ряд учебников и учебных пособий, в том числе: «Материалы по азербайджанской диалектологии» (1960), «Азербайджанская диалектология. Морфология и синтаксис переходных говоров» (1975), «Практикум по азербайджанской диалектологии» (1978), «Введение в диалектологию тюркских языков» (1978).

Много сделано и делается А. Г. Велиевым в области подготовки кадров специалистов-языковедов.

А. Г. Велиев награжден двенадцатью боевыми и трудовыми медалями, а также Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

Коллеги и ученики А. Г. Велиева желают ему в связи с семидесятилетним юбилеем крепкого здоровья и больших успехов на научно-педагогическом поприще.

Ф. Р. Зейналов, Э. И. Азизов

СОДЕРЖАНИЕ

Первое десятилетие	3
------------------------------	---

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Д. С. Сетаров (Шяуляй, Литовская ССР). Тюркизмы в русских названиях животного мира	8
В. Е. Райкова (Москва). К проблеме фонетического оформления анлаута старых русизмов в хакасском языке	28

ОНОМАСТИКА

Г. Ф. Саттаров (Казань). Этнотопонимы Татарии	32
В. А. Бушаков (Аскания-Нова). О первоначальном названии Аскании-Нова — «Чапли»	50

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Л. Г. Офросимова-Серова (Москва). Источники этимологических словарей региональных групп тюркских языков и практические вопросы подготовки материалов этих словарей	53
--	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

З. А. Ализаде (Баку). Синтактико-стилистические особенности пословиц и поговорок в азербайджанском языке	59
Р. М. Бирюкович (Саратов). Семантика и формы выражения способов глагольного действия в чулымско-тюркском языке	68
М. Р. Федотов (Чебоксары). Заметки о переводе с одного тюркского языка на другой	78

РЕЦЕНЗИИ

Э. Р. Тенишев (Москва). Т. М. Гарипов. Кыпчакские языки Урало-Поволжья	84
Р. Дж. Маггеррамова, С. Г. Мехтиева (Баку). Х. Назарова. Особенности синтаксического строя узбекского литературного языка конца XV — начала XVI века	86
А. К. Алекперов (Баку). М. И. Адилев. Азәрбајҹан дилиндә төғлиди сөзләр	89
К. Абдуллаев, Ф. Джалилов (Баку). Г. Э. Бағыров. Бәдни әсәрләрдә данышығ дилинин грамматик хүсусијјәтләри	90

<i>С. Омарбеков</i> (Алма-Ата). «Өрелі өнер»; «Сөз өнері»	92
<i>Б. В. Лукин</i> (Ташкент). А. П. Базиянц. Владимир Александрович Гордлевский	94

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е. К. Скрибник</i> (Новосибирск). «Сложное предложение в языках разных систем»	96
---	----

PERSONALIA

<i>А. П. Хузангай</i> (Чебоксары). Василий Георгиевич Егоров	99
<i>Н. Дж. Мамедов</i> (Баку). Азиз Мирфейзулла оглы Мирахмедов	102
<i>Ф. Г. Гусейнов, А. А. Багиров</i> (Баку). Алиовсат Закир оглы Абдуллаев	104
<i>Ф. Р. Зейналов, Э. И. Азизов</i> (Баку). Абдулла Гусейн оглы Велиев	106

CONTENTS

The first decade	3
----------------------------	---

LANGUAGES IN CONTACT

<i>Dzh. S. Setarov</i> (Shauljai, the Lithuanian SSR). Turkisms in the Russian names of animal world	8
<i>V. E. Raikova</i> (Moscow). On the problem of phonetic correspondence of anlaut of old Russisms in the Khakass language	28

ONOMASTICS

<i>G. F. Sattarov</i> (Kazan). Ethnotoponyms of Tataria	32
<i>V. A. Bushakov</i> (Askania-Nova). On the original name of Askania-Nova — «Chapli»	50

DISCUSSIONS

<i>L. G. Ofrosimova-Serova</i> (Moscow). The sources of etymological dictionaries of the regional groups of the Turkic languages and practical questions in the preparation of materials for these dictionaries	53
---	----

REPORTS, SURVEYS

<i>Z. A. Alizade</i> (Baku). Syntactic-stylistic peculiarities of proverbs and sayings in the Azerbaijan language	59
<i>R. M. Biryukovich</i> (Saratov). Semantics and expression forms of means of verbal action in the Chulym-Turkic language	68
<i>M. R. Fedotov</i> (Cheboksari). Notes on translation from one Turkic language into another	78

REVIEWS

<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). Т. М. Гарипов. Кыпчакские языки Урало-Поволжья	84
<i>R. Dzh. Magerramova, S. G. Mekhtiyeva</i> (Baku). Х. Назарова. Особенности синтаксического строя узбекского литературного языка конца XV — начала XVI века	86

<i>A. K. Alekperov</i> (Baku). М. И. Адилов. Азәрбајҹан дилиндә тәглиди сөзләр	89
<i>K. Abdullayev, F. Dzhililov</i> (Baku). Г. Ә. Бағыров. Бәдин әсәрләрдә данышыг дилинин грамматик хусусијјәтләри	90
<i>S. Omarbekov</i> (Alma-Ata). «Өрелі өнер»; «Сөз өнері»	92
<i>B. V. Lunin</i> (Tashkent). А. П. Базиянц. Владимир Александрович Гордлевский	94

SCIENTIFIC LIFE

<i>E. K. Skribnik</i> (Novosibirsk). «Composite sentence in languages of different systems»	96
---	----

PERSONALIA

<i>A. P. Khuzangai</i> (Cheboksari). Vasily Georgiyevich Yegorov	99
<i>N. Dzh. Mamedov</i> (Baku). Aziz Mirfeizulla ogly Mirakhmedov	102
<i>F. G. Guseinov, A. A. Bagirov</i> (Baku). Aliovsat Zakir ogly Abdullayev	104
<i>F. R. Zeinalov, E. I. Azizov</i> (Baku). Abdulla Gusein ogly Veliyev	106

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 2/IV-1980 г. Подписано к печати 7/VII-1980 г. ФГ 10814. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 3063. Тираж 3060. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»**

ГЛАСНЫЕ

A a — а
Ä ä — э
E e — е
U u — у
I i — и
O o — о
Ö ö — ө
U u — у
Ü ü — ү

СОГЛАСНЫЕ

B b — б
V v — в
G g — г
G' g' — к (گ)
Y y — ғ (غ)
D d — д
Ž ž — ж
Ž ž — ч, дж (ج)
Z z — з
Δ δ — з (ذ)
J j — j
Q q — ка (ق)
K k — ке (ك)
L l — л
M m — м

N n — н
ŋ — н
ŋg — нг (نگ)
P p — п
R r — р
S s — с
T t — т
F f — ф
X x — х (خ)
H h — h, x (ه, ه)
C c — ц
Č č — ч (چ)
θ θ — ç (ث)
Š š — ш

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
◌ краткость
◌ носовой
◌ мягкость